ВЕСТНИК МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

ОБРАЗОВАНИЕ • НАУКА • НОВАЯ ЭКОНОМИКА

Научный периодический журнал

ISSN 1996-7845 (Print)
ISSN 2542-2081 (Online)

Периодичность выхода – 4 раза в год

Научный периодический журнал «Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика» издается Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» с января 2006 г. С 2009 г. публикуется ежеквартально. Каждый номер журнала является тематическим. Включен в перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук (рекомендован по следующим научным специальностям: 23.00.00 Политология, 08.00.00 Экономические науки, 13.00.00 Педагогические науки).

Миссия журнала – распространение российских и зарубежных исследований в области глобального управления, международного сотрудничества по различным направлениям социально-экономической политики, в том числе образования, науки, новой экономики; а также создание профессиональной площадки для обсуждения тенденций и прогнозов в этих сферах.

Вестник международных организаций публикует статьи и аналитические материалы российских и зарубежных авторов о деятельности многосторонних международных институтов, прежде всего «Группы восьми», «Группы двадцати», БРИКС, ОЭСР, Всемирного банка, МВФ, ВТО, ООН, и интеграционных объединений, в первую очередь Европейского союза, Евразийского экономического союза, Шанхайской организации сотрудничества и др.

Журнал рассчитан на исследователей, аналитиков, практиков в области международных отношений и мировой экономики, а также на широкий круг читателей, интересующихся политическими проблемами международных отношений и глобального развития.

Позиция редакции не обязательно совпадает с мнением авторов.

Авторские права на публикуемые материалы принадлежат редакции журнала и авторам статей. Перепечатка материалов без разрешения редакции запрещена. При использовании материалов ссылка обязательна.

Подписка

Подписка на журнал «Вестник международных организаций» осуществляется во всех почтовых отделениях связи:
Каталог Агентства «Роспечать» http://www.rosp.ru/
Подписной индекс: **20054**

Розничная продажа

В университетском книжном магазине «БукВышка»
Адрес: Москва, ул. Мясницкая, 20
Телефон: +7 (495) 621-49-66, 628-29-60

Научный руководитель Я.И. Кузьминов (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

Главный редактор М.В. Ларионова (НИУ ВШЭ, РАНХиГС, Российская Федерация)

Приглашенный редактор номера С.А. Караганов (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

Ответственный секретарь Е.А. Литвинцева (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Э. Бейкер (Королевский университет Белфаста, Великобритания)
Св. Бископ (Королевский институт международных отношений «Эгмонт», Бельгия)
Ю.А. Борко (Институт Европы РАН, Российская Федерация)
Р. Вагенаар (Университет Гренингена, Нидерланды)
Я. Ваутерс (Лёвенский католический университет, Бельгия)
Ш. Гуо (Шанхайский университет иностранных языков, КНР)
Л.М. Гохберг (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
Дж.Дж. Киртон (Университет Торонто, Канада)
А.В. Кортунов (Российский совет по международным делам, Российская Федерация)
Л.Л. Любимов (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
Дж. Найт (Университет Торонто, Канада)
Т.Г. Пархалина (Институт научной информации по общественным наукам РАН, Российская Федерация)
А.В. Соколов (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
И.Д. Фрумин (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
П. Хайнал (Университет Торонто, Канада)
В.Д. Шадриков (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
Л.И. Якобсон (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
А.А. Яковлев (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

РЕДАКЦИЯ

Выпускающий редактор А.В. Заиченко
Компьютерная верстка Ю.Н. Петрина
Художник А.М. Павлов

Адрес редакции

119017, Москва, ул. Малая Ордынка, 17
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Телефон: +7 (495) 772-95-90 *23147 и *23149
E-mail: iorj@hse.ru
Web: http://iorj.hse.ru/

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, регистрационный номер ПИ № ФС 77 – 66563 от 21.07.2016

Учредитель

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Тираж 500 экз.

© Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2018

INTERNATIONAL ORGANISATIONS RESEARCH JOURNAL

EDUCATION • SCIENCE • NEW ECONOMY

Quarterly Journal

ISSN 1996-7845 (Print)
ISSN 2542-2081 (Online)

International Organisations Research Journal (IORJ) is published by the National Research University Higher School of Economics since January 2006. It is published quarterly since 2009. Generally, each issue is dedicated to one theme. The Journal is on the list of reviewed scholarly journals approved by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of Russia for publishing key research findings of PhD and doctoral dissertations. The journal's main themes are: global governance and international affairs, world economy, international cooperation in education, science and innovation.

The journal's mission is to disseminate the findings of research on global governance, international cooperation on a wide range of social and economic policies, including in the sphere of education, science and new economics, as well as creating a professional framework for discussion of trends and prognoses in these areas.

International Organisations Research Journal publishes academic and analytical papers by Russian and international authors on activities of international multilateral institutions: G8, G20, BRICS, OECD, the World Bank, IMF, WTO, UN, and alliances including the European Union, Eurasian Economic Union, Shanghai Cooperation Organisation and others.

The journal is aimed at researchers, analysts, practitioners in international affairs and world economics and at a wide audience interested in political issues of international affairs and global development.

The editorial position does not necessarily reflect the authors views.

Copyrights are owned by authors and editorial office. The reproduction of materials without permission of the editorial office is prohibited. The reference to the materials is obligatory.

Subscription

To subscribe to the International Organisations Research Journal contact postal department:
Rospechat' http://www.rosp.ru/
Subscription index: **20054**

Sale

To purchase the International Organisations Research Journal contact specialized bookshop of the Higher School of Economics Publishing House.
1/20, Myasnitskaya, Moscow, Russian Federation
Tel: +7 (495) 621-49-66, 628-29-60

Yaroslav Kuzminov, *Scientific Advisor*, Rector, HSE, Russian Federation
Marina Larionova, *Editor-in-Chief*, Professor, HSE; Head CIIR, RANEPA, Russian Federation
Sergey Karaganov, *Guest Editor*, HSE, Russian Federation
Ekaterina Litvintseva, *Executive secretary*, HSE, Russian Federation

EDITORIAL COUNCIL

Andrew Baker (Queen's University of Belfast, United Kingdom)
Alexander Sokolov (National Research University Higher School of Economics, Russian Federation)
Andrei Kortunov (Russian International Affairs Council, Russian Federation)
Andrei Yakovlev (National Research University Higher School of Economics, Russian Federation)
Jan Wouters (KU Leuven, Belgium)
Isac Frumin (National Research University Higher School of Economics, Russian Federation)
Jane Knight (University of Toronto, Canada)
John Kirton (University of Toronto, Canada)
Leonid Gokhberg (National Research University Higher School of Economics, Russian Federation)
Lev Lubimov (National Research University Higher School of Economics, Russian Federation)
Lev Yakobson (National Research University Higher School of Economics, Russian Federation)
Peter Hajnal (University of Toronto, Canada)
Robert Wagenaar (University of Groningen, Netherlands)
Shuong Guo (Shanghai International Studies University, China)
Sven Biscop (Egmont – The Royal Institute for International Relations, Belgium)
Tatiana Parkhalina (Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Science, Russian Federation)
Vladimir Shadrikov (National Research University Higher School of Economics, Russian Federation)
Yuri Borko (Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation)

EDITORIAL STAFF

Executive editor – Anna Zaichenko
Pre-Press – Yulia Petrina
Designer – Andrey Pavlov

Address

National Research University Higher School of Economics
17, Malaya Ordynka street, Moscow, Russia 119017
Tel: +7 (495) 772-95-90 *23147 and *23149
E-mail: iorj@hse.ru
Web: http://iorj.hse.ru/

Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (ROSKOMNADZOR)

Reg.No. PI № FS 77 – 66563 (21.07.2016)

Publisher

National Research University Higher School of Economics

500 copies

© National Research University Higher School of Economics, 2018

Содержание

Вступительное слово

С.А. Караганов
Вступительное слово приглашенного редактора. Общая повестка для Большой Евразии 7

В.О. Никишина
Вступительное слово приглашенного эксперта.
Формирование экономического пространства Большой Евразии:
вызовы для Евразийского экономического союза 15

Будущее институтов в Большой Евразии

Р.К. Алимов
Шанхайская организация сотрудничества и Большая Евразия..... 19

Евразийская повестка сотрудничества

Т.В. Бордачев, А.С. Пятачкова
Концепция Большой Евразии в повороте России на Восток 33

А.Б. Лихачева, Г.М. Калачигин
Оценка рисков либерализации торговли товарами со странами Азии
в рамках российской политики поворота на Восток..... 52

А.С. Королев, В.А. Шумкова
Политические институты Большой Евразии: выводы для России 70

Д.П. Новиков
Большое евразийское партнерство:
возможное региональное влияние
и интересы России 82

А.Б. Лихачева, И.А. Макаров, А.С. Пестич
Создание общей инфраструктуры Евразии:
повестка для Евразийского экономического союза 97

Новые грани большого евразийского проекта. Страновой взгляд

Н. Лу, Ш. Лу, М. Хуан
Сотрудничество Китая с Россией и странами Центральной Азии в формате
«Одного пояса, одного пути» как фактор развития ШОС 113

Р.Ю. Изимов, З.Т. Мураталиева
Центральноазиатский трек инициативы
«Пояс и путь»: возможности и риски 128

Content

Foreword

S. Karaganov
Guest Editor's Foreword. Joint Agenda for Greater Eurasia 7

V. Nikishina
Guest Expert's Foreword. Creating Greater Eurasia's Economic Space:
Challenges for the Eurasian Economic Union 15

The Future of Greater Eurasian Institutions

R. Alimov
The Shanghai Cooperation Organisation and Greater Eurasia 19

The Eurasian Cooperation Agenda

T. Bordachev, A. Pyatachkova
The Concept of Greater Eurasia in the Turn of Russia to the East 33

A. Likhacheva, H. Kalachyhin
Risk Assessment of Trade Liberalization with Asian Countries
in the Context of Russia's Policy of Pivot to Asia 52

A. Korolev, V. Shumkova
Security Institutions in Greater Eurasia: Implications for Russia 70

D. Novikov
Development of Multilateral Economic Institutions
in Greater Eurasia: Problems, Prospects and Implications for Russia 82

A. Likhacheva, I. Makarov, A. Pestich
Building a Common Eurasian Infrastructure:
Agenda for the Eurasian Economic Union 97

New Dimensions of the Greater Eurasian Project. National Perspectives

N. Lu, S. Lu, M. Huang
Sino-Russian Cooperation with Central Asian States
in "One Belt – One Road Format" as SCO Development Factor 113

R. Izimov, Z. Muratalieva
The Central Asian Track of the One Belt One Road Initiative: Opportunities and Risks 128

Вступительное слово

Вступительное слово приглашенного редактора. Общая повестка для Большой Евразии

Предварительный запуск проекта «поворота на Восток», который почти два десятилетия спустя привел к выдвижению концепции партнерства или сообщества Большой Евразии, состоялся в 1999–2000 гг. Тогда в Совете по внешней и оборонной политике – общественной организации, которую я имел честь возглавлять, – задумались о необходимости убыстренного развития Сибири и Дальнего Востока через их ускоренную интеграцию в рынки быстро поднимавшегося Тихоокеанского региона. Был опубликован доклад «Новое освоение Сибири и Дальнего Востока»[1]. Он вызвал интерес. Но тема «не пошла». Российский управляющий класс был занят выживанием, внутренними проблемами, освоением и перераспределением доставшихся ему ресурсов. Азия по-прежнему представлялась чем-то далеким, грязным и отсталым. А в возможности «вхождения в Европу», куда часть этого класса усиленно перекачивала капиталы, еще не сомневались. Несмотря ни на расширение НАТО, заложившего мину под такую интеграцию, ни на 78-дневную бомбардировку этим союзом остатков Югославии, сделавшую столкновение России с Западом в будущем почти неизбежным.

Вторая попытка обосновать поворот на Восток, предпринимавшаяся совместно сотрудниками факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ и СВОП начиная с 2008–2009 гг., оказалась более успешной. Наш анализ, результаты которого широко распространялись и в госорганах России, и в прессе, основывался на том, что у России в связи с подъемом Азии появляются конкурентные преимущества, что в этих условиях Зауралье, Дальний Восток из тыла в противостоянии с Западом или имперского бремени могут и должны стать двигателем и своего собственного развития, и развития всей страны[2]. Исходили мы и из прогноза замедления развития Европы, и вероятности осложнения политических отношений с Западом. Представлялось очевидной целесообразность диверсификации внешнеэкономических связей, внешних источников развития. Обоснование «поворота», новой политики в Азии, затем концепция Большой Евразии распространялись не только через записки, доклады, но и через серию получивших известность докладов, подготовленных под эгидой клуба «Валдай». Они были объединены общим названием – «Вперед к Тихому океану»[3] – лозунгом инженеров, военных, рабочих, строивших Транссибирскую магистраль.

Благодаря усилиям многих ученых, бизнесменов, политиков условно с 2012 г. поворот был запущен и пошел по нарастающей. Ключевую роль в убыстрении развития Дальневосточного федерального округа, пока еще не всей Сибири, сыграло созданное в 2012 г. Министерство по развитию Дальнего Востока. С конца 2013 – начала 2014 гг.

---

[1] Рыжков В.А., Хлопонин А.Г. (2001) Новое освоение Сибири и Дальнего Востока. Ч. 1. М.: Совет по внешней и оборонной политике. С. 161.

[2] Караганов С.А. (2015) Поворот к Азии: история политической идеи. Поворот на Восток: Развитие Сибири и Дальнего Востока в условиях усиления азиатского вектора внешней политики России / под ред. И.А. Макарова. М.: Международные отношения. С. 9–17.

[3] Режим доступа: http://ru.valdaiclub.com/a/reports/ (дата обращения: 16.07.2018).

оно заработало в полную силу. Одновременно Россия начала наращивать свои дипломатические усилия в Азии и в Азиатско-Тихоокеанском регионе. К 2017 г. поворот во многом состоялся[4]. Началось убыстрение роста Дальнего Востока. Торговля ЕАЭС с Азией сравнялась с его торговлей с ЕС. Пошло переформатирование внешнеполитических связей России. Они сформировались в годы революционного развала 1990-х и хаотического восстановления 2000-х годов и были основаны на обмене российской нефти и газа на дорогие и часто экономически относительно менее эффективные европейские товары. Рост торговли с Азией позволяет заменить их на более экономически эффективные.

Россия воспринимается в Азии уже не как чужая сила, хотя и считается – и это, наверное, правильно – большой европейской страной в Азии.

Особую роль в российском повороте сыграло беспрецедентное сближение с Китаем, отношения с которым достигли де-факто уровня союзнических. Но одновременно Россия активизировала свои отношения со странами, находящимися на периферии вероятной главной сверхдержавы будущего мира, – с Японией, Южной Кореей, Вьетнамом и странами АСЕАН, Индией, Пакистаном.

Но, возможно, самое важное – произошло изменение геостратегической самоидентификации большей части политикообразующего класса России.

Вместо провинциальной европейской Россия стала рассматриваться как центральная евразийская или, возможно, как северная евразийская держава. Евразия в российском современном геополитическом мышлении включает и запад континента, не является антиевропейской, как в построениях старых советских и российских евразийцев.

Новая российская геополитическая и геоэкономическая самоидентификация ведет к эмансипации от моральной и политической зависимости от Запада к качественному усилению позиций в диалоге и взаимодействии с ним. При этом Россия, естественно, не собирается отказываться от сотрудничества с европейскими странами там, где оно выгодно. Такой отказ не только невыгоден экономически, да и невозможен, но и идеологически опасен, угрожает идентичности большинства россиян, считающих себя европейцами, даже если им и не нравится многое в современной Европе, которая во многом становится постЕвропой, отказываясь, во всяком случае пока, от значительной части ценностей, которые ее определяли и которые в России считают своими.

На основе оценки и прогноза геоэкономических и геополитических тенденций мирового развития, а также опираясь на первые результаты своего экономического, политического и ментального поворота на Восток, в России была высказана идея формирования новой общности – партнерства Большой Евразии. Эта идея была официально поддержана руководством России и Китая, стала двусторонней инициативой, разумеется, открытой для других стран.

Новая российская азиатская политика будет тесно интегрироваться с ее вторым, европейским направлением, и с третьим – южным. И с четвертым – Северным, Арктическим. И конечно, с американским. По возможности.

На новом витке и с новых позиций, и на новых основах будет полезной и вероятной через два-четыре года новая активизация сотрудничества страны с другими европейскими странами, россиян с другими европейцами. Европа – привычный партнер и удобный поставщик многих технологий и товаров. А в силу ее нового положения

[4] Валдай (2017) К Великому Океану – 5: От Поворота на Восток к Большой Евразии. 6 сентября. Режим доступа: http://valdaiclub.com/a/reports/toward-the-great-ocean-5-from-the-turn-to-the-east/ (дата обращения: 16.07.2018).

в мире Европа крайне заинтересована в своем повороте на Восток, уже не только к России, как прежде, сколько к Азии и Евразии.

Концепция Большой Евразии основана не только на желательности с точки зрения России и, считаем, всех держав континента, создания нового пространства сотрудничества развития и безопасности. Большая Евразия будет складываться и благодаря выходу на поверхность вместо тенденции «Азия для мира», когда страны континента развивались в основном как экспортеры во внешний мир, тенденции «Азия для Азии», когда главным источником и двигателем роста становятся азиатские и евроазиатские рынки. Десять лет назад казалось, что центром нового мира станет Тихий океан или даже предлагавшаяся рядом мыслителей, в первую очередь З. Бжезинским, «Кимерика» – дуумвират двух сверхдержав. Но Китай на него до поры до времени не соглашался, а элита США, потерявшая рациональность, почти поголовно сделала выбор в пользу политики сдерживания Китая. Это посодействовало решительному повороту Китая на Запад, в конечном итоге к рынкам Европы через план «Один пояс – один путь» (ОПОП). Этот поворот мощно подтолкнул тенденцию к созданию Большой Евразии. Этот план – большая удача для России, так как ставит ее в центр новой зоны развития. К тому же и Москве, и Пекину удалось, договорившись в 2015 г. о «сопряжении» ЕАЭС и ОПОП, избежать предсказывавшегося многими соперничества в Центральной Азии.

Партнерство или сообщество Большой Евразии – это, во-первых, концептуальная рамка, задающая вектор взаимодействия государств континента. Оно должно быть нацелено на совместное экономическое политическое и культурное возрождение и развитие десятков в прошлом частью отсталых или подавлявшихся евроазиатских стран, превращение Евразии в центр мировой экономики и политики.

Он будет включать в себя как страны Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии, центра Евразии, Россию, так и, видимо, в растущей степени страны европейского субконтинента и их организации, – в той мере, в какой они будут способны и настроены на конструктивное сотрудничество.

Во-вторых, Большая Евразия – это создающаяся геоэкономическая общность, обусловленная тенденцией «Азия для Азии», поворотом Китая на Запад, его сопряжением с ЕАЭС, поворотом России на Восток.

В-третьих, это воссоздающееся после многовекового провала пространство цивилизационного сотрудничества, олицетворением которого был культурный аспект Великого Шелкового Пути, вовлекавшего и соединявшего великие цивилизации Китая, Индии, Персии, арабского Среднего Востока с Европой через Византию – Восточную Римскую империю, Венецию, Испанию.

В-четвертых, Большая Евразия – это движение к новой геостратегической общности – общеевразийскому пространству развития, сотрудничества, мира и безопасности, призванное преодолеть оставшиеся от «холодной войны» расколы, предотвращать появление новых, регулировать разногласия и трения между участниками партнерства. Важнейшая его потенциальная функция – «погружение» в сеть связей, сотрудничества, балансов, договоренностей Китая, чтобы предотвратить его превращение в потенциального гегемона, против которого будут неизбежно объединяться другие евроазиатские страны, приглашая и внешних балансиров, имеющих меньшую заинтересованность в сохранении стабильности и мира на континенте. В то же время Большая Евразия должна быть принципиально открыта остальному миру, другому важнейшему его центру, который формируется вокруг США, и через АТЭС и схожие форумы, и через атлантические структуры, и через возможный и желательный – через шаг – трехсторонний триалог по глобальным проблемам и международной стратегической стабильности между Россией, Китаем и США.

Большая Евразия должна формироваться на основе традиционных ценностей международного права и международного общежития, отрицания любого универсализма, ценностного превосходства, заведомой правоты или гегемонии.

К числу принципов, на которых нужно будет строить Большую Евразию (а в идеале – международные отношения в целом), относятся:

– безусловное уважение суверенитета и территориальной целостности, отказ от политики гегемонии, диктата и угроз, взаимные усилия по поддержанию мира и стабильности под эгидой ООН;

– безусловное уважение политического плюрализма, свободы политического выбора народов стран континента, отказ от вмешательства во внутренние дела друг друга;

– экономическая открытость, снижение барьеров для международной торговли и инвестиций, отказ от политизации экономических связей, подрывающих взаимозависимость, экономическое взаимодействие по принципу «плюс – плюс», выигрыш для всех;

– отказ от создания военных союзов и расширения существующих, всемерная поддержка принципа нейтралитета и неприсоединения, гарантии безопасности государств, сделавших этот выбор;

– нацеленность на создание общеконтинентальной системы развития, сотрудничества и безопасности от Джакарты (или Токио) до Лиссабона, которая покрывала бы и компенсировала провалившийся проект общеевропейской безопасности, предоставляла бы новый формат для решения противоречий и в Европе, и по периметру Китая, на Корейском полуострове, на Ближнем Востоке;

– нацеленность на поддержание военно-политической стабильности, предотвращение конфликтов как абсолютно необходимого условия общественного развития и увеличения благосостояния, в конечном счете – обеспечение основных прав человека;

– нацеленность на поддержание и развитие многообразия культур, создание новых и воссоздание исторических культурных связей; через диалог евроазиатских цивилизаций к миру, сотрудничеству и взаимообогащению;

– защита прав человека в их неразрывной взаимосвязи с правами обществ и государств.

Большая Евразия – это и концептуальная рамка для нацеленной в будущее геостратегической и геоэкономической самоидентификации России как центра и севера поднимающегося континента, одного из его важных связующих транспортных и экономических звеньев, важнейшего поставщика безопасности. Россия благодаря многовековому опыту взаимодействия и с Западом, и с Востоком, мирного взаимодействия многих религий, открытости русской культуры призвана играть центральную роль в налаживании и воссоздании культурного взаимодействия в Евразии. При этом Россия не собирается отказываться от важнейших для нее европейских культурных корней, будет развивать их.

Концептуальная рамка позволяет, используя тенденции, направлять действия государств, существующих организаций и диалоговых форматов в единое русло, нацеленное на формирование и оформление новой геоэкономической, геополитической и геокультурной общности – партнерства, а затем сообщества Большой Евразии. Естественной переговорной платформой для создания такого партнерства может стать ШОС – при придании организации большей энергии, открытости и превращения ее из сугубо региональной в организацию организаций, форум для обсуждения проблем. Возможно, полезны были бы и диалоги ШОС – ЕС, ЕАЭС – ЕС. Можно начинать

и с экспертного, а затем экспертно-политического форума евразийского развития, сотрудничества и безопасности. Но использование (при развитии) существующей организации удобнее создания новой, да еще без институциональной основы.

Естественно, для создания на основе ШОС (при ее развитии и сохранении) новой структуры требуются эффективные совместные усилия ее членов, прежде всего России и Китая, чьи действия в ШОС прежде сковывались стремлением сдержать влияние друг друга в экономической сфере (доминирования Китая, видимо, опасалась Россия) и в сфере безопасности (лидерства России, по-видимому, не хотел Китай). Сейчас развитие сдерживается противоречиями Индии и Китая. Нужен новый, накрывающий старые противоречия формат. Это – совместное движение к партнерству Большой Евразии, которое требует сложения усилий, конкурентных преимуществ к общей выгоде.

Большая Евразия – это концептуальные рамки совместного проекта, вернее, многих проектов входящих в него государств, их организаций, готовых идти к общей цели – созданию континента развития, мира и тесного сотрудничества. Первоначально ведущую роль в его создании призван сыграть тандем двух стран, России и Китая, руководители которых уже официально поддержали концепцию партнерства Большой Евразии. Но концепция требует конкретизации в многостороннем диалоге.

В дополнение к развитию широтной транспортной инфраструктуры первостепенное значение имеет развитие транспортных путей Север – Юг, подключающих не только Дальний Восток, но и центральные и западные регионы Сибири, Приуралье к быстрорастущим рынкам западного Китая, Ирана, Индии, Пакистана.

Несмотря на нынешнее замедление из-за экономического кризиса интеграционных процессов в ЕАЭС, союзу необходима новая долгосрочная повестка дня. Возможно – это единая транспортная и общая торговая политика, интеграция на оптимальных условиях в единое пространство Большой Евразии, участие в формировании его стандартов и правил.

Необходимо создание многосторонних технологических альянсов со странами континента, как на Западе, так и на Востоке. Большинство высокотехнологических отраслей невозможно развивать, ориентируясь преимущественно на собственный или даже союзный рынок. Технологические альянсы необходимы, и чтобы упреждать и предотвращать риски вероятной дальнейшей политизации мировой экономики, прежде всего, но не исключительно, Западом.

Достигнутое в повороте на Восток требует выработки и запросной политики в отношении азиатских партнеров. Далеко не все в нарастающем сотрудничестве Россию устраивает, остаются барьеры для многих российских товаров и инвестиций, бюрократические и политические препоны.

Наконец, России необходимо скорее определяться с формами своего участия в интеграционных объединениях в Азии и Тихом океане. ТПП пока провалилось. Но осталось ведомое АСЕАН и Китаем Региональное всеобъемлющее экономическое партнерство (ВРЭП), охватывающее большинство стран региона. Пока Россия и ЕАЭС из-за сложностей выработки общей позиции внутри Союза, недостатка экспертного потенциала воздерживаются от участия в переговорах, делают ставку на сеть двусторонних зон свободной торговли. Но неясно выгодно ли такое «воздержание» в долгосрочной перспективе.

Отдельная группа задач – направление российского внешнеполитического и военно-политического участия в делах Азии и Тихоокеанского региона. Выход на поверхность многих застарелых конфликтов в нем, почти неизбежное усиление американской политики сдерживания Китая и стремления играть на противоречиях и опасениях

региональных игроков и, может, самое важное, объективный, не имеющий отношения к политике и намерениям Пекина рост опасений соседей перед его растущей мощью, создает запрос на конструктивное участие России как опытного, дипломатически мощного и дружественного большинству стран игрока. Усиливает этот запрос и отсутствие в регионе развитой и стабильной системы безопасности.

Россия – объективно потенциально крупнейший поставщик безопасности в регионе и мире, в том числе за счет стратегического сдерживания и диалога с США (последнего пока почти нет), а в будущем и через трехсторонний диалог Россия – Китай – США, если стороны дозреют до осознания его необходимости.

Требует углубления и российско-китайское «всеобъемлющее равноправное доверительное партнерство и стратегическое взаимодействие». Оно носит характер, близкий к союзничеству, но страдает от недостаточной развитости связей на среднем и низшем уровне, в частности в бизнесе, и, что не менее важно, – от недостатка «стратегической глубины» – общей долгосрочной цели соразвития.

Такой общей целью для всех стран Евразии и должно, видимо, стать лидерское взаимодействие по созданию партнерства или сообщества Большой Евразии.

В «дорожную карту» по его формированию могут входить следующие элементы:

– Создание координируемой транспортной стратегии Большой Евразии.

– Создание системы рейтинговых агентств.

– Поддержка развития Азиатского банка инфраструктурных инвестиций, других региональных банков системы, параллельной SWIFT и исключающей использование последней в качестве инструмента экономической войны, укрепляющей устойчивость мировой финансовой системы.

– Расширение практики торговли в национальных валютах, создание независимых платежных систем.

– Экономический информационный центр, существующий параллельно с ОЭСР и работающий во взаимодействии с ним.

– Создание евразийской сети, возможно, даже организации взаимопомощи на случай (учащающихся) чрезвычайных ситуаций, климатических и технологических катастроф, послекризисного восстановления. Возможный пилотный проект для последнего типа деятельности – Сирия.

– Создание комплексного независимого информационно-аналитического мега-агентства, сочетающего распространение, сбор информации и аналитику, условное соединение Аль-Джазиры или BBC со «Стратфором». Предварительное название – «Евразия ньюз». Такое агентство позволит странам континента обретать большую интеллектуальную и политическую самостоятельность, противостоять политизации информационных потоков.

Цель создания такого информационно-аналитического агентства, в том числе, – формирование в большей степени ориентированной на новые реалии и будущее теории международных отношений, отражающей интересы стран Евразии. Это, например, взаимодействие и взаимопроникновение цивилизаций вместо их конфликта, бесконечность и повторяемость развития человечества вместо достижения конечной стадии и т.д.

Это и сотрудничество по восстановлению исторического и культурного нарратива, общего для государств Евразии, – от истории империи Чингисхана к экономическому и культурному феномену Великого Шелкового пути, к истории Византийской – Восточной Римской империи, куда слились культурные потоки Азии и Европы, а заодно сохранившей европейскую культуру в годы ее упадка. Здесь же роль Венеции как во-

рот Азии в Европу, новая оценка крестовых походов. Цель – воссоздание и создание единой исторической и культурной идентичности Евразии и мира, дополнение преимущественно европоориентированного нарратива всемирной истории, до сих пор доминирующего в мире.

В области безопасности целесообразен, видимо, курс на создание континентальной системы безопасности в дополнение к существующим форматам и с частичным и постепенным замещением отживших или отживающих структур (например, ОБСЕ). Превалирующий способ обеспечения безопасности в Большой Евразии – неприсоединение или нейтралитет, гарантированный ведущими игроками международного сообщества (в первую очередь Россией, Китаем, США).

Создание системы безопасности стоит, видимо, начинать с запуска экспертного, а затем экспертно-политического форума по развитию сотрудничества и безопасности стран Большой Евразии.

Параллельно с движением к Большой Евразии, углублением азиатского поворота России в ближайшие годы, видимо, стоит задуматься и о реализации на новой политической, экономической и концептуальной основе взаимодействия со своим традиционным партнером – Европой, тем более что продолжение кризиса европроекта объективно толкает многих на старом субконтиненте к пересмотру оказавшейся контрпродуктивной политики на российском направлении. Стремятся европейские страны и к своему «повороту на Восток». Многие уже делают его, опережая Россию.

Важнейшей задачей на пути развития концепции Большой Евразии является ее увязывание с китайской инициативой «Один пояс – один путь». Китай официально поддержал Большую Евразию, Россия – ОПОП. Более того, в его последней и наиболее развитой интерпретации, данной в речи руководителя КНР.

Си Цзиньпин на форуме ОПОП, состоявшемся 14–15 мая 2017 г., изложил его концепцию, которая, по сути, являлась не столько планом китайского движения на Запад, сколько видением развития Евразии. И это видение крайне близко и идее партнерства Большой Евразии. России и КНР предстоит избежать соревнования за первенство в выдвижении идеи. Полагаю, учитывая качество их политического руководства, что это удастся.

Но, главное, повторюсь – не только совместная работа по реализации планов развития евразийского мегаконтинента, но и привлечение к этой работе других его ведущих государств – Индии, Японии, Республики Кореи, стран АСЕАН, а в самом ближайшем будущем – и европейских партнеров большого евразийского проекта. В Европе «процесс пошел». Если два или три года назад концепцию насмешливо отвергали, то в 2017 г. начался перелом. И в Европе стали все чаще обсуждать модальности участия и взаимодействия с ним, свой собственный поворот к Азии[5, 6]. А ЕС в стремлении создать себе позиции независимого, в том числе военно-политического центра, даже инициировал диалог по вопросам безопасности с руководством Национальной освободительной армии Китая.

Ну а мы на факультете мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ и в СВОП продолжаем свои скромные усилия по конкретизации концепций партнерства Большой Евразии, увязанной с ней концепцией уже развивающегося российского

[5] Bond I. (2017) The EU, the Eurasian Economic Union and One Belt, One Road: Can They Work Together? Centre for European Reform. March. Режим доступа: http://cer.eu/sites/default/files/pb_eurasian_IB_16.3.17_0.pdf (дата обращения: 16.07.2018).

[6] Suetyi L. (2017) Understanding Europe's Interest in China's Belt and Road Initiative. Carnegie Endowment for International Peace. 10 May. Режим доступа: http://carnegieendowment.org/2017/05/10/understanding-europe-s-interest-in-china-s-belt-and-road-initiative-pub-69920 (дата обращения: 16.07.2018).

поворота на Восток. Некоторые работы мы делаем инициативно, многие по заказу Администрации Президента Российской Федерации, Министерства по развитию Дальнего Востока, Евразийской экономической комиссии, ряда других ведомств. В своей работе мы используем и интеллектуальный потенциал этих институтов, Евразийского банка развития, Банка ШОС. Тесно сотрудничаем на постоянной основе с китайскими, корейскими, японскими экспертами. Несколько лет под эгидой нашего факультета и факультета им. Ли Куан Ю Сингапурского университета работал консорциум институтов России, Китая, Японии, Кореи, Сингапура, Норвегии по содействию России в ее повороте к рынкам Азии, развитию «последнего фронтира» Азии – Сибири и Дальнего Востока.

В представляемом специальном номере журнала «Вестник международных организаций» мы предлагаем адаптированные для открытой публикации и сокращенные варианты серии наших работ последнего времени, посвященных продвижению, наполненных конкретным содержанием ряда аспектов концепции Большой Евразии. Также для этого номера мы пригласили авторов из Китая, Республики Корея и Казахстана поделиться их видением возможных образов Большой Евразии: институтами, ключевыми направлениями сотрудничества и существующими ограничениями.

Мы намереваемся и дальше продолжать эту работу, привлекая к ней все более широкий круг российских и зарубежных экспертов. Будем внимательно следить и учитывать результаты дискуссии по результатам и новым задачам поворота на Восток. Его вскоре нужно будет дополнять новым сближением с Европой, но на иных условиях и в иных рамках. Будем развивать и дискуссию о контурах и направлениях развития будущего партнерства или сообщества Большой Евразии.

Всякое может случиться в нынешнем сверхдинамичном мире. И лучшие надежды могут не оправдаться. Но мы полны интеллектуального оптимизма. Восемь-девять лет назад почти никто не верил в возможность российского поворота на Восток, а он произошел. А три года назад никто не слышал даже термина «Большая Евразия». А сейчас концепция – важный узел дискуссии о будущем международных отношений. То ли еще будет.

С.А. Караганов,
декан факультета мировой экономики
и мировой политики НИУ ВШЭ

Вступительное слово приглашенного эксперта. Формирование экономического пространства Большой Евразии: вызовы для Евразийского экономического союза

Формирование комфортной среды для сотрудничества на пространстве Большой Евразии для всех стран – членов Евразийского экономического союза и, что немаловажно, для бизнес-сообществ этих стран, выгодно всем. Сейчас настал момент, когда такая общая для всей Евразии цель должна быть поставлена. В свою очередь, для ее достижения должны быть предприняты серьезные совместные усилия.

Первая преграда, которую надо преодолеть для продвижения по этому направлению, – это разобщение, которое сейчас свойственно взаимоотношениям на пространстве Евразии. Это разобщение сформировало главную особенность Евразии – нигде в мире нет такого количества нереализованных возможностей для торговли и инвестиций. Через континент традиционно проходили торговые пути с Севера на Юг и с Востока на Запад, но они не смогли стать доминирующими маршрутами развития торговли тогда, когда в силу экономического прогресса возникла потребность в массовом перемещении грузов. Основные причины – плохая логистика, неэффективное госуправление и нерешенные вопросы безопасности – остаются в силе и сейчас. За этим стоят глубинные проблемы развития Центральной Евразии и сохраняющиеся зоны конфликтов в южной части континента и на Ближнем Востоке.

Дополнительные вызовы для Евразии связаны сегодня с серьезным изменением вектора торговой политики крупных внерегиональных держав. Оно выражается в нарастании протекционизма, ограничивающего доступ к емким рынкам и перенаправляющего торговые потоки. Растет и неопределенность, которая мешает долгосрочному планированию и реализации инвестиционных планов.

К таким проявлениям, среди прочих, относятся импортные тарифные пошлины, введенные США в 2018 г. после длительного расследования в отношении алюминия и стали – товаров стратегического интереса для многих торговых держав. Расследования, основанные на положениях раздела 232 Закона о расширении торговли, предполагают, в частности, изучение балансов собственного производства на предмет достаточности, влияния импорта на рабочие места. До сих пор этот раздел закона, принятого еще в 1962 г., применялся всего два раза – в отношении сырой нефти из Ирана и Ливии. Эти расследования являются вполне реальной угрозой введения новых ограничений торговли вплоть до полных запретов, которые, по всей видимости, планируется обосновать соображениями национальной безопасности.

Введение ограничений такого рода не только бьет по интересам континентальных держав, но еще и носит прецедентный характер. Обоснованные исключения из обычного торгового режима по соображениям национальной безопасности не являются запрещенными в понимании общепризнанных правил многосторонней торговой системы, ВТО. В то же время все 70 лет существования Генерального соглашения по тарифам и торговле, которое легло в основу ВТО, их старались не применять – участники соглашения понимали, что обоснования введения таких мер могут вызывать много споров, а злоупотребление этими правами может привести к тяжелым последствиям.

Еще более серьезные последствия могут иметь технологические санкции. Отказ от кооперации, передачи ключевых технологий создает серьезные риски для устойчивого развития государств, не обладающих ими. Он влечет за собой необходимость нести высокие издержки по выработке собственных технологических решений, которые, скорее всего, не будут более прогрессивными. Международная конкурентоспособность государств, находящихся под воздействием таких мер, снижается, и они вынуждены поддерживать национальную промышленность торговыми ограничениями.

Таким образом, введение односторонних ограничений с большой вероятностью влечет встречные действия. В масштабах Евразии протекционизм и санкции особенно вредны, они способны подорвать любое движение в сторону объединения континента.

Эти примеры далеко не единственные. В США и ЕС растет число антидемпинговых расследований и расследований по вопросам субсидирования в отношении экспорта из стран ЕАЭС и не только.

Если следовать дальше по пути введения ограничений торговли, бизнес-связи между различными регионами мира, и прежде всего между Западом и Востоком Евразии, начнут разрушаться. Верховенству права будет успешно противопоставлено искусство манипулирования этим правом.

С другой стороны, с Востока поступило масштабное предложение двигаться по пути сближения, а не конфронтации. Китай предложил не только всей Евразии, но и внерегиональным партнерам инициативу «Пояс и Путь» (One Belt One Road Initiative). Эта инициатива не содержит конкретного плана действий, технического задания или готовых финансовых решений, однако она закладывает рамки для поиска компромисса, устраивающего всех. Настроенность на нахождение именно таких решений и готовность к ним является необходимым условием для взаимовыгодного сближения и сотрудничества.

Евразийский экономический союз, со своей стороны, абсолютно вписывается в концепцию интеграции Евразии. Не секрет, что ЕАЭС создавался, прежде всего, для развития рынков и отраслей входящих в него стран, однако в то же время он впервые в новейшей истории образовал однородное с точки зрения действующих правил пространство на пересечении ключевых торговых коридоров, открытое для совместного развития с другими частями континента. Рынок ЕАЭС является достаточно открытым для товаров третьих стран – средняя ввозная пошлина не превышает 5%, по многим позициям пошлины равны нулю. Значимые для доступа товаров пошлины сохранены прежде всего для продукции быстроразвивающегося аграрного сектора, а также некоторых промышленных товаров – в первую очередь продукции отраслей, на развитие которых делалась ставка в течение последних 10–20 лет, автомобилестроения, металлургии, самолетостроения и ряда других.

Открытость рынка и готовность к дальнейшей интеграции в расширенное экономическое пространство создает хорошие предпосылки для развития производств в странах ЕАЭС и повышения вовлеченности компаний стран Союза в международные производственно-сбытовые цепочки на среднем и верхнем уровне добавленной стоимости. Воспользоваться этим потенциалом помогут инвестиции (как внутренние, так и международные). Для их стимулирования ЕАЭС готов быть еще более открытым для своих партнеров – формировать полноценные зоны беспошлинной, свободной торговли, в рамках которых на взаимной основе будут открыты и чувствительные сектора рынка. Через создание зон свободной торговли будут созданы преимущества для их участников по сравнению с третьими странами, помимо упрощения условий доступа товаров также будут созданы и привилегированные условия для инвестиций в долгосрочные кооперационные проекты.

В целом стратегия ЕАЭС исходит из принципов объединения усилий, необходимости создания платформы для продвижения торговли и инвестиций на базе общих принципов открытости и многосторонних норм торгового права.

В контексте реализации инициативы Китая «Пояс и Путь» с мая 2015 г. проводится совместная работа по сопряжению интеграций в рамках ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути – одной из основных опор инициативы. Для ЕАЭС такое сопряжение означает в первую очередь экономический прогресс территорий, вовлеченных в экономическое взаимодействие. Территории транзита должны стать территориями устойчивого развития. Эта совместная работа будет опираться на соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и КНР, которое подписано и находится на стадии ратификации. Наполнение этого соглашения соответствует позициям мировых лидеров, заявленным в ходе масштабного форума Belt and Road Forum for International Cooperation, состоявшегося в середине мая в Пекине. Реализация соглашения в том числе предусматривает поддержку инновационного развития электронной торговли и цифровой экономики, взаимодействие в области строительства автомобильных и железных дорог, портов и электрических сетей, упрощение процедур торговли и повышение уровня защиты прав на объекты интеллектуальной собственности.

Этого пока, конечно, недостаточно для формирования взаимовыгодного пространства Большой Евразии в целом. Необходимо участие и активная роль всех игроков континента, которые невозможны без установления приоритета экономических интересов, даже в условиях, когда политические приоритеты могут не во всем совпадать.

Евразийский союз как международная организация исключительно экономической направленности действует именно так. К настоящему моменту ЕАЭС заключено соглашение о свободной торговле с Вьетнамом, проводятся переговоры по не менее амбициозному соглашению с Сингапуром. Эта работа направлена и на установление более тесных связей между ЕАЭС и АСЕАН в целом. Готовятся к подписанию соглашения о свободной торговле с Египтом, Израилем и Индией, недавно было подписано Временное соглашение, ведущее к образованию зоны свободной торговли с Исламской Республикой Иран.

Планируются к заключению соглашения о свободной торговле с Египтом, Израилем, Индией и Ираном, а также общее соглашение о свободной торговле Союза с Сербией взамен двусторонних соглашений стран ЕАЭС, которые действуют сейчас. До 2014 г. проводилась работа по заключению соглашения о свободной торговле и с Европейской ассоциацией свободной торговли (Швейцария, Норвегия, Исландия, Лихтенштейн), однако она была приостановлена решением ЕАСТ, мотивированным как раз неэкономическими причинами.

Проводимая Евразийским союзом работа по углублению сотрудничества со странами Юго-Восточной Азии, Ближнего Востока, Северной Африки в контексте реализации проекта Большой Евразии, конечно, является неполной без выстроенного сотрудничества с Европейским союзом. Когда-то, еще в начале 2000-х годов, переговорщики планировали как раз на тот период, в котором мы находимся сейчас, переговоры о заключении большой зоны свободной торговли от Лиссабона до Владивостока. Исходя из этой перспективы выстраивались и действия государств по реализации ЕАЭС. Сама конструкция Евразийского экономического союза такова, что легко, в случае принятия соответствующих решений и достижения необходимых договоренностей, может быть сопряжена с механизмами европейских интеграционных структур для обеспечения взаимовыгодного сотрудничества. На это же нацелены соглашения, которые имеют с Европейским союзом Казахстан и Армения.

Европейский союз, несмотря на существующие политические ограничения, продолжает оставаться главным торговым партнером Евразийского союза. Так, доля стран Европейского союза во внешней торговле стран ЕАЭС составляет 46%. Объем взаимной торговли между Европейским союзом и Евразийским союзом в 2017 г. составил 293,2 млрд долл. США, показав, по сравнению с 2016 г., существенный рост в 23%. Примечательно и то, что этот рост складывается как из увеличения импорта из ЕС в ЕАЭС, так и из роста товаропотока в обратном направлении.

Тем не менее прямой диалог двух организаций минимален – между Европейской и Евразийской экономическими комиссиями присутствуют лишь отдельные элементы экспертного взаимодействия по техническим вопросам, отнесенным к наднациональному регулированию в обоих интеграционных блоках (меры торговой защиты, техническое регулирование), на площадках ВТО, ОЭСР, в июне 2017 г. между ЕЭК и ЕК был заключен Меморандум о взаимопонимании по вопросам стандартизации и технического регулирования. В то же время меморандум нацелен лишь на обмен информацией и опытом, техническое взаимодействие Комиссий и дальнейшую кооперацию по внедрению международных стандартов качества ISO и других.

Безусловно, в интересах решения общих вызовов этот фрагментированный диалог должен быть дополнен обсуждением долгосрочной перспективы. Пока не устранены политические препятствия, начать можно с создания неформальной группы экспертов, которая могла бы подготовить «белую книгу» интеграции в Евразии. Вполне возможно, что в качестве базы для такой группы может быть использована одна из уже существующих дискуссионных площадок, но важно, чтобы Европейская и Евразийская экономическая комиссии договорились о постановке задач такой группе и направляли своих экспертов для участия в ее работе.

В.О. Никишина,
член Коллегии (Министр) по торговле
Евразийской экономической комиссии

Будущее институтов в Большой Евразии

Шанхайская организация сотрудничества и Большая Евразия[1]

Р.К. Алимов

Алимов Рашид Кутбиддинович – д.полит.н., генеральный секретарь ШОС; China, Beijing, Chaoyang District, Ritan road, 7; E-mail: sco@sectsco.org

В статье анализируются роль и место ШОС в развитии межгосударственного взаимодействия на евразийском пространстве, состояние и перспективы основных направлений многопланового сотрудничества в рамках Организации. Обосновывается предположение, что для обеспечения устойчивого развития в современных условиях жизненно важным элементом является постоянный устойчивый диалог соседних государств, нацеленный на поиск зон совпадения национальных интересов для решения общих региональных задач. Принципиальное значение имеет поддержание высокого уровня обеспечения совместными усилиями региональной безопасности. Наличие этих составляющих способствует постепенной интеграции подходов к развитию регионального экономического сотрудничества, к эволюционному преобразованию экономических интересов.

Анализируются характеристики системы партнерства в рамках ШОС, прежде всего с точки зрения модели межгосударственного взаимодействия, способной обеспечить институциональную платформу для модели широкого регионального экономического взаимодействия в контексте новых реалий евразийского проектирования, реализации национальных стратегий развития государств-членов, сопряжения усилий по выстраиванию интеграционных процессов в рамках ЕАЭС, реализации инициативы КНР по формированию «Одного пояса, одного пути» с потенциальным оформлением большого партнерства стран Евразии и Азиатско-Тихоокеанского региона.

Ключевые слова: Шанхайская организация сотрудничества (ШОС); безопасность; партнерство; Евразийский экономический союз; АСЕАН; Большое евразийское партнерство; транспортные коридоры; инфраструктурные проекты; механизмы финансового сопровождения проектной деятельности; концепция «Экономического пояса Шелкового пути»; «Один пояс, один путь»

Для цитирования: Алимов Р.К. (2018) Шанхайская организация сотрудничества и Большая Евразия // Вестник международных организаций. Т. 13. № 3. С. 19–32 (на русском и английском языках). DOI: 10.17323/1996-7845-2018-03-01.

Введение

В эпоху глобализации сопряжение национальных и континентальных стратегий развития стран и регионов становится залогом мирного сосуществования и их равномерного развития.

[1] Статья поступила в редакцию в октябре 2017 г.

Современная система международных отношений находится в состоянии дисбаланса. Она переживает этап глубинных преобразований и болезненного эволюционного развития. В условиях глубинных трансформаций в мировой политике и экономике возрастает важность формирования более справедливой, отвечающей интересам всех и каждого государства полицентричной модели мироустройства, которая будет опираться на нормы международного права и принципы взаимного уважения и учета интересов друг друга, взаимовыгодного сотрудничества, отказа от конфронтации и конфликтов, равной и неделимой безопасности и будет способствовать созданию человеческого сообщества единой судьбы [SCO, 2017].

Утвердившиеся в последние десятилетия в качестве основных в международных отношениях тенденции глобализации продолжают формировать систему переплетающихся взаимосвязей стран и регионов мира. Бурное развитие современных технологий в сфере транспорта, коммуникаций, связи, средств доставки и передачи информации способствует созданию целостной глобальной общности государств, объединенных в том числе общими вызовами развития.

Наряду с явными преимуществами этих процессов все отчетливее проявляются и их негативные стороны. Локальные очаги напряженности перестают быть региональной проблемой, а их влияние экстраполируется далеко за пределы конкретного региона. Углубление торгово-экономических связей, взаимозависимость рынков капитала обуславливают обоюдное взаимовлияние на динамику экономических процессов в различных регионах мира. Системный характер взаимозависимости проявляется в неизбежных отголосках событий в одной части мира сдвигами модальностей развития в других его частях.

Другой принципиальной тенденцией развития мировой системы стала регионализация как устойчивый процесс выстраивания качественно новых форм межгосударственного взаимодействия внутри макрорегионов мира. Все больше стран стремятся сформировать систему устойчивых связей с соседями, усилив тем самым свой потенциал, а также обеспечить решение актуальных региональных задач. Особенностями проявлений регионализации все чаще становятся разнообразные формы, среди которых примеры классической региональной интеграции и построения систем наднационального регулирования, более гибкие модели разноскоростной и разноуровневой кооперации на различных направлениях сотрудничества, а также новые гибридные или смешанные модели партнерств, цели и задачи которых определяются в первую очередь необходимостью решения актуальных региональных проблем и общим стремлением участников к диалогу и поиску отвечающих общим интересам подходов к обеспечению устойчивого взаимовыгодного совместного развития общего ареала. Основанием для формирования таких региональных партнерств могут служить как географическая близость и исторически сформированные системы экономико-инфраструктурного порядка, так и более сложные элементы – схожесть политической культуры и институтов, социокультурная близость, идентичная цивилизационная матрица, а также внешние факторы – общие ориентиры внешней политики, стратегии взаимодействия с глобальным миром и его акторами, решение задач макрорегиональной безопасности и др. [Леонова, 2013].

Одним из ярких примеров новой формы межгосударственного регионального взаимодействия партнерского типа, которую можно отнести к гибридной или смешанной модели, в крупнейшем евразийском макрорегионе является Шанхайская организация сотрудничества. Молодая по историческим меркам организация, созданная в 2001 г. для решения задач совместного обеспечения региональной безопасности и стабильности, идет собственным эволюционным путем, постепенно развивая многоплановое много-

стороннее сотрудничество. Динамика развития ШОС определяется в первую очередь обстоятельствами жизненной необходимости, а также многосторонними договоренностями и стыковкой национальных интересов государств-членов и Организации в целом. ШОС не стремится к неким плановым показателями уровня взаимодействия, а планомерно движется по пути нахождения общего знаменателя в решении актуальных задач регионального значения. Очевидно одно – ШОС имеет колоссальный потенциал по ряду уникальных в своем роде параметров, а вектор ее дальнейшего развития определяется непрекращающимся поиском новых возможностей. При этом важно помнить и о юном по историческим меркам возрасте организации, которая, как показывает история других международных объединений, пока находится в состоянии молодого растущего организма с характерными для него признаками и проблемами роста.

Скептические оценки в экспертной среде относительно уровня шосовского сотрудничества встречаются довольно часто. Прежде всего речь идет о том, что организация существует исключительно как некий клуб глав государств или конференция для их ежегодных встреч, но не решает при этом конкретных задач [Арис, 2008]. Во-вторых, консенсусный принцип принятия решений в рамках ШОС делает ее модель инертной и малоэффективной, девальвируя тем самым ценность такой структуры. В-третьих, есть мнение, что ШОС соткана из слишком разных стран – с разными политическими системами, уровнем и качеством экономик, разным конфессиональным и цивилизационным пространством, поэтому диалог и поиск точек соприкосновения, выработки взаимовыгодных решений на основе схожего видения и взглядов значительно осложняется, а степень противоречий только нарастает, способствуя накоплению и консервации нерешенных вопросов [Иманалиев, 2017].

Тем не менее ШОС, продолжая решать общие задачи в области политики и безопасности, искать наиболее оптимальные механизмы расширения экономических связей, углубления культурных и гуманитарных контактов, постепенно развивается в первую очередь как организация партнерского типа на основе имеющихся схожих подходов государств-членов к развитию такого партнерства. По большому счету опыт ШОС можно считать первым опытом в истории построения действительно равноправного партнерства разновесомых, разномасштабных государств с различным экономическим и политическим потенциалом, культурно-цивилизационными особенностями.

Роль и место ШОС в современных подходах к проектированию Большой Евразии

Государства – члены ШОС образуют ядро евразийского континента, их взаимоотношения и взаимодействие будут определять дальнейший вектор развития этой обширной территории на годы вперед. С учетом выстроенного в рамках ШОС формата общения, совместных наработок и действующих договоренностей Организация является самой крупной (и по территории, и по населению), а значит – ключевой евразийской площадкой международного сотрудничества. Как отмечалось выше, ШОС оказалась в центре масштабных экономических инициатив, которые, по оценкам экспертов, будут иметь центральное значение в определении дальнейшего пути развития Евразии. В этом контексте в научной среде все чаще используется термин «евразийское проектирование», который, по сути, подразумевает выстраивание новой системы регионального взаимодействия на основе целей, принципов и концептуальных установок продвигаемых инициатив. Прежде всего речь идет об интеграционных процессах в рамках Евразийского экономического союза, реализации китайской инициативы формирова-

ния «Одного пояса, одного пути», идеи создания Большого евразийского партнерства с подключением стран АСЕАН.

Широко обсуждается идея сопряжения или стыковки усилий по реализации этих масштабных начинаний. Главная сложность заключается в том, что все они имеют разную концептуальную природу, что обуславливает достаточно трудный и требующий серьезной экспертной работы поиск оптимальных механизмов их адаптации и конвергенции. Кроме того, возникает необходимость для системных исследований на уровне специализированных научно-исследовательских институтов, которые бы включали в себя расчеты и прогнозные оценки конкретных шагов в сфере углубления регионального экономического взаимодействия, включая интеграционную составляющую.

С учетом многостороннего характера сотрудничества в реализации инициатив важнейшим элементом выступает политическая координация, согласование национальных интересов на основе многостороннего обсуждения по целому спектру направлений, которое было бы нацелено на нахождение взаимоприемлемых развязок, определяло бы стратегию и конкретные шаги совместной деятельности.

Начиная с 2013 г. в научной среде ведется широкая дискуссия относительно перспектив реализации строительства новой Евразии[2]. Активно обсуждаются продвигаемые инициативы, в том числе и тема их стыковки и сопряжения. Анализируются различные аспекты евразийского сотрудничества с учетом прямых и косвенных противоречий стран региона, геополитических планов крупных региональных игроков, наличия общих целей и вызовов развития. Во многих экспертных статьях рассматриваются вызовы развитию сотрудничества в рамках ШОС в контексте расхождения политических и экономических интересов участников объединения. В частности, среди основных вызовов, с которыми придется столкнуться ШОС на пути построения новых форм экономического сотрудничества, эксперты называют следующие.

Во-первых, конкуренция России и Китая в Центральной Азии и продвижение стратегических национальных интересов с помощью конкурирующих между собой инициатив в рамках ЕАЭС, с одной стороны, и «Одного пояса и одного пути» – с другой. Акцент делается на том, что, по сути, реализация стратегии ОПОП и интеграция в ЕАЭС выступают механизмами укрепления влияния в регионе Москвы и Пекина. Именно поэтому говорить о возможности их сопряжения или стыковки при различии экономических интересов неправомерно [Marantidou, Cossa, 2014].

Во-вторых, возможна потеря эффективности в результате расширения Организации, что будет значительно осложнять выработку общих подходов к решению общерегиональных экономических задач. Добавление новых членов может усилить различия и разногласия по региональным вопросам безопасности и экономического сотрудничества, включая формы или методы предоставления поддержки.

В-третьих, индийско-пакистанские противоречия и их привнесение на площадку Организации способно значительно затруднить возможности ее функционирования.

В-четвертых, конкуренция Индии и Китая может негативно сказываться на внутришосовском взаимодействии, проявляться в блокировании инициатив, стопорить выработку договоренностей.

В-пятых, необходимость учета интересов малых стран ШОС для сохранения внутриорганизационного баланса.

---

[2] Под понятием «строительство новой Евразии» подразумевается создание широкого партнерского пространства межгосударственного сотрудничества, прежде всего в условиях и с учетом развернувшихся процессов интеграции и реализации масштабных экономических инициатив, конечной целью выступает построение общей системы взаимосвязей и взаимодействия региональных государств и межгосударственных объединений.

В-шестых, афганский фактор продолжает оказывать дестабилизирующее влияние в регионе, не способствуя созданию стабильных условий для экономического развития [Кулинцев, 2016].

В этой связи продолжается дискуссия относительно роли и места ШОС в проектировании Большой Евразии. В данном контексте представляется целесообразным проанализировать объективные точки соприкосновения или возможности стыковки усилий государств-членов, нацеленные на развитие регионального экономического сотрудничества.

Сочетаемость инициатив и стратегий развития государств – членов ШОС

Экономическая интеграция в ЕАЭС нацелена на всестороннюю модернизацию, кооперацию и повышение конкурентоспособности национальных экономик, создание условий для стабильного развития в интересах повышения жизненного уровня населения государств-членов. Однако, прежде всего, ЕАЭС – это международная организация региональной экономической интеграции, обладающая международной правосубъектностью и учрежденная Договором о Евразийском экономическом союзе. В ЕАЭС обеспечивается свобода движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, а также проведение скоординированной, согласованной или единой политики в отраслях экономики. Важно отметить, что государствами – членами ЕАЭС являются Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан и Российская Федерация [ЕАЭС, 2017]. Все страны ЕАЭС входят в так называемую семью ШОС, что само по себе открывает возможности использования шосовских механизмов в общих интересах. Очевидно, что для этого необходимо начать обсуждение в рамках ШОС темы запуска интеграционных процессов в той или иной форме, так как она является определяющей в деятельности ЕАЭС. В основу диалогу может быть положено обозначенное в Хартии ШОС намерение государств-членов идти по пути создания благоприятных условий в интересах постепенного осуществления свободного передвижения товаров, капиталов, услуг и технологий. Этот посыл был вновь подтвержден в Декларации глав государств – членов ШОС в Астане 9 июня 2017 г.

«Один пояс, один путь» – китайская инициатива по созданию глобальной транспортной и инвестиционной инфраструктуры – объединяет два проекта: «Экономический пояс Шелкового пути» и «Морской Шелковый путь XXI века».

«Экономический пояс Шелкового пути» (ЭПШП) – проект по формированию единого евроазиатского торгово-экономического пространства и трансконтинентального транспортного коридора. Выделяется пять основных задач, которые призван решить ЭПШП: усиление региональной экономической интеграции, строительство единой трансазиатской транспортной инфраструктуры, ликвидация инвестиционных и торговых барьеров, повышение роли национальных валют, углубление сотрудничества в гуманитарной сфере. По словам китайских представителей, к ЭПШП может подключиться 67 государств, население которых составляет 63% от мирового. Ориентировочные сроки реализации проекта – 30 лет [ТАСС, 2017а].

Примечательно, что программа реализации ЭПШП фактически определяет три уровня работы в сфере региональной безопасности (пп. 1, 2), развития торгово-экономических отношений (пп. 3, 4), углубления культурно-гуманитарных связей участников этого проекта. Очевидно, что уровни реализации ЭПШП полностью совпадают с тремя уровня многопланового сотрудничества в рамках ШОС.

Ответом на критические замечания экспертов относительно конкуренции проектов ЕАЭС и ОПОП стало подписание в мае 2015 г. главами государств России и Китая соглашения о сопряжении ЭПШП и ЕАЭС. При этом в соглашении было отмечено, что основной площадкой для обсуждения вопросов сопряжения станет Шанхайская организация сотрудничества.

В интервью ТАСС председатель КНР Си Цзиньпин вновь дал понять, что конкуренции между Россией и Китаем в области формирования новой системы региональных экономических отношений нет. В частности, он отметил: «Интенсивно осуществляется сотрудничество двух стран по сопряжению строительства “Одного пояса, одного пути” и ЕАЭС, ведутся переговоры по заключению соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве между Китаем и ЕАЭС, идет работа над перечнем совместных проектов, что откроет новые обширные горизонты для развития двустороннего торгово-экономического сотрудничества, значительно облегчит взаимную торговлю и инвестиции, представит уникальные возможности для взаимодействия бизнес-сообществ двух стран в интересах эффективного передвижения производств, технологий, капиталов и рынков, сделает доступными для всех стран Евразии блага экономической глобализации и региональной интеграции» [ТАСС, 2017b].

Руководство Китая также достигло соглашения по сопряжению ЭПШП с инфраструктурными проектами других стран. В частности, с монгольским проектом «Степной путь» (модернизация трансмонгольской железной дороги Китай – Россия), южнокорейской «Евразийской инициативой» (объединение железных дорог Северной и Южной Кореи с выходом на Транссибирскую магистраль) и казахстанской программой «Светлый путь» [ТАСС, 2017a].

Интеграционные перспективы ШОС

ШОС не является примером классической интеграции. Вместе с тем в уставных документах Организации заложены элементы, с помощью которых ШОС может пойти по этому пути.

Классический сценарий интеграционного процесса подразумевает постепенное движение от самой простой формы – зоны свободной торговли (ЗСТ) к высшей ступени экономической интеграции – общему рынку. Эксперты ВТО отмечают как современный тренд резкое увеличение числа региональных торговых соглашений за последние пять-восемь лет (рост на 60%). В структуре региональных торговых соглашений сейчас преобладают как соглашения о ЗСТ в чистом виде, так и соглашения по типу ЗСТ+, то есть дополненные соглашениями об экономической интеграции. Число таких соглашений по типу ЗСТ+ выросло в первом десятилетии XXI в. в пять раз [Лихачев, Спартак, 2013].

Зона свободной торговли — форма экономической интеграции стран, снимающих ограничения на торговлю между собой. Эти государства свободно обмениваются товарами и услугами, но устанавливают независимо друг от друга таможенные тарифы на торговлю с третьими странами.

По мнению президента Казахстана Нурсултана Назарбаева, «росту взаимной торговли в перспективе может способствовать создание зоны свободной торговли ШОС». «Здесь наши страны могут продвигаться поэтапно, начав с изучения интересующих их проектов, сфер экономического взаимодействия» [ТАСС, 2017c].

На саммите ШОС в Астане председатель КНР Си Цзиньпин призвал «шаг за шагом формировать институты регионального экономического сотрудничества», предло-

жив подписать соглашение об упрощении процедур торговли в рамках ШОС [ТАСС, 2017с].

Одним из ключевых направлений торговой политики Евразийского экономического союза является создание сети соглашений о свободной торговле с третьими странами. Такие соглашения – эффективный инструмент получения преференциальных условий доступа на внешние рынки, развития экспорта и привлечения инвестиций, что, в свою очередь, необходимо для включения предприятий стран ЕАЭС в глобальные цепочки производства в интересах повышения их конкурентоспособности. Кроме того, сеть преференциальных соглашений снижает риски в международной торговле, связанные с политическими факторами [ЕЭК, 2015].

Такие соглашения предполагают гармонизацию таможенного администрирования, технического регулирования, санитарных норм и достижение договоренности о либерализации торговли услугами, порядке учреждения компаний и защите инвестиций, а также регламентирование движения рабочей силы. Заинтересованность в сотрудничестве с ЕАЭС уже выразили порядка 40 государств и международных организаций [РИА, 2016].

Китай также проводит активную политику либерализации торговых отношений с региональными странами. Реализуется Программа регионального экономического сотрудничества в ЦА (РЭСЦА), в которую, кроме КНР и стран ЦА, входят Монголия, Афганистан, Пакистан и Азербайджан (все страны входят в «семью ШОС»). Поставлена задача ускорения осуществления стратегии РЭСЦА в таких областях сотрудничества как торговая политика, энергетика, формирование «экономического коридора» в ЦА на основе проекта железной дороги Китай – Кыргызстан – Узбекистан. Это все вписывается в формат ЭПШП.

В конечном счете вследствие реализации таких межрегиональных инициатив возникают предпосылки для формирования международных регионов как нового звена в мировой торговой системе, базирующегося не только на соперничестве, но и на сотрудничестве с другими звеньями международных экономических отношений.

При этом важно иметь в виду, что во всех проектах на разных уровнях и в разных форматах задействованы страны ШОС, среди которых государства-члены, государства-наблюдатели и партнеры ШОС по диалогу.

Вместе тем с учетом различия в уровнях развития производства стран ШОС обоснованно возникают опасения относительно выхода на создание ЗСТ. В ряде стран откровенно опасаются, что появление зон свободной торговли может привести к неконтролируемому наплыву дешевых китайских товаров, а это чревато подрывом национальных экономик. К примеру, общий рынок стран ЕАЭС насчитывает около 180 млн человек, что не достигает уровня одной среднестатистической провинции КНР или административного региона в Индии и примерно сопоставимо с населением Пакистана.

Как отмечает министр по торговле Евразийской экономической комиссии Вероника Никишина, экономики стран ЕАЭС пока объективно не готовы к режиму свободной торговли с Китаем, по крайней мере в краткосрочной перспективе. В этой связи на данном этапе рассматривается вариант создания всеобъемлющего торгово-экономического партнерства с Китаем, соглашения по широкой повестке с выходом на более углубленные договоренности в нетарифной сфере и в части упрощения взаимной торговли. При этом обсуждение вопросов пошлин и тарифов пока рассматривается в перспективном плане [ЕЭК, 2016].

Кроме того, в самой ШОС еще нет консенсуса относительно начала взаимодействия и переговоров с ЕАЭС. Узбекистан и Таджикистан пока воздерживаются от участия в интеграционных процессах. С другой стороны, семь из восьми государств – чле-

нов ШОС либо входят в ЕАЭС, либо имеют со странами ЕАЭС соглашения о свободной торговле, либо ведут переговоры о заключении таких соглашений.

Таким образом, видно, что в регионе оформился устойчивый процесс по выстраиванию нового типа торговых отношений. Очевидно, что по мере его продвижения вперед все страны ШОС так или иначе окажутся связанными между собой системой торговых соглашений, что потребует унификации и неизбежно будет подталкивать Организацию к оформлению в том или ином виде интеграционной структуры.

Сценариев развития ситуации может быть множество. В ближайшей перспективе с учетом переноса переговоров с КНР по вопросам сопряжения на наднациональный уровень в сферу компетенции Евразийской экономической комиссии страны – члены ЕАЭС могут выработать единую позицию по вопросам участия в ЭПШП, а также общие рамки торгового взаимодействия с КНР, что сделает ЕАЭС привлекательным для других стран Центральной Азии, таких как Таджикистан и Узбекистан, чьи позиции в двустороннем диалоге с Китаем заведомо слабее.

Важно также иметь в виду, что сегодня компетенция ЕЭК в сферах, связанных с ЭПШП, ограничивается торговлей и техническими регламентами. Таким образом, вне рамок диалога оказываются две важные составляющие ЭПШП: инвестиции и транспорт. Стороны также планируют создать «институты комплексного взаимодействия». В сельском хозяйстве, промышленности, энергетике, транспорте и коммуникациях и инфраструктуре должны появиться «общие форматы по проектам общего интереса» [Едовина, Коростиков, 2016].

В рамках ШОС уже действуют механизмы транспортного и инвестиционного сотрудничества, которые можно использовать для выработки общих подходов, а также подключить к совместной работе Таджикистан, Узбекистан, Индию и Пакистан.

Одним из вариантов также могла бы стать подготовка «смешанного» соглашения между странами «шосовской семьи» с участием ЕАЭС (его участники выступали бы с единой позиции в лице ЕЭК) и КНР по вопросам сопряжения по широкой проблематике регионального экономического сотрудничества. В этом случае ЕАЭС сохраняет за собой статус главного переговорщика с Китаем и другими странами Центральной Азии (нечленами ЕАЭС) по торговле и техническому регулированию, в то время как иное инвестиционное, транспортное сотрудничество, а также сотрудничество в сфере безопасности можно было бы перенести на площадку ШОС.

Дискуссионными остаются вопросы о пределах интеграции, границах компетенции национальных и наднациональных органов регулирования, стратегии расширения состава участников Евразийского экономического союза, взаимодействия ЕАЭС с ШОС и другими государствами и интеграционными блоками. Все это обуславливает необходимость разработки обоснованной модели развития евразийской экономической интеграции, систематизации ее ключевых принципов и приоритетов.

ШОС и перспективы формирования Большого евразийского партнерства

Ввиду устойчивых процессов преобразования экономического ландшафта евразийский континент становится флагманом региональной интеграции, ориентированной, прежде всего, на интересы самих стран Большой Евразии. Пока эти процессы переплетаются, часто идут параллельно либо стыкуются по отдельно взятым элементам, однако формирование единой стройной взаимосвязанной системы пока остается делом

будущего. В первую очередь имеется необходимость достижения политических договоренностей по широкому контуру, что требует политической воли участников этих процессов.

Вместе с тем продолжает развиваться Евразийский экономический союз (ЕАЭС), система экономического сотрудничества в рамках концепции «Один пояс, один путь», в Юго-Восточной Азии продвигаются инициативы стран АСЕАН, в Южной Азии – программы сотрудничества под эгидой Индии.

Принципиальным вызовом развития становится обеспечение не конкуренции, а синергии евразийских проектов, что отвечает интересам всех держав континента. Предложенная президентом России Владимиром Путиным идея Большого евразийского партнерства заключается в развитии кооперации в рамках гибких интеграционных структур [ТАСС, 2016]. При этом такая кооперация может эффективно строиться в рамках гибких и открытых интеграционных структур, которые поощряют конкуренцию в научном поиске, многообразие технических решений, позволяют странам-участникам в полной мере реализовать свои компетенции и потенциал [Там же].

Евразийское партнерство предполагает не только налаживание новых связей между государствами и экономиками. Оно должно изменить политический и экономический ландшафт континента, принести Евразии мир, стабильность, процветание, принципиально новое качество жизни [Путин, 2017].

Таким образом, Большое евразийское партнерство видится, прежде всего, в построении макрорегиональной системы устойчивого сотрудничества в политике, экономике, а также в области культурно-цивилизационного взаимодействия на основе развития связей между различными частями евразийского континента. При этом, судя по всему, речь не идет о привязке к заключению какого-либо единого коллективного договора. Скорее, на первоначальном этапе партнерство должно базироваться на выстраивании системы сотрудничества государств и партнерских региональных организаций и объединений, нащупывании зон совпадения интересов и развитии предметных взаимовыгодных направлений совместной работы.

Решением президентов стран – членов ЕАЭС поддержано предложение о проведении переговоров с КНР о партнерстве и сотрудничестве. В перспективе это может стать основой формирования нового масштабного торгово-экономического партнерства с участием ЕАЭС, Китая, стран ШОС и АСЕАН. При этом проект сопряжения ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути способен стать объединяющим фактором торгово-экономической интеграции на всем евразийском континенте, включая Южную и Юго-Восточную Азию.

В настоящее время процесс сопряжения интеграционных процессов в рамках ЕАЭС и ЭПШП является наиболее важным содержательным компонентом процесса формирования Большого евразийского партнерства, который, по сути, уже начался. Первый вектор – это заключение всеобъемлющего соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и Китаем. 25 июня 2016 г. Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК) и Министерство коммерции КНР подписали совместное заявление о запуске переговорного процесса по соглашению. После согласования общих подходов к сопряжению ЕАЭС и ЭПШП в августе 2016 г. в Пекине состоялся первый раунд переговоров. Соответствующие встречи проходят один раз в два месяца. Они организуются на уровне рабочей группы, которой руководит министр ЕЭК по торговле Вероника Никишина [ЕЭК, 2017].

В этом контексте актуальной видится инициатива о начале консультаций стран ЕАЭС, ШОС и АСЕАН по формированию новых подходов к сетевому сотрудничеству региональных организаций, которое учитывало бы интересы всех государств региона

на основе принципов равноправия и позволило бы избежать контрпродуктивной конкуренции между разными интеграционными инициативами на пространстве Евразии.

Кроме того, принципиально важна дальнейшая разработка и совершенствование концептуальной парадигмы Большого евразийского партнерства. В ее основу, очевидно, должны быть заложены сотрудничество в сфере политики и безопасности, экономические и гуманитарные аспекты. Политическая координация налажена в АСЕАН и ШОС, в документах двух организаций неизменно присутствуют консолидированные позиции по важным региональным и глобальным темам, определяются подходы и видение решения политических задач. При этом консенсусная модель принятия решений действует и в АСЕАН, и в ШОС, что создает определенную идеологическую близость функционирования обеих организаций, проектирует благоприятную перспективу для развития политического диалога.

Более сложной, но не закрытой для дискуссии является проблематика обеспечения безопасности. В силу имеющихся тлеющих конфликтов в Евразии и в АТР сложность поддержания стратегической региональной стабильности обусловлена необходимостью если не разрешения застарелых конфликтных ситуаций, то по крайней мере поддержания статус-кво. В первую очередь это касается проблемных зон и спорных территорий, наличие которых препятствует полномасштабной реализации регионального экономического потенциала, выходу на новые договоренности по совместному развитию и общему продвижению мегапроектов. Такие зоны могли бы стать территориями совместного освоения, причем не двух отдельно взятых стран, а с участием всех государств обширного региона, которые будут проявлять к этому интерес.

Важной также видится и координация усилий в борьбе с террористической угрозой. Страны ШОС и страны АСЕАН заинтересованы в решении этой жизненно необходимой задачи, так как на себе испытывают тяжелые последствия террористической деятельности. Этот вектор с подключением ОДКБ также может стать одной из опор Большого евразийского партнерства, способствовать формированию широкой международной антитеррористической коалиции.

В экономической сфере сегодня наиболее перспективным и безболезненным с точки зрения достижения договоренностей является вариант формирования совместными усилиями транспортных коридоров, которые могли бы связать Южную, Юго-Восточную и Центральную Азию с выходом к границам Европейского союза и стран Ближнего Востока. В этом заинтересованы все государства, а конкретная работа по этой теме уже начата и в рамках ШОС, и в контексте реализации китайской стратегии «Одного пояса, одного пути».

Открытый для третьих стран характер Соглашения государств – членов ШОС по созданию благоприятных условий для международных автомобильных перевозок является позитивным фактором для подключения к транспортному сотрудничеству стран АСЕАН, ряд которых уже проявляют интерес к этому документу.

Сближению АСЕАН и ШОС будет также способствовать развитие взаимодействия на основе Меморандума о взаимопонимании между секретариатами двух организаций, в котором среди приоритетных направлений взаимодействия определены: борьба с терроризмом, контрабандой наркотиков, оружия, отмыванием денег и незаконной миграцией. Кроме того, предусматривается экономическое и финансовое взаимодействие, сотрудничество в сфере туризма, охраны окружающей среды, в вопросах социального развития, а также энергетики.

Заключение

Очевидно, что на данном историческом этапе в евразийском регионе происходят процессы глубинной трансформации. Укрепление позиций Азии в качестве локомотива развития мировой экономики будет только усиливать тенденции выстраивания региональной системы экономических взаимосвязей, которые будут нацелены, прежде всего, на повышение конкурентоспособности расположенных здесь производств, снижение издержек, связанных с доставкой конечной продукции на рынки сбыта.

Переплетающееся участие стран в торговых соглашениях, дальнейшая кристаллизация интеграционных усилий, вовлечение пока не задействованных в интеграционных процессах стран будут усиливать центростремительные тенденции формирования общего пространства в Евразии. Необходимая институциональная основа для этого постепенно будет созревать по мере развития и совершенствования форм и механизмов сотрудничества как в рамках ШОС, так и в рамках ЕАЭС, что в конечном счете будет способствовать дальнейшему углублению взаимодействия со странами Юго-Восточной Азии.

Объективно этот процесс требует времени и усилий, но, судя по всему, общий тренд окончательно сформировался.

Источники

Арис С. (2008) Шанхайская организация сотрудничества в материалах и оценках западных исследователей // Вестник РУДН. Сер. «Политология». № 1. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/v/shanhayskaya-organizatsiya-sotrudnichestva-v-materialah-i-otsenkah-zapadnyh-issledovateley (дата обращения: 16.07.2018).

Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК) (2015) Вопросы и ответы по Соглашению о свободной торговле между Евразийским экономическим союзом и Социалистической Республикой Вьетнам. Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/sogl_torg/Documents/Forms/AllItems.aspx (дата обращения: 16.07.2018).

Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК) (2016) Интервью министра по торговле ЕЭК Вероники Никишиной Rambler News Service (RNS). Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/28-06-2016.aspx (дата обращения: 16.07.2018).

Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК) (2017) Китай и ЕАЭС объявили о завершении переговоров по Соглашению о торгово-экономическом сотрудничестве. 2 октября. Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/2-10-2017-5.aspx (дата обращения: 16.07.2018).

Евразийский экономический союз (ЕАЭС) (2017) Общая информация о ЕАЭС. Режим доступа: http://www.eaeunion.org/ (дата обращения: 16.07.2018).

Едовина Т., Коростиков М. (2016) Словесные инвестиции. Сотрудничество РФ и КНР расширяется, не ускоряясь // Коммерсантъ. № 112. Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/3023535 (дата обращения: 18.09.2017).

Иманалиев М.С. (2017) ШОС нуждается в новой концепции развития // Россия в глобальной политике. Режим доступа: http://globalaffairs.ru/global-processes/ShOS-nuzhdaetsya-v-novoi-kontceptcii-razvitiya-18781 (дата обращения: 16.07.2018).

Кулинцев Ю.В. (2016) ШОС: новые игроки – новые вызовы. Стратегия Экономического пояса Шелкового пути и роль ШОС в ее реализации: материалы круглого стола. 16 марта. М.: ИДВ РАН.

Леонова О.Г. (2013) Глобальная регионализация как феномен развития глобального мира // Век глобализации. Т. 11. № 1. Режим доступа: http://www.socionauki.ru/journal/articles/153253/ (дата обращения: 16.07.2018).

Лихачев А.Е., Спартак А.Н. (2013) Новые явления и процессы в сфере регионализации мирового хозяйства // Российский внешнеэкономический вестник. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/novye-yavleniya-i-protsessy-v-sfere-regionalizatsii-mirovogo-hozyaystva (дата обращения: 16.07.2018).

Путин В.В. (2017) Выступление В.В. Путина на международном форуме «Один пояс, один путь». Режим доступа: http://www.kremlin.ru/events/president/news/54491 (дата обращения: 16.07.2018).

РИА (2016) Путин: сотрудничать с ЕАЭС готовы порядка 40 государств. 17 июня. Режим доступа: https://ria.ru/economy/20160617/1448955872.html (дата обращения: 16.07.2018).

ТАСС (2016) Путин призвал создать большое Евразийское партнерство. 17 июня. Режим доступа: http://tass.ru/pmef-2016/article/3376295 (дата обращения: 16.07.2018).

ТАСС (2017a) Проект «Один пояс, один путь». Досье. Режим доступа: http://tass.ru/info/4383152 (дата обращения: 16.07.2018).

ТАСС (2017b) Си Цзиньпин: на перспективы китайско-российских отношений мы смотрим с полным оптимизмом. 2 июля. Режим доступа: http://tass.ru/opinions/interviews/4379492 (дата обращения: 16.07.2018).

ТАСС (2017c) Индию и Пакистан приняли в ШОС. 9 июня. Режим доступа: http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4326160 (дата обращения: 16.07.2018).

Шанхайская организаций сотрудничества (ШОС) (2017) Астанинская декларация глав государств – членов Шанхайской организации сотрудничества. Режим доступа: http://rus.sectsco.org/documents/ (дата обращения: 16.07.2018).

Association of Southeast Asian Nations (ASEAN) (2005) Memorandum of Understanding between the Secretariat of the Association of Southeast Asian Nations (ASEAN Secretariat) and the Secretariat of The Shanghai Cooperation Organisation (SCO Secretariat). Режим доступа: http://asean.org/wp-content/uploads/images/ASEAN-SCO-MOU.pdf (дата обращения: 18.09.2017).

Marantidou V., Cossa R.A. (2014) China and Russia's Great Game in Central Asia // The National Interest. 1 October. Режим доступа: http://nationalinterest.org/blog/the-buzz/china-russias-great-game-central-asia-11385 (дата обращения: 18.09.2017).

The Shanghai Cooperation Organisation and Greater Eurasia[1]

R. Alimov

Rashid Alimov – PhD, Secretary General, Shanghai Cooperation Organisation; People's Republic of China, 100600, Beijing, Chaoyang District, Ritan Road, 7; E-mail: sco@sectsco.org

Abstract

This article analyses the current role of the Shanghai Cooperation Organisation (SCO) in the development of international cooperation in the Eurasian space and explores the prospects for multifaceted cooperation within the framework of the Organisation. The analysis shows that steady dialog between neighbouring states, aimed at the search for common interests in addressing common regional challenges, is vital for sustainable growth under current conditions. The maintenance of security throughout the cooperative effort plays a key role. The presence of these elements promotes the gradual integration of different approaches to the development of regional economic collaboration as well as a co-evolutionary transformation of economic interests.

The article also examines the characteristics of the partnership system within the framework of the SCO with respect to international cooperation. This system is able to provide an institutional platform for broad regional economic cooperation in the context of Eurasian development, the implementation of new national strategies by SCO members, joint efforts for the further integration and development of the Eurasian Economic Union (EAEU) and the realization of the Chinese One Belt One Road initiative with its potential to form a greater partnership in Eurasia and the Asia-Pacific region.

Key words: Shanghai Cooperation Organisation; security; partnership; Eurasian Economic Union; ASEAN; greater Eurasian partnership; transportation corridors; infrastructure projects; financial support mechanisms for project activities; The Silk Road Economic Belt; One Belt and One Road Initiative

For citation: Alimov R.K. (2018) The Shanghai Cooperation Organisation and Greater Eurasia. *International Organisations Research Journal,* vol. 13, no 3, pp. 19–32 (in English). DOI: 10.17323/1996-7845-2018-03-01.

References

Aris S. (2008) Shankhajskaya organizatsiya sotrudnichestva v materialakh i otsenkakh zapadnykh issledovatelej [The Shanghai Cooperation Organisation in the Materials and Assessments of Western Researchers]. *Vestnik Rossijskogo Universiteta Druzhby Narodov. Seriya "Politologiya", no 1.* Available at: https://cyberleninka.ru/article/v/shanhayskaya-organizatsiya-sotrudnichestva-v-materialah-i-otsenkah-zapadnyh-issledovateley (accessed 18 September 2017).

Association of Southeast Asian Nations (ASEAN) (2005) Memorandum of Understanding between the Secretariat of the Association of Southeast Asian Nations (ASEAN Secretariat) and the Secretariat of The Shanghai Cooperation Organisation (SCO Secretariat). Available at: http://asean.org/wp-content/uploads/images/ASEAN-SCO-MOU.pdf (accessed 18 September 2017).

Edovina T., Korostikov M. (2016) Slovesnye investitsii Sotrudnichestvo RF i KNR rasshiryaetsya, ne uskoryayas' [Verbal Investment: Cooperation between Russia and China is Expanding Without Speeding Up]. *Kommersant,* no 112, 27 June. Available at: http://www.Kommersant.ru/doc/3023535/ (accessed 18 September 2017) (in Russian).

Eurasian Economic Commission (EEC) (2015) Voprosy i otvety po Soglasheniyu o svobodnoj torgovle mezhdu Evrazijskim ehkonomicheskim soyuzom i Sotsialisticheskoj Respublikoj V'etnam [Questions and Answers on the Free Trade Agreement between the Eurasian Economic Union and the Socialist Republic of Vietnam].

[1] The editorial board received the article in October 2017.

Available at: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/sogl_torg/Documents/Forms/AllItems.aspx (accessed 18 September 2017).

Eurasian Economic Commission (EEC) (2016) Interv'yu Ministra po torgovle EEHK Veroniki Nikishinoj Rambler News Service (RNS) [Rambler News Service (RNS) Interview with EEC Trade Minister Veronika Nikishina]. 28 June. Available at: http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/28-06-2016.aspx (accessed 18 September 2017) (in Russian).

Eurasian Economic Commission (EEC) (2017) Kitaj i EAEHS ob»yavili o zavershenii peregovorov po Soglasheniyu o torgovo-ehkonomicheskom sotrudnichestve [China and EAEU Announced the Completion of Negotiations on an Agreement on Trade and Economic Cooperation]. 2 October. Available at: http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/2-10-2017-5.aspx (accessed 10 October 2017) (in Russian).

Eurasian Economic Union (EAEU) (2017) Obshchaya informaciya o EAEHS [General Information About EAEU]. Available at: http://www.eaeunion.org/ (accessed 18 September 2017) (in Russian).

Imanaliev M.S. (2017) SHOS nuzhdaetsya v novoj kontseptsii razvitiya [The SCO Needs a New Concept of Development]. Available at: http://globalaffairs.ru/global-processes/ShOS-nuzhdaetsya-v-novoi-kontceptcii-razvitiya-18781 (accessed 18 September 2017) (in Russian).

Kulintsev Y.V. (2016) SHOS: novye igroki – novye vyzovy [The SCO: New Players — New Challenges]. Strategiya EHkonomicheskogo poyasa SHelkovogo puti i rol' SHOS v ee realizatsii. Materialy kruglogo stola (IDV RAN, 16 marta 2016 g.). M.: IDV RAN.

Leonova O.G. (2013) Global Regionalization as a Phenomenon of Global Peace Development. *The Age of Globalization*, vol. 11, no 1. Available at: http://www.socionauki.ru/journal/articles/153253/ (accessed 18 September 2017) (in Russian).

Likhachev A.E., Spartak A.N. (2013) Novye yavleniya i protsessy v sfere regionalizatsii mirovogo khozyajstva [New Phenomena and Processes in the Regionalization of the World Economy]. *Rossijskij vneshneehkonomicheskij vestnik*. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/novye-yavleniya-i-protsessy-v-sfere-regionalizatsii-mirovogo-hozyaystva (accessed 18 September 2017) (in Russian).

Marantidou V., Cossa R.A. (2014) China and Russia's Great Game in Central Asia. *The National Interest* 1 October. Available at: http://nationalinterest.org/blog/the-buzz/china-russias-great-game-central-asia-11385 (accessed 18 September 2017).

President of Russia (2017) Vystuplenie V.V. Putina na mezhdunarodnom forume "Odin poyas, odin put'" [Putin's Presentation at the International Forum "One Road – One Belt"]. Available at: http://www.kremlin.ru/events/president/news/54491 (accessed 18 September 2017) (in Russian).

RIA (2016) Putin: sotrudnichat' s EAEHS gotovy poryadka 40 gosudarstv [Putin: "About 40 Countries are Ready to Cooperate with EAEU"]. 17 June. Available at: https://ria.ru/economy/20160617/1448955872.html (accessed 18 September 2017) (in Russian).

Shanghai Cooperation Organisation (SCO) (2017) The Astana Declaration of Heads of Member States of the Shanghai Cooperation Organisation. Available at: http://rus.sectsco.org/documents/ (accessed 18 September 2017) (in Russian).

TASS (2016) Putin prizval sozdat' Bol'shoe Evrazijskoe partnerstvo [Putin Urged to Create Big Eurasian Space]. 17 June. Available at: http://tass.ru/pmef-2016/article/3376295 (accessed 18 September 2017) (in Russian).

TASS (2017a) Proekt "Odin poyas, odin put'". Dos'e. [The One Belt, One Road Project, Dossier]. Available at: http://tass.ru/info/4383152 (accessed 18 September 2017) (in Russian).

TASS (2017b) Si TSzin'pin: na perspektivy kitajsko-rossijskikh otnoshenij my smotrim s polnym optimizmom [Xi Jinping: "We are Full of Optimism about Prospects for Chinese-Russian Relations"]. 2 July. Available at: http://tass.ru/opinions/interviews/4379492 (accessed 18 September 2017) (in Russian).

TASS (2017c) Indiyu i Pakistan prinyali v SHOS. Mezhdunarodnaya panorama [India and Pakistan Were Admitted to the SCO]. 9 June. Available at: http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4326160 (accessed 18 September 2017) (in Russian).

Евразийская повестка сотрудничества

Концепция Большой Евразии в повороте России на Восток[1]

Т.В. Бордачев, А.С. Пятачкова

Бордачев Тимофей Вячеславович – к.полит.н., директор Международного научно-образовательного Центра комплексных европейских и международных исследований (ЦКЕМИ) Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20; E-mail: tbordachev@hse.ru

Пятачкова Анастасия Сергеевна – мл.науч.сотр. Международного научно-образовательного Центра комплексных европейских и международных исследований (ЦКЕМИ) Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20; E-mail: apyatachkova@hse.ru

Последние два-три года стали временем небывалого по масштабам всплеска интереса к евразийской тематике. Российская инициатива создания Большой Евразии, которая видится как основная концептуальная рамка для продвижения различных проектов сотрудничества в регионе, часто критикуется за отсутствие конкретного наполнения по ее реализации. Учитывая растущее число региональных инициатив, в том числе со стороны Китая и Индии, России необходимо не только сформулировать привлекательную идею, но и показать ее востребованность и эффективность.

Концепция Большой Евразии, несмотря на отсутствие для ее реализации объективных исторически сложившихся условий, может стать рациональным практическим воплощением широкого спектра приоритетов развития и обеспечения безопасности для широкой группы стран региона. Проблема исследования заключается в отсутствии объективных исторических предпосылок создания Большой Евразии при наличии широкого спектра субъективных причин.

В начале статьи анализируются предпосылки возникновения Большой Евразии, а также различные способы восприятия и политической интерпретации евразийского пространства. В силу исторических причин проекты по консолидации Евразии в основном оставались на бумаге, однако текущие региональные и глобальные тренды создают подходящие условия для их воплощения на практике.

В исследовании проводится анализ содержательного наполнения евразийской интеграции и возможных форматов сотрудничества. Особый акцент сделан на вопросах безопасности, экономическом взаимодействии, а также развитии институтов на евразийском пространстве. Подчеркивается необходимость реформы ОБСЕ с целью приближения ее деятельности к текущим геополитическим условиям. Также рассматриваются перспективы развития ШОС и ее роль в Большой Евразии.

Отдельное внимание уделяется отношениям с потенциальными участниками Большой Евразии (включая европейские страны) и внерегиональными акторами, а также использованию опыта европейской интеграции для развития евразийского пространства. Подчеркивается необходимость большего внимания

---

[1] Статья поступила в редакцию в апреле 2018 г.

Статья подготовлена за счет гранта Российского научного фонда № 17-18-01577 «Формирование Сообщества Большой Евразии и стратегии двустороннего взаимодействия России со странами региона».

к вопросу государственного суверенитета при взаимодействии в рамках ЕАЭС (по аналогии с европейским опытом представителей и экспертных групп), а также укрепления институционального потенциала ЕАЭС.

Ключевые слова: Большая Евразия; поворот на Восток; ЕАЭС; европейская интеграция; международное сообщество; внешняя политика РФ; ШОС; ОБСЕ; российско-китайские отношения

Для цитирования: Бордачев Т.В., Пятачкова А.С. (2018) Концепция Большой Евразии в повороте России на Восток // Вестник международных организаций. Т. 13. № 3. С. 33–51 (на русском и английском языках). DOI: 10.17323/1996-7845-2018-03-02.

Введение

Поворот России на Восток, задуманный во второй половине 2000-х годов в ответ на подъем Азии, помимо стратегических внешнеполитических выгод дает возможность «превратить Зауралье, Дальний Восток из преимущественно имперского бремени – или тыла в противостоянии с Западом, иногда фронта в соперничестве с Японией или Китаем – в потенциальную территорию развития для всей страны» [Караганов, 2017]. Он получил дополнительный импульс из-за конфликта с Западом и удачно совпал по времени с новыми геоэкономическими инициативами Китая [Lukin, 2016], предложившего в 2013 г. масштабный план сотрудничества под флагом возрождения Великого шелкового пути. Идея соединить Европу и Азию сухопутными маршрутами, используя историческую коннотацию с Шелковым путем [Wu, 2013], придает инициативе КНР особое звучание, позиционируя Китай как проактивного игрока, инициативы которого направлены на позитивные изменения в регионе, а также указывает на его стремление соединить участие в инициативе с приоритетами национального развития.

Китайская инициатива, объединяющая Экономический пояс Шелкового пути (ЭПШП) и Морской Шелковый путь XXI в., практическое наполнение которой с 2013 г. остается предметом широких дискуссий не только внутри КНР, но и за ее пределами, постепенно стала приобретать более четкие очертания. Под проект подводилась институциональная база: в декабре 2014 г. был запущен Фонд Шелкового пути (объемом 40 млрд долл. США), в декабре 2015 г. – Азиатский банк инфраструктурных инвестиций с капиталом 100 млрд долл. США. В мае 2017 г. состоялся первый форум «Один пояс, один путь», который посетили главы 29 государств из Азии, Европы, Латинской Америки (всего было представлено около 100 стран) [Иносми, 2017]. Ожидается, что данное мероприятие будет проходить на ежегодной основе. В этом смысле позитивное восприятие данной инициативы Большой Евразии в Китае [Zhao, 2017; Li, 2017] облегчает дальнейшую совместную работу в регионе.

В данный момент российский поворот на Восток получает свое развитие в рамках евразийского направления внешней политики страны. Евразийская тема присутствует на всех международных форумах и является обязательной частью публичных выступлений. Примечательно, что растущий интерес к данной теме можно наблюдать не только у российских авторов (в частности, на примере размышлений Б. Макаеша о возможности формирования евразийского суперконтинента [Maçães, 2018]).

В политическом отношении эволюция евразийской концепции, для России в первую очередь, прошла путь от скромной идеи сопряжения Евразийского экономического

союза и Экономического пояса Шелкового пути (2015) до намного более масштабной стратегии Большого евразийского партнерства (БЕП) [President of Russia, 2015]. Другие страны региона, включая и родину современного евразийства – Казахстан, пытаются выделять именно прагматические аспекты регионального сотрудничества.

При этом в словосочетании «поворот России на Восток» ключевым является слово «Россия» [Бордачев, 2017в]. Рост внимания России к восточному направлению ее внешней политики – это логичное следствие смещения баланса сил в АТР, увеличения его экономического и политического значения в мировом масштабе.

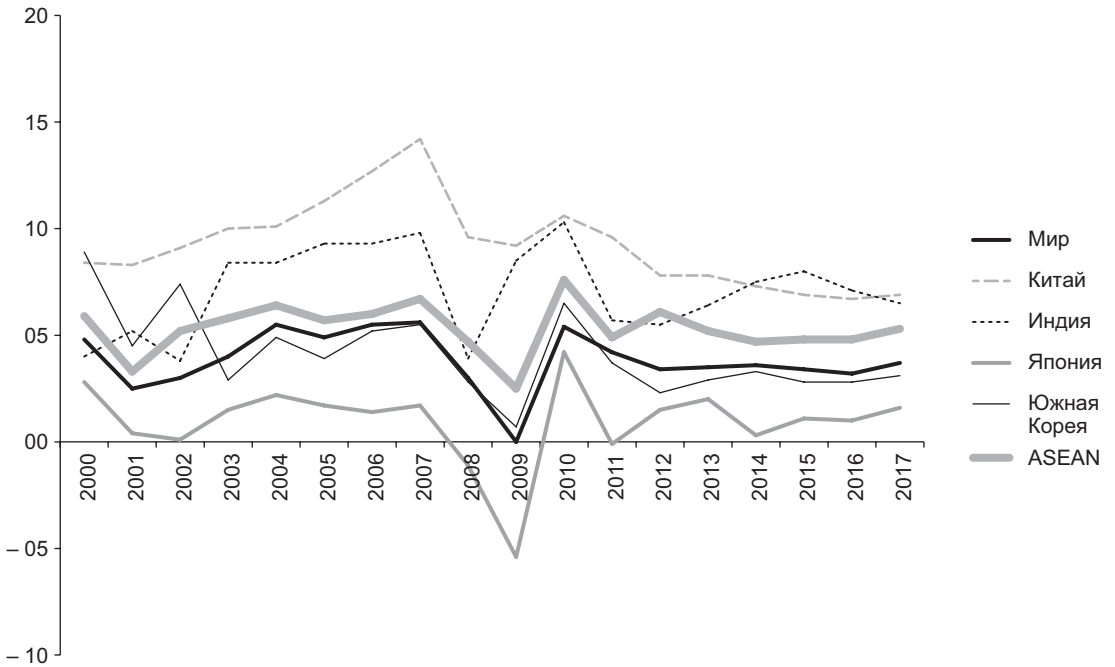

Рис. 1. Темпы роста ВВП в ключевых странах АТР (по сравнению с мировыми)

Источник: [Euromonitor International].

Россия уже начала использовать преимущества подъема Азии для выравнивания дисбаланса в пользу долгое время превалировавшего западного вектора внешней политики. Так, А.С. Галушка отметил, что 26% всех пришедших в Россию в 2017 г. иностранных инвестиций были направлены на Дальний Восток: «Дальний Восток в целом показал рост инвестиций более чем на 17% по итогам 2017 г., что составило 117,1%, когда в среднем по России этот показатель составил 104,4%. На Дальнем Востоке – лучший показатель в стране. При этом из 17% роста более половины составили инвестиции резидентов территорий опережающего развития и свободного порта, в том числе и иностранные» [Минвостокразвития, 2018].

Все больше внимания уделяется выстраиванию конструктивных отношений с партнерами в Евразии. ЕАЭС – важнейшая часть евразийской стратегии России. Недавно ЕЭК разработала систему индикаторов, показывающую уровень интеграции и позволяющую учитывать также показатели ЦУР ООН. Согласно исследованиям, уровень интеграции в ЕАЭС уступает только ЕС, опережая, в частности, МЕРКОСУР и АСЕАН, история которых насчитывает более 30 и 50 лет соответственно. При этом

ЕАЭС не замыкается сам на себе: напротив, он стремится выстроить взаимодействие с иностранными государствами (среди потенциальных партнеров называются Сингапур, Иран, Индия, Республика Корея, Египет, Израиль, Сербия и др.) [ЕЭК, 2018].

В этом смысле опыт заключения ЗСТ ЕАЭС с Вьетнамом отражает стремление России диверсифицировать сотрудничество с азиатскими партнерами. Несмотря на имеющиеся недостатки, можно отметить положительную динамику торговли: товарооборот между странами ЕАЭС и Вьетнамом с момента вступления в силу соглашения – с октября 2016 по июнь 2017 г. – вырос на 11,8 % по отношению к аналогичному периоду 2015–2016 гг. [Тынникова, 2017]. В соответствии с соглашением, государства обязуются снизить таможенные пошлины на 88% товаров, 59% из них были сокращены сразу [ТАСС, 2015], остальные – через 5–10 лет.

Несмотря на определенные успехи, поворот России на Восток в международном сообществе до сих пор воспринимается неоднозначно. В частности, Й. Шпангер отмечает, что «с опозданием на три года Москва последовала примеру Вашингтона и теперь “рулит” в сторону Азии, а по сути – в сторону Китая» [Шпангер, 2016]. Китай же в это время поворачивается на Запад [Шпангер, 2016] (или, как отмечал Д. Шамбо, выходит на глобальный уровень [Shambaugh, 2013]). Российская инициатива создания Большой Евразии, которая видится как основная концептуальная рамка для продвижения различных проектов сотрудничества в регионе, часто критикуется за отсутствие конкретного содержания или «дорожной карты» по ее реализации: «Спустя почти два года после первых сообщений о ней в публичном пространстве так и не появилось программного документа или публичного выступления на сколь-либо высоком уровне, где описывались бы конкретное наполнение или хотя бы четкий формат этой новой большой идеи» [Цветов, 2017].

Таким образом, концепция Большой Евразии, несмотря на отсутствие для ее реализации объективных исторически сложившихся условий, может стать рациональным практическим воплощением широкого спектра приоритетов развития и обеспечения безопасности для широкой группы стран региона. Проблема исследования заключается в отсутствии объективных исторических предпосылок создания Большой Евразии при наличии широкого спектра субъективных причин.

Гипотеза исследования заключается в том, что концепция Большой Евразии может рассматриваться в качестве консолидирующей формы новой глобальной стратегии России, на основании которой определяются важнейшие внешнеполитические приоритеты.

В связи с этим в данной статье представляется необходимым провести комплексный анализ инициативы создания Большой Евразии, а также возможных форматов работы для ее дальнейшего развития (в том числе с учетом анализа опыта ЕС в качестве кейс-стади).

Предпосылки формирования Большой Евразии и особенности восприятия евразийского пространства

В условиях кризиса западной модели мира ряд незападных центров силы предлагает свое видение регионального и международного порядка. Китайская инициатива «Пояса и пути» ценна не только возможностью реализации конкретных проектов, но и концептуальным оформлением (историческая связка и единая рамка для реализации региональных инициатив). Индия, в свою очередь, стала активно продвигать концепцию развития Индо-Тихоокеанского региона [Kuo, 2018]. В качестве политических ре-

гиональных инициатив также анализируются ЕАЭС, Генеральная программа взаимосвязи и взаимообмена АСЕАН, «Степной путь» Монголии, «Светлый путь» Казахстана, «Центральный коридор» Турции, «Янтарный путь» Польши, Northern Powerhouse Великобритании и др. [Лексютина, 2017].

Столь большое разнообразие программ регионального развития, с одной стороны, восполняет пробел в мировом вакууме идей в условиях кризиса западной модели развития. Вместе с тем этот процесс обостряет конкуренцию между различными региональными акторами и актуализирует вопрос о будущей модели мира, форматах взаимодействия и сосуществовании различных подходов к поддержанию международной стабильности. Развитие идеи Большой Евразии тесно связано с описанными процессами.

Российская политическая экзальтация вокруг евразийской тематики естественна и объяснима. Она рассматривается многими как проявление попытки вырваться из исторически сложившейся обреченности бесконечного выбора между Европой и «не Европой», соответственно, идея Большой Евразии воспринимается как своеобразная реинкарнация Большой Европы [Лузянин, Чжао, 2017, с. 61–63]. Выбор выглядит особенно трагичным ввиду очевидной невозможности сделать Россию частью Европы. Однако политические события последних лет позволяют надеяться, что эти метания закончились в пользу видения себя как самостоятельного центра развития, а не периферии Европы или Азии. Сейчас нужно погрузить эту нарождающуюся новую российскую самоидентификацию в коллективные институты регионального сотрудничества и растворить российский национальный интерес в интересах Евразии как макрорегиона.

Однако существует ряд важнейших факторов региональной жизни и крупных политических проблем, которые заставляют взглянуть на потенциал воплощения евразийских идей на практике более сдержанно. В первую очередь необходимо устранить ментальные стены, препятствующие сближению евразийских народов на прагматической основе [Kuznetsova, 2017]. Яркие интеллектуалы на протяжении последних двух столетий предлагали строить общую Евразию, отталкиваясь от ценностного единства внутри либо объективного противопоставления другим макрорегионам вовне [Entin, Entina, 2016]. Однако пока эти замечательные идеи не востребованы на практике.

Кроме того, государства Евразии (и Россия здесь не исключение) остаются крайне восприимчивы к нарративам, привносимым извне [Starr, 2014, p. 191–199]. Часто, кстати, исходя из достаточно прагматичных соображений и в поисках национального блага. Но забывая при этом, что в силу объективных законов международной политики для любого внерегионального игрока судьба удаленных народов – это только способ достижения собственных национальных интересов. Поэтому евразийский нарратив сейчас является, пожалуй, одной из наиболее «замусоренных» из привнесенных извне идей и геополитических построений.

Великий евразийский континент всегда оставался понятием, скорее, метафизическим, чем политическим или экономическим. Размытости физических границ исторически сопутствовала размытость границ концептуальных – невозможность определить Евразию как единицу на политической ментальной карте. Это важнейшая составляющая «евразийского проклятия» – неспособность региона осмыслить себя в категориях общих ценностей, сотрудничества, общего блага и – в результате – идентифицировать себя как целостный элемент мирового устройства.

Вызовы Большой Евразии

Исторически все евразийские государства (и Россия здесь – совсем не исключение) относились к своей «большой родине» скорее инструментально, использовали Евразию как пространство для стратегического маневра и решения своих узких внешнеполитических задач. Но никогда не могли стать выше своих национальных интересов. Как это смогли сделать, например, европейцы, построившие во второй половине XX в. на руинах старого порядка новую Европу. Европу, которая основана, во-первых, на сотрудничестве во имя общего блага и, во-вторых, на четком противопоставлении другим регионам и цивилизациям [Hix, 2007, p. 574].

Будучи родиной многих народов, Евразия никогда не была для них домом. Возникшие на евразийских просторах нации в большинстве случаев покидали их. Наиболее могущественные державы Евразии – Россия и Китай – всегда видели себя частью других – европейской и азиатской – цивилизаций и, конечно, империями в себе, не нуждающимися в дополнительной (кроме своей национальной) идентификации [Zhang, 2013]. Средние и малые народы Евразии не имеют ресурсов для того, чтобы заниматься развитием своего пространства обитания без опоры на внешних игроков. В результате Евразия всегда была лишь абстрактной идеей, мечтой, но никогда не могла стать субъектом геополитики.

Решить эту проблему можно и необходимо именно сейчас, когда процесс относительной фрагментации глобального пространства на регионы и макрорегионы набирает обороты и при определенных условиях видится как единственное спасение для глобализации и открытости. Наша цель сейчас – осмыслить Евразию в категориях рационального сотрудничества, нацеленного на извлечение выгод и решение национальных задач развития каждого из населяющих ее народов.

На практике это достаточно сложная задача. Важнейшие тенденции современного развития указывают на то, что государства все менее готовы учитывать категории сотрудничества при решении своих национальных задач внутри и вовне. Как отмечал Г. Дизен, «экономический национализм становится стратегией развития поднимающихся государств, позволяя им изменить неблагоприятную асимметрию взаимозависимости в свою пользу» [Diesen, 2017]. Набирает силу национальный эгоизм, подогреваемый психозом средств массовой информации и особенно социальных медиа. Политики становятся все более зависимы от общественного мнения и, соответственно, все меньше ориентируются на общее благо и все чаще ищут решений с односторонней выгодой [Tomz, Weeks, Yarhi-Milo, 2017].

В середине лета 2017 г. несколько военных кораблей Китая впервые зашли в акваторию Балтийского моря для совместных с российским флотом учений [Григорьев, 2017]. Большинство наблюдателей, в первую очередь на Западе, истолковали и то, и другое событие как простую демонстрацию Москвой и Пекином поддержки друг друга на наиболее конфликтных направлениях [Higgins, 2017]. Дипломатические мероприятия, не имеющие серьезного значения в системном отношении, стали яркой иллюстрацией того, что в современном мире проблемы безопасности уже не имеет смысла обсуждать только на местном или же сразу глобальном уровне [Savic, 2016].

Конфликт между Россией и Западом напрямую затрагивает интересы Китая или любой другой крупной державы Евразии в незначительной степени. Однако в более широком смысле и долгосрочной перспективе – крайне серьезно, поскольку влияет на потенциал реализации важнейших китайских инициатив, участие в которых как России, так и стран Запада одновременно является необходимым. Так, например,

отдельные представители стран Восточной Европы настаивают на развитии коридоров в обход России – через Казахстан, Каспийское и Черное моря, хотя экономически такие проекты бессмысленны [Платонова, 2015].

Между тем только с 2014 по 2016 г. объем торговли Китая со странами «вдоль пути» превысил 3 трлн долл. США, инвестиции КНР превысили 50 млрд долл. США. На открытии форума ОПОП сообщили об увеличении финансирования: Китай объявил о том, что дополнительно направит в Фонд Шелкового пути еще 14,5 млрд долл. Китайские предприятия создали 180 тыс. рабочих мест более чем в 20 странах, построили в них 56 зон экономического сотрудничества [Иносми, 2017]. По мере развития инициативы она становится все более заметной на геополитическом ландшафте.

А кроме того, конфликт России и Запада в принципе создает дополнительную напряженность в международной среде. Китай в такой напряженности совершенно не заинтересован – чем дальше по времени будет отложено прямое столкновение с США, тем больше шансов его выиграть, либо вообще достигнуть своих стратегических целей без прямой конфронтации. Однако Россия является единственной значительной крупной державой, отношения которой с Китаем можно охарактеризовать как откровенно дружеские, чего нельзя сказать о такой крупной и обладающей ядерным оружием стране, как Индия [Lidarev, 2018].

Это, а также уникальный характер отношений между руководителями Китая и России, определили ту помощь, которую Пекин оказал Москве в непростые для нее 2014–2016 гг. Поэтому Китай может считаться стороной, которая от конфликта России и Запада выиграла, однако стоит отметить, что эта сторона была крайне заинтересована в его разрешении. То же самое, кстати, можно сказать о таких значимых странах, как Япония или Южная Корея. Оба государства не хотят продолжения или эскалации конфликта вокруг Украины, поскольку он напрямую угрожает их инвестиционным планам в России. Почему эти страны никак не участвуют в обсуждении вопросов европейской безопасности?

Равным образом и конфликты вокруг Корейского полуострова или в Южно-Китайском море напрямую могут затрагивать российские интересы в области безопасности. Россия – значимый участник международного дипломатического процесса по северокорейской ракетно-ядерной проблеме. В июле 2017 г. она даже выступила с совместными с Китаем предложениями. Почему Китай никак не вовлечен в обсуждение проблемы Донбасса и невыполнения Киевом Минских соглашений 2015 г.?

Однако есть и более глубокие причины, по которым существующие системы региональной безопасности устарели. В какой-то степени предтечей наблюдаемых в Азии и Евразии процессов была, как ни странно, политика соседства, предложенная Евросоюзом странам к югу и востоку от него после расширения 2004–2007 г. Однако между данной инициативой и возникающими в наши дни концепциями и форматами совместного развития в Евразии существует принципиальная разница. В основе «политики соседства» лежала идея о так называемой Европе концентрических кругов [Lavenex, 2011, p. 373]. Проект оказался абсолютно неуспешным как инструмент, который позволит избежать конфронтации и направить усилия на достижение целей развития на пространстве от Марракеша до Владивостока.

Если допустить в Евразии европейскую логику концентрических кругов, то географически она делится на центр и три периферии. Центр – это Центральная Азия, Россия, Китай и Монголия. Турция, Индия, Пакистан, Афганистан, Иран и Корея составляют второе евразийское кольцо. Периферия – это Европа, Юго-Восточная Азия и Ближний Восток. Стабильность в центре, вовлечение второго кольца и отсутствие угроз с периферии могут быть задачей международного сотрудничества в области безопасности.

Новые партнерства в Азии и Евразии формируются по совершенно иным принципам, центральным из которых должен стать демократизм. Причина здесь в том числе – и отсутствие явного доминирующего лидера, который был бы способен и стремился предложить другим модель унифицированного и отцентрованного на него развития. Иногда в попытках проведения такой стратегии упрекают Китай [Brown, 2016], однако такой подход представляется не совсем верным.

Во-первых, у КНР нет исторического опыта построения формализованных однополярных структур межгосударственного взаимодействия. Во-вторых, в Евразии, кроме Китая, присутствуют по меньшей мере три игрока, которые имеют важнейшее значение для перспектив реализации китайских инициатив, но не могут быть младшими партнерами (Россия, Индия и Иран). И, наконец, сам Китай, конечно, не может быть заинтересован в дальнейшей антагонизации по отношению к себе со стороны малых и средних стран Азии и Евразии, так как этим воспользуются внерегиональные игроки, что приведет к параличу китайских инициатив в сфере сотрудничества и развития.

Конечно, очень важен вопрос, насколько удастся погрузить мощь Китая в Большую Евразию. Опыт Германии, растущее могущество которой после объединения погрузил в европейскую интеграцию канцлер Гельмут Коль, неоднозначен. Сначала последствия этого решения были положительными. Однако впоследствии Германия стала главным получателем выгод от европейской интеграции, что сказывается на доверии к ней других стран ЕС и стабильности всей конструкции. Видимо, в долгосрочной перспективе, если германское лидерство в его нынешнем виде продолжится, оно приведет к частичному осыпанию ЕС. Поэтому данный опыт говорит о необходимости крайне внимательно относиться к вопросу о роли объективно наиболее мощного в экономическом отношении игрока при создании макрорегиональных партнерств.

Выдвижение российской инициативы сообщества Большой Евразии нацелено именно на снятие причин для опасений подобного рода. Целью России является создание такой международной среды, в которой энергия Китая будет направлена на решение задач развития – как его самого, так и других государств [Караганов, 2017]. Важнейшей предпосылкой здесь является создание условий для максимально равноправного и демократического участия всех заинтересованных стран, безусловного уважения суверенитета. Кроме того, такое сообщество не должно быть формально ограничено неким географическим пространством. Не должно быть дискуссии о том, что есть Евразия на пространстве от Атлантики до Южно-Китайского моря, а что – нет.

Уже сейчас совершенно очевидно, что Большая Евразия и АТР приобретают черты взаимосвязанных макрорегионов. При этом Большая Евразия является географически более локализуемым пространством. В ней нет непосредственного физического присутствия территорий государств, отделенных от основной суши мировым океаном. Она ограничена на Востоке, Западе, Севере и Юге четырьмя океанами – Северным Ледовитым, Атлантическим, Тихим и Индийским. Большая Евразия внутри себя связана развивающимися транспортно-логистическими коридорами «Восток – Запад» и «Север – Юг», среди которых одним из важнейших является российская Транссибирская железная дорога [Bordachev, 2017a]. По периферии Большая Евразия опутана сетью морских торговых путей, которые, как показывают расчеты, будут в обозримой перспективе наиболее выгодными для транспортировки основных товаров, производимых в Азии.

Но есть одна существенная проблема. В Евразии нет ни одной площадки даже для обсуждения вопросов макрорегиональной безопасности. ОБСЕ включает в себя Западную и Восточную Европу, пространство бывшего СССР, но обходит Иран, Монголию, Афганистан, Пакистан, Индию или Республику Корея, включает, например, Велико-

британию, но не Японию, США и Канаду, не включает Китай. Возникает очевидный вакуум международных институтов в сфере безопасности. Ликвидации этого вакуума может способствовать реформа ОБСЕ.

Изучив позитивный и особенно негативный опыт ОБСЕ, имеет смысл инициировать создание нового международного института безопасности в Большой Евразии с участием максимального количества государств этого макрорегиона. Для России участие в институте региональной безопасности Китая, Ирана, Индии и других стран может стать важным активом внешней политики.

Другим важнейшим вызовом является угроза пойти по пути, по которому пошла после завершения «холодной войны» Европа, то есть пытаться формально выделить некое интеграционное ядро и определить место остальных в зависимости от их географической и институциональной близости к «центру». Важнейшей задачей концептуализации евразийского будущего является определение того, как сотрудничество совместимо с открытостью и универсальностью.

Пока опыт здесь скорее негативный. Ярким примером сейчас может оказаться, к сожалению, судьба Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), где открытость стала причиной кризиса сотрудничества – как природы и содержания отношений между участниками. Военно-дипломатический конфликт Индии и Китая, объектом которого является контроль над малыми общими соседями, грозит парализовать ШОС на долгое время. Одним из самых продуктивных форматов в ШОС является сотрудничество по противодействию терроризму, пока нет четкого понимания того, как оно будет развиваться после расширения (например, насколько будет эффективен обмен разведывательными данными между Индией и Пакистаном) [Денисов, Сафранчук, 2016].

Главным фактором, который будет оказывать влияние на дальнейшее развитие ШОС и ее потенциал для России, станет процесс адаптации организации к функционированию в новом составе. С одной стороны, расширение дает ШОС новый дипломатический статус: хотя никто не ожидает быстрого решения индо-пакистанской проблемы, в рамках ШОС Индия и Пакистан будут иметь возможность выстраивать конструктивный совместный диалог, который в долгосрочной перспективе может позитивно отразиться на обстановке в регионе. Также это откроет новые возможности для обсуждения афганской и сирийской проблем [Габуев и др., 2017]. Присутствие Индии в ШОС рассматривается Россией как возможность сдерживания амбиций КНР в регионе и привлечения Индии к более активному сотрудничеству. Кроме того, вступление Индии в ШОС позволяет по-новому оценить взаимодействие КНР, РФ и Индии в рамках БРИКС и других форматов сотрудничества, которые могут быть полезны России в условиях конфронтации с Западом.

Анализ европейского опыта для развития европейской интеграции

Евразийская экономическая интеграция пребывает в весьма тревожном состоянии. При этом запас внутренней устойчивости у Евразийского экономического союза (ЕАЭС) гораздо меньше, чем в ЕС, где за десятилетия сотрудничества накоплена колоссальная бюрократическая и институциональная инерция.

Опыт европейской интеграции, которая переживает сейчас не самые простые времена, может нас интересовать с этой точки зрения. Могучее здание Европейского союза подвергается ударам одного политического шквала за другим. Провал Конституции для Европы в 2005 г., финансово-экономический кризис 2009–2013 гг., кризис беженцев 2015 г., референдум в Великобритании и начало переговоров о ее выходе из

ЕС в 2016–2017 гг. и, наконец, разворачивающийся кризис вокруг Каталонии осенью 2017 г. Эти события по очереди ставили под сомнение основные ценности, на которых была основана европейская интеграция с момента ее возникновения. Внутри Евросоюз сталкивается с проблемой лидерства: Франция за последние годы существенно ослабла, и ее способность исполнять роль позитивного балансира Германии уже не та, что прежде.

В середине XIX в. швейцарский философ Анри-Фредерик Амьель писал: «Каждый человек начинает путь в мире заново. Только институты становятся мудрее. Они хранят наш коллективный опыт» (цит. по [Bordachev, 2017b]). Здесь Европа смогла сделать главное – создать институты, которые работают при любой политической погоде. Другими словами, чтобы мы ни говорили или писали о сложностях Европейского союза, эти сложности являются проблемами гораздо более высокого порядка по сравнению с теми, которые угрожают развитию или даже существованию ЕАЭС.

Крепкие институты, в первую очередь межправительственные, – именно то, чего другим интеграционным объединениям, и ЕАЭС здесь яркий пример, как раз и не хватает в наибольшей степени. Поэтому Союз периодически лихорадит. Так, в 2017 г. в полном объеме высветилась проблема того, что страны Союза готовы фактически создавать рискованные для его функционирования ситуации в связи с двусторонними политическими и дипломатическими проблемами. Но что больше всего настораживает – страны – участницы ЕАЭС системно, и Россия тут не исключение, оказываются неспособны исполнять в полном объеме свои обязательства, принятые в соответствии с Договором о ЕАЭС и актами вторичного законодательства. В ряде случаев, как, например, отношения стран Союза с ЕС, внешние игроки ориентируются на подрыв евразийской интеграции как таковой.

Попытки включить Россию в западное международное сообщество закончились в 2007 г. – с представлением известного доклада главы российского государства на конференции по международной безопасности в Мюнхене [Путин, 2007]. Хотя на европейском направлении отдельные попытки гальванизировать отношения еще предпринимались вплоть до 2014 г. (например, «Партнерство для модернизации).

Китай же интегрирован в эту систему в колоссальной степени [Friedberg, 2005, p. 14]. Китайские компании уже давно чувствуют себя уверенно на рынке США, играют по существующим там правилам. Но одновременно КНР никак не включена в основные институты, определяющие развитие сообщества, лидером которого являются США. Китай не является и не может являться рыночной демократией и вряд ли при каких-либо обстоятельствах будет признан в качестве равноправного участника того, что мы называем «Запад». Но он и сам к этому, собственно, не стремится. Его конфликт с Западом носит экзистенциальный характер просто потому, что возвышение Китая потребует перераспределения потребления в глобальном масштабе. Готовы ли США и Европа себя хоть в чем-то ограничить ради того, чтобы инкорпорировать Китай на правах равного распределителя и получателя глобальных благ?

При этом в 1990-е и начале 2000-х годов западное и международное сообщества стали практически синонимами. США и их ближайшие партнеры вполне уверенно контролировали повестку ведущих международных институтов. Тогда единство сообщества Запада и его институционализированных режимов под сомнение не ставилось, однако затем все изменилось [Mead, 2009]. Новые американские санкционные инициативы ставят (при определенных обстоятельствах) под угрозу энергетическую безопасность Евросоюза. То же касается долгосрочных планов организации снабжения природным газом Японии. Размещение в Южной Корее системы противоракетной обороны США уже привело к крайне серьезным неприятностям для Сеула и южноко-

рейских компаний на китайском рынке. То, что делается и говорится сейчас, ставит их перед выбором, который, как известно, они делать совершенно не привыкли.

Наиболее подготовлены к новой динамике отдельные страны Балтии и Восточной Европы (особенно – Балтии), готовые ограничивать себя даже от реальной выгоды, но отвечать требованиям достойного клиента – союзника США. Но они, само собой, не оказывают значительного влияния на эволюцию сообщества стран Запада, его режимов и институтов. Поэтому очень важно, чтобы признаки раскола наметились не на периферии, а в центре этого сообщества. Весьма вероятно, что именно сейчас трансатлантические союзники приблизились к черте, за которой их отношения никогда не станут прежними. Таким образом, актуальным вопросом становится то, как США будут контролировать Европу. Это значит, что и влияние формируемых под лидерством США режимов и сообществ на международную безопасность также будет подвергаться трансформации.

Как это ни тривиально звучит, нужно освоить уроки и избежать повторения ошибок. Уникальность ситуации на евразийском пространстве состоит в том, что формирующаяся здесь международная среда исключает вероятность и необходимость появления бесспорного гегемона. Пространство, включающее в себя по меньшей мере три великие державы – Индию, Китай и Россию, а также большую группу значительных государств среднего масштаба – Иран, Пакистан, Вьетнам, Корею, может быть или регионом жесткой конкуренции, или, наоборот, способствовать возникновению соответствующего уникального международного режима. А стало быть, и мегарегиональное международное сообщество, возникающие и действующие в его рамках режимы могут быть более совершенными с точки зрения демократизма и устойчивости.

Отдельный практический вопрос широкого евразийского сотрудничества, нуждающийся в теоретическом осмыслении, – это судьба его ядра в виде евразийской экономической интеграции.

В 2018 г. Россия председательствует в Высшем Евразийском экономическом совете. Российское правительство, судя по всем признакам, относится к решению задач, связанных с председательством, очень серьезно [ЕЭК, 2018]. Возможно, что российское председательство в ЕАЭС – это достаточно удобный повод для создания рабочей группы представителей правительств Армении, Белоруссии, Казахстана, Киргизии и России, которая проведет инвентаризацию всех неисполненных обязательств и взаимных претензий, и определит пути исправления. Это не является и не может являться задачей наднационального института ЕАЭС Евразийской экономической комиссии. Только правительства, назначенные всенародно избранными главами государств, могут брать на себя ответственность за решение такой серьезной задачи. Общим местом уже стало то, что полномочия Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) – главного исполнительного органа ЕАЭС – крайне ограничены и не позволяют ей развивать интеграцию должным образом (неоднократно упоминалась проблема сотрудничества по таможенным барьерам [Vinokurov, 2016, p. 58]).

Изучение опыта интеграции в Западной Европе показывает, что и здесь все не так однозначно. Страны-участницы, несмотря на десятилетия сотрудничества, принимают все законодательные акты Европейского союза только Советом ЕС, в который входят полномочные министры стран – членов Евросоюза. Без их решения Европейская комиссия – исполнительный орган ЕС – не может принять ни одного акта вторичного законодательства. Поэтому сетования на то, что в ЕАЭС все больше вопросов решается не на уровне Евразийской экономической комиссии, а на уровне Совета – органа межправительственного – показывают недостаточно глубокое знание европейского опыта.

Однако отличие состоит в том, что в Евросоюзе Совет министров является реально действующим на постоянной основе институтом со своим аппаратом, историей и механизмом согласования позиций до того, как решение выносится на голосование. Существует институт постоянных представителей стран-членов в Брюсселе, работают постоянно действующие экспертные комитеты. Это позволяет избежать разрыва между надгосударственными органами и государствами и дает возможность постоянно вовлекать правительства стран-участниц в согласование позиций по каждому вопросу. В этом отношении евразийская интеграция, в отличие от европейской, стоит на одной ноге – у нее есть относительно сильная Евразийская экономическая комиссия и могущественные высшие органы принятия решений: Высший евразийский совет и Межправительственный совет. Но нет абсолютно ничего между ними, что позволило бы правительствам, напрямую подотчетным главам государств и парламентам, работать вместе на более или менее постоянной основе.

Заключение и рекомендации

На данный момент сформировались объективные предпосылки для продвижения и развития инициативы создания Большой Евразии. Для того чтобы понять, на каких рациональных основах она может быть построена, нужно изучить ее прошлое, найти в нем идеи и нарративы, способные не разделять, а объединять народы нашего макрорегиона, оценить цели развития евразийских народов, понять, где они пересекаются, где могут вступить в противоречие друг с другом и нуждаются в согласовании, а где дополняют друг друга, а также выделить те цели, которые могут достигаться совместно, при координации усилий на межгосударственном уровне.

Необходимо изучить современные типы систем коллективной безопасности и понять, какой опыт наиболее применим к современной Евразии. Нужно попытаться определить разделяемый всеми народами региона набор базовых ценностей внутреннего устройства и международного общения. Среди них особенно важно опознать те ценности, которые могут играть в будущем роль в духовном и ценностном сплочении евразийских народов – в создании их коллективной идентификации.

Нужно вообще оценить степень применимости наиболее устоявшихся понятий и правил международного общения к евразийской политико-культурной среде, уяснить, как эти понятия и правила преломляются в евразийских условиях. Наиболее эффективные механизмы и способы сотрудничества возникли на западной периферии Евразии – в Европе, где в их основе лежит другая политическая традиция. Традиция сотрудничества – как результата рационального выбора – может и должна быть применима в евразийских условиях, но она должна быть не просто привнесена извне, а переосмыслена в местных условиях.

Необходимо посмотреть на стратегические перспективы и мотивацию каждого из важнейших евразийских игроков. Китай – наиболее крупное евразийское государство. Он практически самодостаточен в силу уникальной демографии и, на первый взгляд, не нуждается в том, чтобы вливаться в более широкие общности. Но даже Китай не может вернуться к политике закрытости, которая однажды уже довела китайский народ до величайших потрясений. Россия, также в силу своей демографии, не может быть самодостаточной и поэтому должна создавать международные сообщества, правила общения внутри которых будут более продвинутыми и участники которых смогут разделять набор общих ценностей. Государства Центральной Азии, как и Монголия, пытаются сформулировать свои цели развития с опорой на необходимость сохранения

себя в качестве самостоятельных и существующих единиц международных отношений. Они пытаются делать ставку на взаимодействие с крупными региональными и внерегиональными игроками, балансировать своих могущественных соседей. Хотя, конечно, степень практической взаимозависимости между странами Центральной Азии, Китаем и Россией велика.

Что касается функционирования институтов в Большой Евразии (в частности, ЕАЭС), то здесь необходимо создать оптимальные условия для эффективного межправительственного взаимодействия. Отцам-основателям интеграции в Западной Европе было в далекие 1950-е годы очевидно, что государство – это высший носитель суверенной власти и от своего суверенитета не может отказаться в силу ответственности перед населением. И именно этот опыт стоило бы, по всей видимости, внимательно изучить и воспринять для того, чтобы сохранить евразийскую интеграцию. Необходимо, таким образом, сосредоточить усилия на сопоставлении подходов и представлений основных региональных игроков и транслировать эти подходы в режимы и институты, уже существующие – ШОС, ОБСЕ, БРИКС и др.

Источники

Бордачев Т.В. (2017а) Нашим друзьям в Азии и за ее пределами. Международный дискуссионный клуб «Валдай». 15 февраля. Режим доступа: http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/nashim-druzyam-v-azii-i-za-eye-predelami/ (дата обращения: 30.10.2017).

Григорьев Д. (2017) На Балтике встретят китайские боевые корабли // Российская газета. 15 июля. Режим доступа: https://rg.ru/2017/07/15/reg-szfo/na-baltike-vstretiat-kitajskie-boevye-korabli.html (дата обращения: 30.01.2018).

Габуев А.Т., Мохан Ч.Р., Тренин Д.В., Хенле П. (2017) Будущее ШОС: как его видят в Москве, Нью-Йорке, Дели и Пекине / Московский Центр Карнеги. Режим доступа: http://carnegie.ru/commentary/71257 (дата обращения: 30.01.2018).

Денисов И.Е., Сафранчук И.А. (2016) Актуальные экспертные дискуссии по тематике ШОС // Вестник МГИМО-Университета. Т. 48. № 3. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/v/aktualnye-ekspertnye-diskussii-po-tematike-shos (дата обращения: 30.10.2017).

ЕЭК (2018) Официальный сайт. Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ (дата обращения: 15.03.2018).

Иносми (2017) «Один пояс, один путь». Основные тезисы речи Си Цзиньпина. 17 мая. Режим доступа: http://inosmi.ru/politic/20170517/239368854.html (дата обращения: 30.01.2018).

Караганов С.А. (2017) От поворота на Восток к Большой Евразии // Россия в глобальной политике. 19 марта. Режим доступа: http://www.globalaffairs.ru/pubcol/Ot-povorota-na-Vostok-k-Bolshoi-Evrazii-18739 (дата обращения: 30.10.2017).

Лексютина Я.В. (2017) Один пояс – один путь» – заявка Китая на мировое лидерство? // РСМД. 22 мая. Режим доступа: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/odin-poyas-odin-put-zayavka-kitaya-na-mirovoe-liderstvo/ (дата обращения: 30.10.2017).

Ли Ц. (2017) Да я хуобань гуаньси: чунсу оуя синь чжисю [БЕП: создание нового порядка в Евразии] // Гоцзи вэньти яньцзю [Исследование международных проблем]. Т. 1. Режим доступа: http://www.sohu.com/a/127024511_618424 (дата обращения: 30.01.2018) (на китайском языке).

Лузянин С.Г., Чжао Х. и др. (2017) Российско-китайский диалог: модель 2017. Российский совет по международным делам (РСМД). Режим доступа: http://russiancouncil.ru/activity/publications/rossiysko-kitayskiy-dialog-model-2017/ (дата обращения: 18.07.2018).

Министерство Российской Федерации по развитию Дальнего Востока (2018) +17,1 процента – рост инвестиций на Дальнем Востоке в 2017 году. 12 марта. Режим доступа: https://minvr.ru/press-center/news/13709/ (дата обращения: 15.03.2018).

Платонова Е. (2015) Китай идет в обход России // Газета.ру. 29 декабря. Режим доступа: https://www.gazeta.ru/business/2015/12/27/7995287.shtml (дата обращения: 30.01.2018).

Путин В.В. (2007) Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности. Режим доступа: http://special.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034 (дата обращения: 30.01.2018).

Путин В.В. (2016) Выступление на пленарном заседании XX Петербургского международного экономического форума. Режим доступа: http://kremlin.ru/events/president/news/52178 (дата обращения: 18.01.2018).

ТАСС (2015) ЕАЭС и Вьетнам подписали Соглашение о зоне свободной торговли. 29 Мая. Режим доступа: http://tass.ru/ekonomika/2005555 (дата обращения: 30.10.2017).

Тынникова Н. (2017) Анализ экономического сотрудничества ЕАЭС с Вьетнамом // Eurasian Studies. Режим доступа: http://eurasian-studies.org/archives/5723 (дата обращения: 05.12.2017).

Цветов А.П. (2017) Вместо поворота: АСЕАН и евразийский проект России. Московский центр Карнеги. 17 октября. Режим доступа: http://carnegie.ru/2017/10/17/ru-pub-73368#_edn9 (дата обращения: 30.10.2017).

Чжао Х. (2017) Чжунго юй да я хуобань гуаньси [Китай и БЕП] // Гоцзи вэньти яньцзю [Исследование международных проблем]. Т. 6. Режим доступа: http://www.ciis.org.cn/gyzz/2017-11/24/content_40079881.htm (дата обращения: 18.07.2018) (на китайском языке).

Шпангер Х.-Й. (2016) Поворот России на Восток, поворот Китая на Запад: взаимодействие и конфликты на Шелковом пути // Россия в глобальной политике. Режим доступа: http://www.globalaffairs.ru/valday/Povorot-Rossii-na-Vostok-povorot-Kitaya-na-Zapad-vzaimodeistvie-i-konflikty-na-Shlkovom-puti-18208 (дата обращения: 30.10.2017).

Bordachev T. (2017b) What Went Wrong with Eurasian Integration and How to Fix It // Eurasian studies. 14 November. Режим доступа: http://greater-europe.org/archives/3702 (дата обращения: 18.01.2018).

Brown K. (2016) Does China Really Want to Lead the World Order? // The Diplomat. 22 November. Режим доступа: https://thediplomat.com/2016/11/does-china-really-want-to-lead-the-world-order/ (дата обращения: 18.01.2018).

Diesen G (2017) The Global Resurgence of Economic Nationalism. Valdai Discussion Club. 21 December. Режим доступа: http://valdaiclub.com/a/valdai-papers/the-global-resurgence-of-economic-nationalism/?sphrase_id (дата обращения: 18.01.2018).

Entin M., Entina E. (2016) The New Role of Russia in the Greater Eurasia // Strategic Analysis. Vol. 40. No. 6. P. 590–603.

Euromonitor International Official Website (2018) Режим доступа: http://www.euromonitor.com/ (дата обращения: 18.01.2018).

Friedberg A. (2005) The Future of U.S.-China Relations: Is Conflict Inevitable? // International Security. Vol. 30. No. 2. P. 7–45.

Higgens A. (2017) China and Russia Hold First Joint Naval Drill in the Baltic Sea // The New York Times. 25 July. Режим доступа: https://www.nytimes.com/2017/07/25/world/europe/china-russia-baltic-navy-exercises.html; (дата обращения: 18.01.2018).

Hix S. (2007) The EU as a New Political System. Comparative Politics / D. Caramani (ed.). Oxford: Oxford University Press. P. 574.

Krasner D. (1982) Structural Causes and Regime Consequences: Regimes as Intervening // International Organization. Vol. 36. No. 2. P. 185–205.

Kuo M.A (2018) The Origin of 'Indo-Pacific' as Geopolitical Construct. Insights from Gurpreet Khurana // The Diplomat. 25 January. Режим доступа: https://thediplomat.com/2018/01/the-origin-of-indo-pacific-as-geopolitical-construct/ (дата обращения: 15.03.2018).

Kuznetsova A. (2017) Greater Eurasia: Perceptions from Russia, the European Union, and China. Core Europe and Greater Eurasia: A Roadmap for the Future. Russian International Affairs Council. 1 September. Режим доступа: http://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/greater-eurasia-perceptions-from-russia-the-european-union-and-china/ (дата обращения: 18.01.2018).

Lavenex S. (2011) Concentric Circles of Flexible 'European' integration: A typology of EU external governance relations // Comparative European Politics. Vol. 9. No. 4–5.

Lidarev I. (2018) A Tough Year for China-India Relations // The Diplomat. 4 January. Режим доступа: https://thediplomat.com/2018/01/2017-a-tough-year-for-china-india-relations/ (дата обращения: 18.01.2018).

Lukin A. (2016) Russia's Pivot to Asia: Myth or Reality? // Strategic Analysis. Vol. 40. No. 6. P. 573–589.

Maçães B. (2018) The Dawn of Eurasia: On the Trail of the New World Order. United Kingdom: Penguin.

Mead W.R. (2009) Special Providence. American Foreign Policy and How it Changed the World. L.: Routledge.

President of Russia (2015) Joint Declaration of the Russian Federation and People's Republic of China. Режим доступа: http://kremlin.ru/supplement/4971 (дата обращения: 18.01.2018).

Shambaugh D. (2013) China Goes Global. Partial Power. Oxford: Oxford University Press.

Slavic B. (2016) Behand China and Russia's 'Special Relationship' // The Diplomat. 7 December. Режим доступа: https://thediplomat.com/2016/12/behind-china-and-russias-special-relationship/ (дата обращения: 18.01.2018).

Starr F. (2014) Out of Focus: The U.S. Response to Putinism. Putin Grand Strategy and its Discontents / F. Starr, S. Cornell. Режим доступа: https://www.silkroadstudies.org/resources/1409GrandStrategy.pdf (дата обращения: 18.01.2018).

Tomz M., Weeks J., Yarhi-Milo K. (2017) How and Why Does Public Opinion Affect Foreign Policy in Democracies? Режим доступа: https://web.stanford.edu/~tomz/working/TWY-PublicOpinion-2017-02.pdf (дата обращения: 18.01.2018).

Vinokurov E. (2016) Eurasian Economic Union: Current State and Preliminary Results // Russian Journal of Economics. Vol. 3. No. 3. P. 54–70. Режим доступа: https://ac.els-cdn.com/S2405473917300041/1-s2.0-S2405473917300041-main.pdf?_tid=3a0b55a7-39a4-43dd-a0a6-491199b8e657&acdnat=1522033305_0722202254eb8682b996e7418d15fbcb (дата обращения: 18.01.2018).

Wu J. (2013). Xi Proposes a "New Silk Road" with Central Asia / China Daily. 8 September. Режим доступа: http://www.chinadaily.com.cn/china/2013xivisitcenterasia/2013-09/08/content_16952228.htm (дата обращения: 18.01.2018).

Zhang L. (2013) China's Traditional Values and National Identity. Moscow Carnegie Center. 21 November. Режим доступа: http://carnegietsinghua.org/2013/11/21/china-s-traditional-cultural-values-and-national-identity-pub-53613 (дата обращения: 18.01.2018).

The Concept of Greater Eurasia in the Turn of Russia to the East[1]

T. Bordachev, A. Pyatachkova

Timofey Bordachev – Director, Centre for Comprehensive European and International Studies, National Research University Higher School of Economics; 20 Myasnitskaya Str., 101000, Moscow, Russian Federation; E-mail: tbordachev@hse.ru

Anastasia Pyatachkova – Junior Research Fellow, Centre for Comprehensive European and International Studies, National Research University Higher School of Economics, post-graduate student NRU HSE; 20 Myasnitskaya Str., 101000, Moscow, Russian Federation; E-mail: apyatachkova@hse.ru

Abstract

The last two or three years have become a time of an unprecedented rise of interest to Eurasia. The Russian initiative to create Greater Eurasia, which is seen as the main conceptual framework for promoting various cooperation projects in the region, is often criticized for the lack of concrete content. Given the growing number of regional initiatives including from China and India Russia needs not only to formulate an attractive idea, but also to show its relevance and efficiency.

Despite the absence of objective historical conditions for its implementation the concept of Greater Eurasia can become a rational practical embodiment of a wide range of development and security priorities for many countries in the region. The problem of the study is the absence of objective prerequisites for the creation of Greater Eurasia while there is a wide range of subjective reasons.

The article examines the preconditions for the emergence of Greater Eurasia as well as various ways of this concept's perception and political interpretation. For historical reasons projects for the consolidation of Eurasia have largely remained on paper, but the current regional and global trends create relevant conditions for their implementation.

The study analyzes the content of Eurasian integration and possible formats of cooperation within it. Particular emphasis is made on security issues, economic interaction, and the development of institutions in the Eurasian space. The authors stress the need for reform of the OSCE in order to bring its activities closer to the current geopolitical conditions. The prospects for the development of the SCO and its role in Greater Eurasia are also under consideration.

Special attention is paid to relations with potential participants of Greater Eurasia project (including European countries) and non-regional actors. Eurasian integration is also analyzed from the European integration perspective. According to authors' estimations, in EAUE there is a need for greater attention to the issue of state sovereignty (similar to the European experience of country representatives and expert groups) and strengthening the institutional capacity of organization.

Key words: Greater Eurasia; Turn to East; Eurasian Economic Union; European integration; Russian foreign policy; SCO; OSCE; international community, Russian-Chinese relations

For citation: Bordachev T., Pyatachkova A. (2018) The Concept of Greater Eurasia in the Turn of Russia to the East. *International Organisations Research Journal*, vol. 13, no 3, pp. 33–51 (in English). DOI: 10.17323/1996-7845-2018-03-02.

References

Bordachev T. (2017a) Nashim druz'jam v Azii i za ee predelami. *Mezhdunarodnyj diskussionnyj klub "Valdaj"* [Our Friends in Asia and Beyond Valdai Discussion Club]. Available at: http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/nashim-druzyam-v-azii-i-za-eye-predelami/ (accessed 30 October 2017) (in Russian).

[1] The editorial board received the article in April 2018.

The article has been supported by a grant of the Russian Science Foundation. Project No. 17-18-01577 "Creation of Greater Eurasia and the Development of Strategy for Bilateral Cooperation Between Russia and Regional Countries".

Bordachev T. (2017b) What Went Wrong with Eurasian Integration and How to Fix It. *Eurasian Studies*, 14 November. Available at: http://greater-europe.org/archives/3702 (accessed 18 January 2018).

Brown K. (2016) Does China Really Want to Lead the World Order? *The Diplomat*, 22 November. Available at: https://thediplomat.com/2016/11/does-china-really-want-to-lead-the-world-order/ (accessed 18 January 2018).

Denisov I.E., Safranchuk I.A. (2016). Aktual'nye jekspertnye diskussii po tematike ShOS [Topical Expert Discussions on SCO]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, vol. 48, no 3. Available at: https://cyberleninka.ru/article/v/aktualnye-ekspertnye-diskussii-po-tematike-shos (accessed 30 October 2017) (in Russian).

Diesen G. (2017) The Global Resurgence of Economic Nationalism. *Valdai Discussion Club Paper*, no 80, 21 December. Available at: http://valdaiclub.com/a/valdai-papers/the-global-resurgence-of-economic-nationalism/?sphrase_id (accessed 18 January 2018).

Entin M., Entina E. (2016) The New Role of Russia in the Greater Eurasia. *Strategic Analysis*, vol. 40, no 6, pp. 590–603.

Eurasian Economic Commission (EEC) (2018) Available at: http://www.eurasiancommission.org/ (accessed 15 March 2018) (in Russian).

Euromonitor International (c. a.) Available at: http://www.euromonitor.com/ (accessed 18 January 2018).

Friedberg A. (2005) The Future of U.S.-China Relations: Is Conflict Inevitable? *International Security*, vol. 30, no 2, pp. 7–45.

Gabuev A., Mohan C.R., Trenin D., Haenle P. (2017) *Budushhee ShOS: kak ego vidjat v Moskve, N'ju-Jorke, Deli i Pekine* [The Future of SCO: How It Is Seen from Moscow, New York, Delhi and Beijing]. Carnegie Moscow Center. Available at: http://carnegie.ru/commentary/71257 (accessed 30 January 2018) (in Russian).

Grigoryev D. (2017) The Baltic Warships Will Be Met by Chinese Warships. Available at: https://rg.ru/2017/07/15/reg-szfo/na-baltike-vstretiat-kitajskie-boevye-korabli.html (accessed 30 January 2018) (in Russian).

Higgens A. (2017) China and Russia Hold First Joint Naval Drill in the Baltic Sea. *The New York Times*, 25 July. Available at: https://www.nytimes.com/2017/07/25/world/europe/china-russia-baltic-navy-exercises.html (accessed 18 January 2018).

Hix S. (2007) The EU as a New Political System. *Comparative Politics* / D. Caramani (ed.). Oxford: Oxford University Press, p. 574.

Inosmi (2017). *"Odin poyas, odin put'"*. Osnovnye tezisy rechi Si Czin'pina ["One Belt – One Road". Main points of Xi Jinpin's speech]. Available at: http://inosmi.ru/politic/20170517/239368854.html (accessed 30 January 2018) (in Russian).

Karaganov S.A. (2017) Ot povorota na Vostok k Bol'shoj Evrazii [From Pivot to East to Greater Eurasia]. *Russia in Global Affairs*, 19 March. Available at: http://www.globalaffairs.ru/pubcol/Ot-povorota-na-Vostok-k-Bolshoi-Evrazii-18739 (accessed 30 October 2017) (in Russian).

Krasner D. (1982) Structural Causes and Regime Consequences: Regimes as Intervening Variables. *International Organization*, vol. 36, no 2, pp. 185–205.

Kuo M.A. (2018) The Origin of "Indo-Pacific" as Geopolitical Construct: Insights from Gurpreet Khurana. *The Diplomat*, 25 January. Available at: https://thediplomat.com/2018/01/the-origin-of-indo-pacific-as-geopolitical-construct/ (accessed 15 March 2018).

Kuznetsova A. (2017) Greater Eurasia: Perceptions from Russia, the European Union, and China. Core Europe and Greater Eurasia: A Roadmap for the Future. *Russian International Affairs Council*, 1 September. Available at: http://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/greater-eurasia-perceptions-from-russia-the-european-union-and-china/ (accessed 18 January 2018).

Lavenex S. (2011) Concentric Circles of Flexible "European" Integration: A Typology of EU External Governance Relations. *Comparative European Politics*, vol. 9, no 4–5.

Leksyutina Ja.V. (2017) "Odin pojas – odin put'" – zajavka Kitaja na mirovoe liderstvo? [One Belt, One Road – China's Bid for Leadership?]. *Russian Council on International Affairs*, 22 May. Available at: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/odin-poyas-odin-put-zayavka-kitaya-na-mirovoe-liderstvo/ (accessed 30 October 2017) (in Russian).

Li Z. (2017) Da ya huoban guanxi: chongsu ouya zhixu [Greater Eurasian Partnership: Reshaping the New Order in Eurasia?]. *Research on International Issues*, no 1. Available at: http://www.sohu.com/a/127024511_618424 (accessed 30 January 2018) (in Chinese).

Lidarev I. (2018) A Tough Year for China-India Relations. *The Diplomat*, 4 January. Available at: https://thediplomat.com/2018/01/2017-a-tough-year-for-china-india-relations/ (accessed 18 January 2018).

Lukin A. (2016) Russia's Pivot to Asia: Myth or Reality? *Strategic Analysis*, vol. 40, no 6, pp. 573–589.

Maçães B. (2018) The Dawn of Eurasia: On the Trail of the New World Order. United Kingdom: Penguin.

Mead W.R. (2009) Special Providence: American Foreign Policy and How It Changed the World. London: Routledge.

Ministerstvo Rossijskoj Federacii po razvitiju Dal'nego Vostoka (oficial'nyj sajt) [Ministry for the Development of the Russian Far East] (2018) Available at: https://minvr.ru/press-center/news/13709/ (accessed 15 March 2018) (in Russian).

Platonova E. (2015) China Goes Around Russia. *Gazeta.Ru*, 29 December. Available at: https://www.gazeta.ru/business/2015/12/27/7995287.shtml (accessed 30 January 2018) (in Russian).

President of Russia (2007) *Vystuplenie i diskussija na Mjunhenskoj konferencii po voprosam politiki bezopasnosti* [The Speech and Discussion During Munich Conference on Security]. Available at: http://special.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034 (accessed 30 January 2018) (in Russian).

President of Russia (2015) Joint Declaration of the Russian Federation and People's Republic of China. Available at: http://kremlin.ru/supplement/4971 (accessed 30 January 2018) (in Russian).

Putin V.V. (2016) *Vystuplenie na plenarnom zasedanii XX Peterburgskogo mezhdunarodnogo jekonomicheskogo foruma* [The Speech on Plenary Meeting of XXth SPIEF]. Available at: http://special.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034 (accessed 30 January 2018) (in Russian).

Luzyanin S., Zhao H. (2017) Russian-Chinese Dialogue: The 2017 Model. *Russian Council on Foreign Affairs*, Institute of Far Eastern Studies and Fudan University Report. Available at: http://russiancouncil.ru/en/activity/publications/russian-chinese-dialogue-the-2017-model/ (accessed 18.01.2018).

Savic B. (2016) Behind China and Russia's "Special Relationshi". *The Diplomat*, 7 December. Available at: https://thediplomat.com/2016/12/behind-china-and-russias-special-relationship/ (accessed 18 January 2018).

Shambaugh D. (2013) China Goes Global: The Partial Power. Oxford: Oxford University Press.

Spanger H.J. (2016) Povorot Rossii na Vostok, povorot Kitaja na Zapad: vzaimodejstvie i konflikty na Shjolkovom puti [Russia's Turn to East, China's Turn to West: Cooperation and Conflicts on the Silk Road]. *Russia in Global Affairs*. Available at: http://www.globalaffairs.ru/valday/Povorot-Rossii-na-Vostok-povorot-Kitaya-na-Zapad-vzaimodeistvie-i-konflikty-na-Shlkovom-puti-18208 (accessed 30 October 2017) (in Russian).

Starr F. (2014) Out of Focus: The U.S. Response to Putinism. Putin Grand Strategy and its Discontents / F. Starr, S. Cornell (eds). Режим доступа: https://www.silkroadstudies.org/resources/1409GrandStrategy.pdf (accessed 30 October 2017).

TASS (2015) The EEA and Vietnam Signed the Agreement on the Free Trade Zone. Available at: http://tass.ru/ekonomika/2005555 (accessed 30 October 2017) (in Russian).

Tomz M., Weeks J., Yarhi-Milo K. (2017) How and Why Does Public Opinion Affect Foreign Policy in Democracies? Available at: https://web.stanford.edu/~tomz/working/TWY-PublicOpinion-2017-02.pdf (accessed 18 January 2018).

Tsvetov A.P. (2017) Vmesto povorota: ASEAN i evrazijskij proekt Rossii [Instead of the Pivot: ASEAN and Russia's Eurasian Project]. *The Moscow Carnegie Center*, 17 October. Available at: http://carnegie.ru/2017/10/17/ru-pub-73368#_edn9 (accessed 30 October 2017) (in Russian).

Tynnikova N. (2017) Analiz ekonomicheskogo sotrudnichestva EAJeS s V'etnamom [The Analysis of Economic Cooperation Between EAEU and Vietnam]. *Eurasian Studies*. Available at: http://eurasian-studies.org/archives/5723 (accessed 5 December 2017) (in Russian).

Vinokurov E. (2016) Eurasian Economic Union: Current State and Preliminary Results. *Russian Journal of Economics*, vol. 3, no 3, pp. 54–70. Available at: https://ac.els-cdn.com/S2405473917300041/1-s2.0-S2405473917300041-main.pdf?_tid=3a0b55a7-39a4-43dd-a0a6-491199b8e657&acdnat=1522033305_0722202254eb8682b996e7418d15fbcb (accessed 28 January 2018).

Wu J. (2013) Xi Proposes a "New Silk Road" with Central Asia. *China Daily*, 8 September. Available at: http://www.chinadaily.com.cn/china/2013xivisitcenterasia/2013-09/08/content_16952228.htm (accessed 18 January 2018).

Zhang L. (2013) China's Traditional Values and National Identity. Carnegie-Tsinghua Carnegie Center, 21 November. Available at: http://carnegietsinghua.org/2013/11/21/china-s-traditional-cultural-values-and-national-identity-pub-53613 (accessed 18 January 2018).

Zhao H. (2017) Zhongguo yu daya huoban guanxi [China and Greater Eurasian Partnership]. *International Studies*, no 6. Available at: http://www.ciis.org.cn/gyzz/2017-11/24/content_40079881.htm (accessed 18 July 2018) (in Chinese).

Оценка рисков либерализации торговли товарами со странами Азии в рамках российской политики поворота на Восток[1]

А.Б. Лихачева, Г.М. Калачигин

Лихачева Анастасия Борисовна – к.полит.н., заместитель директора Центра комплексных европейских и международных исследований (ЦКЕМИ) Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20; E-mail: alikhacheva@hse.ru

Калачигин Григорий Михайлович – стажер-исследователь Центра комплексных европейских и международных исследований (ЦКЕМИ) Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20; E-mail: gkalachigin@hse.ru

Вопрос либерализации торговли со странами АТР – один из ключевых в повестке интеграции России и ЕАЭС в торгово-экономические связи в АТР. Однако заключение соглашений о зоне свободной торговли традиционно негативно воспринималось как в России, так и в странах – партнерах ЕАЭС в силу превалирующей крайне консервативной торговой политики. Для оценки рисков таких соглашений было проведено исследование, моделирующее ситуацию полной либерализации торговли товарами России с Республикой Корея, Сингапуром, Индией, Японией и Китаем. Страны были выбраны на основе текущих переговорных треков ЕАЭС и анализа российской внешней торговли со странами АТР. Моделирование производилось с помощью модели частичного равновесия, встроенной в программу SMART, которая предоставляется World Integrated Trade Solution.

В работе выделяются ключевые товарные группы, увеличение импорта которых можно ожидать при полной отмене тарифных пошлин с российской стороны (с учетом чувствительных тарифных линий). Кроме того, авторы приходят к выводу, что в таком случае импорт индийской и корейской продукции увеличится примерно на 7,5%, японской – на 7%, сингапурской – на 6,5% от стоимости импорта из данных стран в 2016 г. Моделирование показало увеличение импорта китайской продукции на 8%, однако в абсолютном выражении данный прирост превышает текущий уровень торговли с Индией и Сингапуром вместе взятых, что подтверждает низкую вероятность запуска переговоров о зоне свободной торговли (ЗСТ) с Китаем в кратко- и среднесрочном периоде.

Ключевые слова: Россия; АТР; либерализация зоны свободной торговли; импорт; модель частичного равновесия

Для цитирования: Лихачева А.Б., Калачигин Г.М. (2018) Оценка рисков либерализации торговли товарами со странами Азии в рамках российской политики поворота на Восток // Вестник международных организаций. Т. 13. № 3. С. 52–69 (на русском и английском языках). DOI: 10.17323/1996-7845-2018-03-03.

---

[1] Статья поступила в редакцию в ноябре 2017 г.

Статья подготовлена за счет гранта Российского научного фонда № 17-18-01577 «Формирование Сообщества Большой Евразии и стратегии двустороннего взаимодействия России со странами региона».

Введение

В XXI в. центр мировой экономической активности перемещается в Азиатско-Тихоокеанский регион. Россия стремится стать частью нового экономического центра. Специалисты называют данный процесс «поворот на Восток», его старт чаще всего связывают либо с созданием Министерства по развитию Сибири и Дальнего Востока (на данный момент – Министерство по развитию Дальнего Востока) и приготовлением страны к саммиту АТЭС во Владивостоке в 2012 г., либо с обострением отношений с западными странами и введением санкций и ответных мер.

В настоящее время осуществляется переход модели развития АТР от «Азия для мира» к «Азия для Азии», заключающийся в увеличении внутрирегиональной торговли, инвестиций, создании новых цепочек добавленной стоимости и т.д. [Бордачев и др., 2015; Макаров, 2016]. Сегодня Азия – один из лидеров по объемам внутри- и внешнеторгового оборота. Доля внутрирегиональной торговли в 2004 г. превысила 50% от общего торгового оборота [WTO, 2005] и растет, достигнув 57,3% в 2016 г. [ADB, 2017], за исключением кризисных годов, что является тенденцией, характерной для регионализации. Спад в международной торговле в 2015 г. был больше спада во внутрирегиональной торговле, в связи с чем доля внутрирегиональной торговли продолжила расти [ITC, 2017].

Интеграционный процесс в Азии характеризуется отсутствием делегирования части суверенитета и направлен на либерализацию процессов, например, в рамках соглашений о зонах свободной торговли [Макаров, 2016]. Примером является АСЕАН и ее форматы сотрудничества АСЕАН+. Следующим шагом стали мегарегиональные соглашения, например, Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство (ВРЭП), которые, в свою очередь, тоже не предусматривают наднациональных органов, а направлены на более глубокое сотрудничество в различных сферах. Однако процесс заключения подобных соглашений достаточно длительный, и подписание итогового документа может неоднократно переноситься. Например, окончание переговоров в очередной раз перенесли – на ноябрь 2018 г., что вызвано отсутствием консенсуса по всем обсуждаемым вопросам [theSunDaily, 2017].

Интеграция России в регион потребует времени, более того, членство в ЕАЭС подразумевает формирование интеграционной повестки с учетом позиций всех стран-членов. Поэтому на данный момент уже действует одно соглашение о зоне свободной торговли (ЗСТ) с Вьетнамом (вступило в силу 5 октября 2016 г.) [ЕЭК, 2016], в мае 2015 г. сделано заявление о сопряжении ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути [Официальный сайт Президента РФ, 2015], выстраивается концептуальная рамка Большой Евразии – все это шаги, сделанные для интеграции России как члена ЕАЭС в Азиатско-Тихоокеанский регион.

Заключение преференциальных соглашений ведет не только к получению преимуществ, но и к обострению определенных рисков. В связи с этим авторы использовали модель частичного равновесия для оценки эффектов либерализации торговли с пятью странами Азии. На основании полученных данных были выработаны определенные рекомендации по формированию переговорной позиции России.

Данная статья имеет следующую структуру: сначала представлен обзор литературы, затем методология моделирования полной либерализации торговли между выделенными нами странами, далее проанализировано современное состояние ЗСТ и подведены итоги.

Обзор академической литературы

Кристофер М. Дэнт [Dent, 2005, p. 287–314] в своем исследовании зон свободной торговли в Восточной Азии констатирует, что если в 1990 г. соглашения заключались лишь в отмене существующих барьеров в торговле, то к началу XXI в. спектр затрагиваемых в соглашении аспектов значительно расширился. Добавились, например, проблемы регулирования электронной торговли, интеллектуальной собственности, рабочей силы и т.д. Таким образом, это способствует комплексной и эффективной интеграции между странами, в чем также нуждается и Российская Федерация.

Оценка возможных последствий заключения ЗСТ используется учеными по всему миру. Например, Д.А. Изотов в своих работах оценил возможные последствия ЗСТ с Новой Зеландией [Изотов, 2013a, с. 41–53] и Вьетнамом [2013b, с. 108–115] и пришел к выводу, что взаимное снижение тарифов приведет к росту российского импорта, в то время как экспорт будет расти за счет других аспектов, например, увеличения инвестиционного присутствия в данных странах. При этом автор отмечает, что заключение подобных соглашений необходимо для успешной интеграции России в АТР.

Грэг Мастел [Mastel, 2013, p. 41–61] на примере США показывает, что создание зон свободной торговли может использоваться как серьезный политический механизм для создания прочного основания политических и, возможно, военных альянсов (например, ЗСТ с Израилем и Иорданией).

Мин Гё Ко и Сок-Бин Хон [Min, Hong, 2014, p. 1–25] в своей работе, посвященной торговой политике Республики Корея и Таиланда, пришли к выводу, что Корея, несмотря на ее относительно протекционистскую политику, является активным игроком на арене ЗСТ и заключает данные соглашения с ключевыми акторами мировой экономики: США, АСЕАН, КНР, ЕС, Индией и т.д.

Инкё Чхон [Cheong, 2007, p. 1–26] в своей оценке последствий ЗСТ Корея – США отмечает пять главных преимуществ данного соглашения, которые были выделены крупнейшим частным исследовательским институтом в Республике Корея. К ним относятся: совершенствование конкуренции, улучшение бизнес-регулирования, разработка политики для дальнейшей интеграции в Восточной Азии, оживление инвестиционной деятельности и поддержание реализации мирного договора на Корейском полуострове. Также в данной работе автор указывает на то, что страны, которые во многом зависят от внешней торговли, должны либо внедряться в процессы глобализации, что можно сделать посредством ЗСТ, либо быть готовыми к значительным альтернативным издержкам.

В связи с этим следует отметить, что на данный момент в рамках торговых переговоров ЕЭК имеет узкий набор возможных тем обсуждения – различные виды барьеров в торговле товарами [Министерство экономического развития Российской Федерации, 2014]. Для эффективной интеграции необходимо расширение мандата ЕЭК, так как обсуждение в рамках переговоров других пунктов национальными представителями может приводить к затягиванию процесса.

Брюс Госпер [Gosper, 2017, p. 233–254], рассматривая возможные выгоды для Австралии от заключения ЗСТ с Европейским союзом, пришел к выводу, что подобное соглашение имеет массу плюсов не только на двустороннем треке сотрудничества, но и на внутреннем и международном, однако при этом надо быть готовым к нейтрализации определенных рисков.

Эмико Фукасе и Уилл Мартин [Fukase, Martin, 2016, p. 774–816] в своей работе, посвященной потенциалу ЗСТ Индия – США, указали, что данное соглашение может дать старт более глубокой либерализации торговых режимов обеих стран. Также авторы

пришли к выводу, что ЗСТ будет способствовать снижению уровня бедности и повышению минимальных заработных плат в Индии.

Целью авторов является оценка возможных последствий либерализации торговли. Модели *общего и частичного равновесия* позволяют оценить предполагаемые последствия подобных мер. Изотов [Изотов, 2015, с. 75–97] подчеркивает, что модель общего равновесия нацелена на изучение макроэкономических последствий, а частичное равновесие позволяет определить товарные группы, импорт или экспорт которых наиболее существенно изменится вследствие изменения тарифной политики. Более того, специалисты отмечают, что расхождения в моделях частичного и общего равновесия незначительны, что позволило авторам использовать только модель частичного равновесия.

Д.А. Изотов [Изотов, 2015, с. 75–97] в своей работе также отмечает, что модель частичного равновесия активно используется специалистами для расчета последствий вступления стран в ВТО или заключения между ними. Для оценки рисков для Российской Федерации от заключения торговых соглашений между ЕАЭС и странами АТР была использована программа SMART, предоставляемая WITS, в которую уже встроена модель частичного равновесия. Проведенный авторами анализ литературы показал, что данная программа использовалась для оценки последствий либерализации между Европейским союзом и Экономическим сообществом стран Западной Африки [Lang, 2008], США и Марокко [Jallab, Abdelmalki, Sandretto, 2007, p. 852–887], влияния таможенного союза Восточноафриканского сообщества на Уганду [Othieno, Shinyekwa, 2011].

Методология построения модели

С помощью программы SMART авторы провели анализ последствий полной либерализации торговли товарами (за исключением выделенных чувствительных позиций ЕАЭС на основании ЗСТ с Вьетнамом) между Российской Федерацией и пятью странами АТР: Республикой Корея, Сингапуром, Индией, Японией и Китаем. Он основан на данных о тарифной защите и двусторонней торговле за 2016 г. Целью работы является оценка уязвимости Российской Федерации, поэтому будут рассмотрены лишь последствия снижения тарифов со стороны РФ и риски роста импорта.

Включение адвалорных показателей нетарифных мер[2] не было произведено, так как доминирующая доля НТМ либо не относится к прямым мерам защиты внутреннего рынка, либо отсутствует возможность перевода в процентный вид. Следует отметить, что обычно авторы аналитических работ используют адвалорные эквиваленты антидемпинговых мер и квотирования. Проведенный анализ подобных мер со стороны РФ показал, что они применяются лишь к отдельной продукции химической промышленности и некоторым мясным товарам, большинство из которых вошло в список «чувствительных» в соглашении о ЗСТ ЕАЭС – Вьетнам, то есть защита данных позиций не подразумевается.

Анализ доступа на рынки товаров, выполненный методом моделирования, основан на следующих предположениях, стандартных для моделей SMART:

– Российская Федерация незамедлительно отменяет собственные тарифы для всех товаров (за исключением выделенных нами ранее чувствительных позиций ЕАЭС). Снижение тарифов в России для каждой страны рассматривается отдельно, а не в совокупности.

[2] Процентные ставки таможенной пошлины.

– В список чувствительных тарифных линий входят те, которые вошли в итоговое соглашение о ЗСТ ЕАЭС – Вьетнам, то есть полученные результаты моделирования для данных тарифных линий не будут учитываться в анализе результатов.
– Устранение тарифов Россией применимо к выделенным странам, но не к другим государствам.
– Ценовая эластичность спроса на импорт высчитывается непосредственно программой SMART.
– Эластичность экспортных поставок и эластичность замещения предполагаются на уровне 99 и 1,5 соответственно.

Под увеличением объема импорта понимается совокупность трех эффектов: эффекта отклонения торговли, эффекта создания торговли и эффекта цены. В итоговых таблицах все указанные эффекты просуммированы.

Эффект отклонения торговли. Вследствие снижения тарифа на товары страны *А* относительные цены на них снижаются по сравнению с товарами из страны *Б*. Потребление композитного блага[3] не изменилось, но при этом импорт из страны *А* увеличивается, симметрично снижая импорт из страны *Б*.

Эффект создания торговли. Снижение импортного тарифа для товаров страны *А* снижает внутреннюю цену на них. Как следствие, при таком же уровне расходов население теперь может потреблять больше импортированных товаров из страны *А*. С рыночной точки зрения отклонение торговли является нейтральным. Это не влияет на общее импортированное количество, а перераспределяет долю рынка среди партнеров-экспортеров на основе новых относительных цен. Увеличение импорта от бенефициаров снижения тарифов уравновешивается уменьшением импорта из всех остальных.

Эффект цены. Данный эффект присутствует только при условии гипотезы эластичности предложения экспорта. Он отражает рост мировой цены на товар, спрос которого увеличивается после снижения тарифов. В то время как эффекты отклонения и создания торговли отражают влияние на количество, эффект цены представляет собой дополнительную стоимость импорта из-за повышения мировой цены[4].

Современное состояние ЗСТ

В настоящий момент двустороннее взаимодействие является основным направлением деятельности ЕЭК в области торгово-экономического сотрудничества со странами АТР. Сегодня есть все основания полагать, что на будущих переговорах о ЗСТ с другими странами АТР, имеющими схожий торговый баланс со странами – членами Союза, ЕЭК будет отстаивать аналогичные позиции, поскольку построение консенсуса внутри ЕЭК – крайне ресурсоемкий процесс, что, вероятно, будет придавать новым переговорам Комиссии определенную инертность (на базе вьетнамского соглашения).

На момент написания статьи переговорный процесс ЕАЭС с ключевыми для РФ странами АТР находится на различных стадиях.

Между ЕАЭС и Китаем 1 октября 2017 г. было подписано совместное заявление о завершении переговоров по Соглашению о торгово-экономическом сотрудничестве (ТЭС). Таким образом, для вступления данного соглашения в силу осталось провести юридико-техническую правку текста соглашения и необходимые внутригосударственные процедуры для подписания документа [Громский, 2017]. Следует отметить, что

[3] Композитное благо – часть доходов потребителя, которая тратится на покупку всех благ, за исключением исследуемого.

[4] В используемой нами модели эффект цены всегда равен нулю.

данное ТЭС не является преференциальным, то есть не приведет к какому-либо снижению или отмене тарифных и нетарифных ограничений, решению спорных торговых и инвестиционных аспектов сотрудничества. Несмотря на то, что оно воспринимается скорее как политический, а не экономический договор, Россия заинтересована в нем по следующим причинам:

– открытие Китаем информации о работе своего внутреннего рынка;

– проработка механизмов инвестиционного и приграничного экономического сотрудничества;

– *включение* российских транспортно-логистических проектов в более широкий контекст сопряжения ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового Пути.

С *Республикой Корея* по состоянию на сегодняшний день ведутся переговоры о возможности и необходимости заключения ЗСТ [ЕЭК, 2016]. Главный вопрос: как далеко стороны смогут пойти на компромисс в снижении пошлин на чувствительные товары. В целом от данного решения и зависит вероятность запуска переговоров о ЗСТ.

Что касается вопроса переговоров с *Японией*, то 16 декабря 2016 г. президент Российской Федерации Владимир Путин на пленарном заседании российско-японского форума деловых кругов заявил, что «в скором времени планируется обсудить на экспертном уровне вопрос формирования зоны свободной торговли между ЕАЭС и Японией» [Официальный сайт Президента РФ, 2016]. Однако на данный момент Евразийская экономическая комиссия не анонсировала переговоров, что может быть вызвано значительной загруженностью кадров в рамках семи текущих двусторонних треков по линии ЗСТ с другими странами.

Официально начало переговоров по ЗСТ с *Индией* было объявлено 3 июня 2017 г. в рамках Петербургского международного экономического форума [ЕЭК, 2017]. Предполагается, что ключевыми темами переговоров будут аспекты регулирования торговли, включая таможенное администрирование, защиту прав интеллектуальной собственности, сокращение тарифных и нетарифных барьеров во взаимной торговле. Уже работающая совместная группа экспертов получит новые возможности и все необходимые полномочия для дальнейшего ведения переговоров, что должно привести к более быстрому запуску процесса переговоров. Однако Индия – достаточно сложный партнер по переговорам и традиционно проявляет относительную медлительность, активного развития переговорного процесса по данному треку в ближайшее время ожидать не стоит.

Переговорный процесс о создании ЗСТ с *Сингапуром* в данный момент находится в активной фазе и может завершиться в 2018 г. [TASS, 2017]. Следующее заседание совместной рабочей группы должно пройти в первом полугодии 2018 г. Тогда же планируется провести бизнес-форум, организуемый ЕЭК совместно с Российско-сингапурским деловым советом.

По состоянию на сегодняшний день ЕАЭС заключил только одно соглашение о создании зоны свободной торговли – в 2015 г. с Вьетнамом. Его полная реализация займет еще около семи лет. В среднесрочной перспективе при соблюдении определенных условий ЕАЭС сможет начать переговорный процесс о либерализации торговли с АСЕАН.

Основная цель ЗСТ ЕАЭС – Вьетнам – консолидация взаимных обязательств сторон по упрощению доступа товаров на рынки. К 2025 г. средний уровень вьетнамских импортных таможенных пошлин на товары стран Союза уменьшится с 10 до 1%, а в ЕАЭС для вьетнамских товаров – до 2%. В некоторых случаях пошлины будут сохраняться. Проведенный анализ позволил сделать вывод, что пошлины на более чем 500 наименований на уровне 10 знаков ТН ВЭД остаются на прежнем уровне.

Таким образом, в краткосрочной перспективе большие экономические эффекты от торгово-экономического сотрудничества ЕАЭС со странами АТР на преференциальной основе не ожидаются. Тем не менее есть все основания полагать, что уже в среднесрочной перспективе активизируется взаимодействие ЕЭК с азиатскими государствами и объединениями (в частности, АСЕАН) по линии либерализации торговли. Проведение предварительного анализа позволит оценить целесообразность ведения подобных переговоров.

Анализ импорта РФ и полученных результатов модели

В данном разделе представлена краткая характеристика структуры импорта России из каждой страны, а также на основе построенной модели частичного равновесия делаются два вывода: импорт каких категорий товаров может увеличиться в наибольшей степени и какие субпозиции, возможно, следует относить к чувствительным при проведении переговоров (кроме тех, что были выделены при ЗСТ ЕАЭС – Вьетнам). Важно отметить, что хотя модель показала значительный прирост таких субпозиций, как коробки передач, двигатели, бульдозеры, буксиры и суда-толкачи, их импорт зависит не только от уровня тарифной защиты государства, но и от региональной транспортной политики и предприятий, использующих данные товары для дальнейшего производства. В этой связи представляется необходимым включение вопросов об инвестициях стран АТР в предприятия на территории Российской Федерации, в том числе непосредственно производящие указанные товары или использующие их в качестве запчастей. Это может быть эффективно, к примеру, для Дальнего Востока, расширяющего режим Свободного порта Владивосток, так как откроет новые возможности и для расширения производственных мощностей, и для наращивания экспорта автомобилей в третьи страны.

ЗСТ ЕАЭС – Китайская Народная Республика

В 2016 г. Российская Федерация импортировала из Китая продукцию общей стоимостью около 38,1 млрд долл. США. Более половины импорта приходится на машины и оборудование (около 53%), по остальным категориям доли распределились относительно равномерно (Приложение 1).

Результаты модели. На основании построенной модели мы установили, что при полной либерализации торговли между ЕАЭС и Китаем произойдет увеличение поставок продукции 89 групп ТН ВЭД на общую сумму около 2,8 млрд долл. США.

Группы ТН ВЭД с наибольшим приростом китайского импорта (свыше 100 млн долл. США) представлены на рис. 1.

По остальным 82 группам ТН ВЭД прирост колеблется от 2 тыс. до более 80 млн долл. США.

На уровне шести знаков ТН ВЭД в стоимостном выражении наибольший прирост прогнозируется по следующим наименованиям (табл. 1).

Выводы. При полной либерализации торговли между ЕАЭС и Китаем импорт в Российскую Федерацию увеличится на 2,8 млрд долл. США, или примерно на 8% от объемов импорта 2016 г. Так как в стоимостном выражении прирост превышает импорт из Индии и Сингапура вместе взятых и практически равен уровню японского импорта, на данном этапе такой эффект можно считать крайне рискованным. Тем не менее Россия заинтересована в росте экспорта, а Китай является приоритетным торговым партнером, поэтому необходима объективная оценка всех потенциальных плюсов и минусов данного соглашения. К тому же ЕАЭС не имеет значительного опыта в пере-

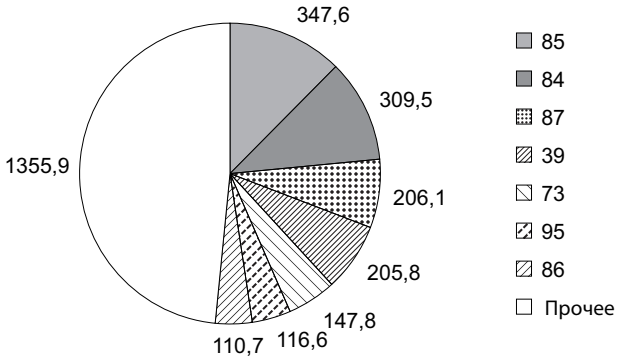

Рис. 1. Группы ТН ВЭД с наибольшим приростом китайского импорта (млн долл. США)

Источник: составлено авторами по итогам моделирования[5].

Таблица 1. Топ-3 наименований китайской продукции по приросту импорта при полной отмене российских пошлин

ТН ВЭД	Наименование	Увеличение импорта, тыс. долл. США
860900	Контейнеры (включая емкости для перевозки жидких грузов)	109 652
871200	Велосипеды двухколесные и прочие виды велосипедов (включая трехколесные велосипеды для доставки грузов) без двигателя	79 201
950300	Трехколесные велосипеды, самокаты, педальные автомобили и аналогичные игрушки на колесах; коляски для кукол; куклы; прочие игрушки; модели в уменьшенном размере	77 629

Источник: составлено авторами на основе построенной модели частичного равновесия.

говорах о ЗСТ. Более того, крайне сложно говорить о начале переговоров, в то время как текущие еще не закончены. Этот факт подтверждает нецелесообразность переговоров о ЗСТ с КНР в кратко- и среднесрочной перспективе.

ЗСТ ЕАЭС – Республика Корея

В 2016 г. Российская Федерация импортировала из Республики Корея продукцию общей стоимостью около 5,11 млрд долл. США. Большая половина импорта приходится на продукцию с высокой степенью переработки, что объясняется уровнем развития корейской промышленности (Приложение 1).

[5] Группы ТН ВЭД: 85 – Электрические машины и оборудование, их части; звукозаписывающая и звуковоспроизводящая аппаратура, аппаратура для записи и воспроизведения телевизионного изображения и звука, их части и принадлежности; 84 – Реакторы ядерные, котлы, оборудование и механические устройства; их части; 87 – Средства наземного транспорта, кроме железнодорожного или трамвайного подвижного состава, и их части и принадлежности; 39 – Пластмассы и изделия из них; 73 – Изделия из черных металлов; 95 – Игрушки, игры и спортивный инвентарь; их части и принадлежности; 86 – Железнодорожные локомотивы или моторные вагоны трамвая, подвижной состав и их части; путевое оборудование и устройства для железных дорог или трамвайных путей и их части; механическое (включая электромеханическое) сигнальное оборудование всех видов.

Результаты модели. На основании построенной модели было выявлено, что при полной либерализации торговли между ЕАЭС и Республикой Корея произойдет увеличение поставок продукции 85 групп ТН ВЭД на общую сумму около 381,4 млн долл. США.

Группы ТН ВЭД (из упомянутых выше 84 групп) с наибольшим приростом корейского импорта показаны на рис. 2.

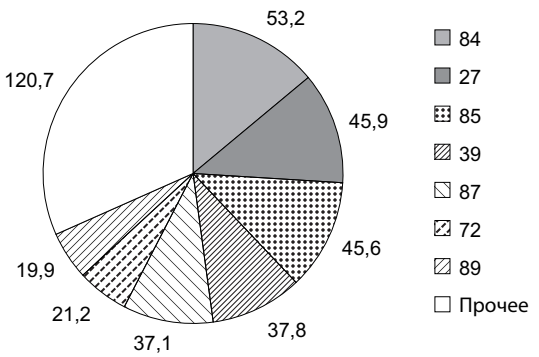

Рис. 2. Группы ТН ВЭД с наибольшим приростом корейского импорта (млн долл. США)

Источник: составлено авторами по итогам моделирования[6].

По остальным 77 группам ТН ВЭД прирост колеблется от нескольких тысяч долларов США до более чем 16 млн долл. США.

На уровне шести знаков ТН ВЭД наибольший прирост импорта прогнозируется для категорий «Прочие дистилляты и продукты нефтепереработки» и «Танкеры» (45 и 20 млн долл. США соответственно).

Выводы. При полной либерализации торговли (с учетом ранее выделенных чувствительных позиций) между Российской Федерацией и Республикой Корея (в рамках ЗСТ ЕАЭС – Республика Корея) импорт увеличится практически на 7,5%. В наибольшей степени вырастет импорт продукции, которая уже занимает доминирующую долю в структуре импорта РФ на данный момент. При формировании переговорной позиции ЕЭК целесообразно поднимать вопрос о включении в список «чувствительных» товаров нефтепродуктов, механических устройств и двигателей внутреннего сгорания, электрооборудования и продукции металлургической промышленности.

ЗСТ ЕАЭС – Япония

В 2016 г. Российская Федерация импортировала из Японии продукцию общей стоимостью около 6,68 млрд долл. США. Более половины импорта приходится на транспортные средства (около 51%) и четверть – на машины и оборудование (Приложение 1).

[6] Группы ТН ВЭД: 84 – Реакторы ядерные, котлы, оборудование и механические устройства; их части; 27 – Топливо минеральное, нефть и продукты их перегонки; битуминозные вещества; воски минеральные; 85 – Электрические машины и оборудование, их части; звукозаписывающая и звуковоспроизводящая аппаратура, аппаратура для записи и воспроизведения телевизионного изображения и звука, их части и принадлежности; 39 – Пластмассы и изделия из них; 87 – Средства наземного транспорта, кроме железнодорожного или трамвайного подвижного состава, и их части и принадлежности; 72 – Черные металлы; 89 – Суда, лодки и плавучие конструкции.

Результаты модели. На основании построенной модели было выявлено, что при полной либерализации торговли между ЕАЭС и Японией будет наблюдаться увеличение поставок продукции 84 групп ТН ВЭД на общую сумму около 381 млн долл. США.

Группы ТН ВЭД с наибольшим приростом японского импорта показаны на рис. 3.

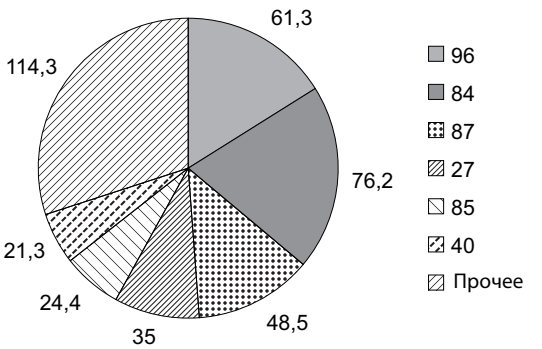

Рис. 3. Группы ТН ВЭД с наибольшим приростом японского импорта (млн долл. США)

Источник: составлено авторами по итогам моделирования[7].

По остальным 78 группам ТН ВЭД прирост колеблется от менее 1 тыс. долл. США до более 15 млн долл. США.

На уровне шести знаков ТН ВЭД был выявлен наибольший прирост на товары женской и детской гигиены (+59 млн долл. США), а также продукты нефтепереработки (+35 млн долл. США).

Выводы. При полной либерализации торговли между Российской Федерацией и Японией (в рамках ЗСТ ЕАЭС – Япония) рост импорта ожидается приблизительно на 7%. В наибольшей степени вырастет импорт продукции, которая уже занимает доминирующую долю в структуре импорта на данный момент. При формировании переговорной позиции ЕЭК целесообразно поднимать вопрос о включении в список «чувствительных» товаров нефтепродуктов, двигателей внутреннего сгорания, средств наземного транспорта и электрооборудования.

ЗСТ ЕАЭС – Индия

В 2016 г. Российская Федерация импортировала из Индии продукцию общей стоимостью около 2,4 млрд долл. США. Импорт из данной страны (Приложение 1), в отличие от остальных, характеризуется высокой долей продовольственных товаров (более 25%), однако лидирующая позиция – продукция химической промышленности (около 33%).

[7] Группы ТН ВЭД: 96 – Разные готовые изделия; 84 – Реакторы ядерные, котлы, оборудование и механические устройства, их части; 87 – Средства наземного транспорта, кроме железнодорожного или трамвайного подвижного состава, и их части и принадлежности; 27 – Топливо минеральное, нефть и продукты их перегонки; битуминозные вещества; воски минеральные; 85 – Электрические машины и оборудование, их части; звукозаписывающая и звуковоспроизводящая аппаратура, аппаратура для записи и воспроизведения телевизионного изображения и звука, их части и принадлежности; 40 – Каучук, резина и изделия из них.

Результаты модели. На основании построенной модели было выявлено, что при полной либерализации торговли между ЕАЭС и Индией будет наблюдаться увеличение поставок продукции 79 групп ТН ВЭД на общую сумму около 182,7 млн долл. США.

Группы ТН ВЭД с наибольшим приростом индийского импорта (из упомянутых выше 79 групп) показаны на рис. 4.

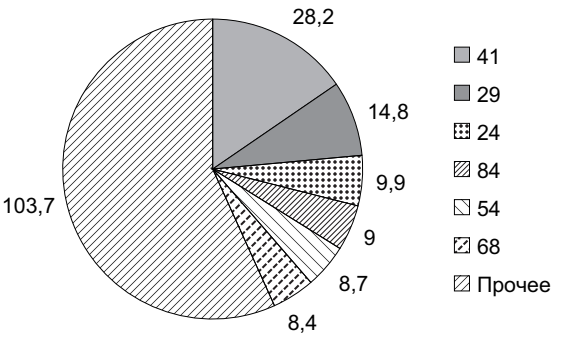

Рис. 4. Группы ТН ВЭД с наибольшим приростом индийского импорта (млн долл. США)

Источник: составлено авторами по итогам моделирования[8].

По остальным 73 группам ТН ВЭД прирост колеблется от менее 1 тыс. до более 6 млн долл. США.

Шкуры КРС и табак показали наибольший прирост в стоимостном выражении на уровне шести знаков (17,5 и 10 млн долл. США соответственно).

Выводы. При полной либерализации торговли (с учетом ранее выделенных чувствительных позиций) между Российской Федерацией и Индией (в рамках ЗСТ ЕАЭС – Индия) импорт увеличится более чем на 7,5%. В наибольшей степени вырастет импорт химической продукции, которая имеет значительную долю в структуре импорта РФ на данный момент. При формировании переговорной позиции ЕЭК целесообразно ставить вопрос о включении в список «чувствительных» товаров фармацевтической продукции, мясных субпродуктов и других продовольственных товаров.

ЗСТ ЕАЭС – Сингапур

В 2016 г. Российская Федерация импортировала из Сингапура продукцию общей стоимостью около 495,9 млн долл. США. Главными статьями импорта (Приложение 1) являются машины и оборудование (около 44%) и продукция химической промышленности (около 22%).

Результаты модели. На основании построенной модели было выявлено, что при полной либерализации торговли между ЕАЭС и Сингапуром будет наблюдаться увеличение поставок продукции 61 группы ТН ВЭД на общую сумму около 32,7 млн долл. США.

[8] Группы ТН ВЭД: 41 – Необработанные шкуры (кроме натурального меха) и выделанная кожа; 29 – Органические химические соединения; 24 – Табак и промышленные заменители табака; 84 – Реакторы ядерные, котлы, оборудование и механические устройства; их части; 54 – Химические нити; плоские и аналогичные нити из химических текстильных материалов; 68 – Изделия из камня, гипса, цемента, асбеста, слюды или аналогичных материалов.

Группы ТН ВЭД с наибольшим приростом сингапурского импорта показаны на рис. 5.

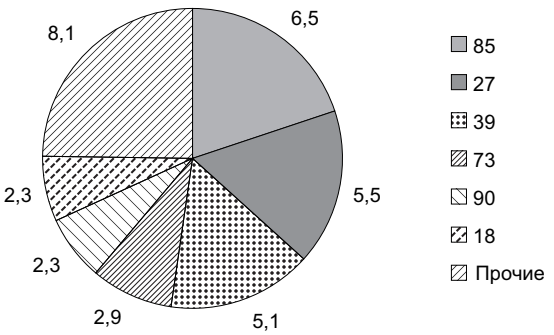

Рис. 5. Группы ТН ВЭД с наибольшим приростом сингапурского импорта, млн долл. США

Источник: составлено авторами по итогам моделирования[9].

По остальным 55 группам ТН ВЭД прирост колеблется от менее 1 тыс. долл. США до более 2 млн долл. США.

На уровне шести знаков ТН ВЭД в стоимостном выражении наибольший прирост прогнозируется по следующим наименованиям (табл. 2).

Таблица 2. Топ-5 наименований сингапурской продукции по приросту импорта при полной отмене российских пошлин

ТН ВЭД	Наименование	Увеличение импорта, тыс. долл. США
271019	Прочие дистилляты и продукты нефтепереработки	4881
390230	Сополимеры пропилена	3133
852691	Аппаратура радионавигационная	2925
180400	Какао-масло, какао-жир	2197
730799	Прочие фитинги для труб или трубок, из черных металлов	2161

Источник: составлено авторами на основе построенной модели частичного равновесия.

Выводы. При полной либерализации торговли (с учетом ранее выделенных чувствительных позиций) между Российской Федерацией и Сингапуром (в рамках ЗСТ ЕАЭС – Сингапур) импорт увеличится примерно на 6,5%. В наибольшей степени вырастет импорт продукции, уже занимающей значительную долю в структуре импорта

[9] Группы ТН ВЭД: 85 – Электрические машины и оборудование, их части; звукозаписывающая и звуковоспроизводящая аппаратура, аппаратура для записи и воспроизведения телевизионного изображения и звука, их части и принадлежности; 27 – Топливо минеральное, нефть и продукты их перегонки; битуминозные вещества; воски минеральные; 39 – Пластмассы и изделия из них; 73 – Изделия из черных металлов; 90 – Инструменты и аппараты оптические, фотографические, кинематографические, измерительные, контрольные, прецизионные, медицинские или хирургические; их части и принадлежности; 18 – Какао и продукты из него.

РФ на данный момент. При формировании переговорной позиции ЕЭК целесообразно поднимать вопрос о включении в список «чувствительных» товаров нефтепродуктов, продукции металлургической и химической промышленности.

Выводы и рекомендации

В краткосрочной перспективе существует вероятность заключения ЗСТ лишь с Сингапуром; старт переговоров с Индией является значимым, однако особенности ведения переговоров данным партнером не позволяют ожидать в ближайшее время значительного прогресса. Также необходимо приложить усилия к старту переговорного процесса с Республикой Корея и начать оценку возможности заключения ЗСТ с Японией как с лидером в Северо-Восточной Азии. Несмотря на то что Китай является главным партнером России в АТР, заключение о ЗСТ не выглядит осуществимым в кратко- и среднесрочной перспективе по целому ряду причин, но вскоре будет подписано непреференциальное торговое соглашение, что положительно скажется на взаимодействии стран.

Проведенное моделирование показало рост торговли между странами менее чем на 10% от текущих значений импорта, однако данный прирост чаще всего аккумулируется в нескольких товарных группах. Полученные результаты позволяют выделить те тарифные линии, на которые в рамках ЗСТ таможенная ставка либо должна остаться на уровне режима наибольшего благоприятствования, либо снижение должно быть постепенным для поддержания отечественного рынка. Чаще всего это касается продукции нефтепереработки, а также машин и оборудования.

Источники

Бордачев Т.В., Лихачева А.Б., Чжан С. (2015) Чего хочет Азия: потребление, взаимосвязанность, капитал и креативность // Россия в глобальной политике. Т. 13. № 1. С. 82–96.

Громский П. (2017) ЕАЭС и Китай стали официальными партнерами / Центр евразийских исследований. 3 октября. Режим доступа: http://eurasian-studies.org/archives/5194 (дата обращения: 19.07.2018).

Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК) (2016) Интервью министра по торговле ЕЭК Вероники Никишиной Rambler News Service (RNS). Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/28-06-2016.aspx (дата обращения: 19.07.2018).

Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК) (2017) ЕАЭС и Индия начали официальные переговоры по заключению соглашения о свободной торговле. 3 июня. Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/3-06-2017.aspx (дата обращения: 17.10.2017).

Изотов Д.А. (2013a) Зона свободной торговли между Россией и Новой Зеландией: возможные эффекты // Российский внешнеэкономический вестник. № 11. С. 41–53.

Изотов Д.А. (2013b) Либерализация российско-вьетнамской торговли: плюсы и минусы для России // Известия ИГЭА. Т. 92. № 6. С. 108–115.

Изотов Д.А. (2015) Либерализация торговли между Россией и странами Восточной Азии // Пространственная экономика. № 4. С. 75–97.

Макаров И.А. (2016) Поворот на Восток: Развитие Сибири и Дальнего Востока в условиях усиления азиатского вектора внешней политики России. М.: Международные отношения.

Министерство экономического развития Российской Федерации (2014) Договор о Евразийском экономическом союзе. Режим доступа: http://economy.gov.ru/minec/about/structure/depSNG/agreement-eurasian-economic-union (дата обращения: 17.09.2017).

Официальный сайт Президента РФ (2015) Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономи-

ческого союза и Экономического пояса Шелкового пути. 8 мая. Режим доступа: http://www.kremlin.ru/supplement/4971 (дата обращения: 15.09.2017).

Официальный сайт Президента РФ (2017) Российско-японский форум деловых кругов. 16 декабря. Режим доступа: http://www.kremlin.ru/events/president/news/53477 (дата обращения: 15.09.2017).

Asian Development Bank (ADB) (2017) Asian Economic Integration Report 2017. Режим доступа: https://www.adb.org/publications/asian-economic-integration-report-2017 (дата обращения: 15.09.2017).

Cheong I. (2007) Evaluation of The Korea – US FTA and Implications for East Asian Economic Integration // The Journal of East Asian Affairs. Vol. 21. No. 2. P. 1–26.

Dent C.M. (2005) Bilateral Free Trade Agreements: Boon or Bane for Regionalism in East Asia and The Asia-Pacific? // European Journal of East Asian Studies. Vol. 4. No. 2. P. 287–314.

Fukase E., Martin W. (2016) The Economic Potential of an India-US Free Trade Agreement // Journal of Economic Integration. Vol. 31. No. 4. P. 774–816.

Gosper B. (2017) An FTA with the EU: What Could Be Gained? Australia, the European Union and the New Trade Agenda / A. Elijah, D. Kenyon, K. Hussey, P. van der Eng (eds). ANU Press. P. 233–254.

International Trade Centre (2017) Trade Statistics for International Business Development. Режим доступа: http://www.trademap.org/Index.aspx (дата обращения: 19.07.2018).

Jallab M.S., Abdelmalki L., Sandretto R. (2007) The Free Trade Agreement Between the United States and Morocco: The Importance of a Gradual and Asymmetric Agreement // Journal of Economic Integration. Vol. 22. No. 4. P. 852–887.

Lang R. (2008) A Partial Equilibrium Analysis of the Impact of the ECOWAS-EU Economic Partnership Agreement. Global Trade Analysis Project. Режим доступа: https://goo.gl/U8dK7r (дата обращения: 15.09.2017).

Mastel G. (2004) The Rise of the Free Trade Agreement // Challenge. Vol. 47. No. 4. P. 41–61.

Min G.K., Hong S.-B. (2014) Varieties of East Asian Developmentalist Trade Policy: The Trade Liberalization-Industrial Policy Nexus in Thailand and South Korea // Journal of International and Area Studies. Vol. 21. No. 2. P. 1–25.

Othieno L., Shinyekwa I. (2011) Trade, Revenue and Welfare Effects of The East African Community / Customs Union Principle of Asymmetry on Uganda: An Application of WITS-SMART Simulation Model Economic Policy Research Centre Research. Series No. 79.

theSunDaily (2017) RCEP Likely to Be Signed in November 2018: PM. 15 ноября. Режим доступа: http://www.thesundaily.my/news/2017/11/15/rcep-likely-be-signed-november-2018-pm (дата обращения: 19.07.2018).

TASS (2017) Free Trade Zone Agreement Between EAEU, Singapore Expected in 2018 – First Deputy PM. 17 октября. Режим доступа: http://tass.com/economy/971069 (дата обращения: 17.10.2017).

World Trade Organization (WTO) (2005) World Trade in 2004: Overview. Режим доступа: https://www.wto.org/english/res_e/Statis_e/its2005_e/its05_overview_e.htm (дата обращения: 17.09.2017).

World Trade Organization (WTO) (с. а.) Соглашение о зоне свободной торговли ЕАЭС – Вьетнам. Режим доступа: https://goo.gl/vMXHWw (дата обращения: 15.09.2018).

Приложение 1
Товарная структура российского импорта из КНР, Республики Корея, Японии, Индии и Сингапура в 2016 г.

Код ТН ВЭД	Товарная группа	Импорт из КНР, %	Импорт из РК, %	Импорт из Японии, %	Импорт из Индии, %	Импорт из Сингапура, %
	Все товары	100	100	100	100	100
01–24	Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (кроме текстильного)	4,30	2,00	0,40	25,80	4,40
25–26	Минеральные продукты	0,10	0,10	<0,1	0,60	<0,1
27	Топливно-энергетические товары	0,10	1,30	0,80	0,30	3,00
28–40	Продукция химической промышленности, каучук	9,40	15,60	11,30	32,60	21,50
41–43	Кожевенное сырье, пушнина и изделия из них	1,00	0,10	<0,1	1,70	<0,1
44–49	Древесина и целлюлозно-бумажные изделия	1,00	0,80	0,20	0,20	0,10
50–67	Текстиль, текстильные изделия и обувь	11,40	1,90	1,20	13,70	<0,1
71	Драгоценные камни, металлы и изделия из них	0,20	<0,1	<0,1	0,20	<0,1
72–83	Металлы и изделия из них	6,70	8,30	2,70	5,30	5,60
84–85	Машины, оборудование	52,90	34,40	24,60	12,40	43,50
86–89	Транспортные средства	3,80	29,40	51,40	3,60	10,20
90–92	Технические инструменты и аппаратура	2,20	2,80	4,20	1,00	11,60
68–70, 93–97, 99	Другие товары	6,80	3,40	3,30	2,70	0,10

Risk Assessment of Trade Liberalization with Asian Countries in the Context of Russia's Policy of Pivot to Asia[1]

A. Likhacheva, H. Kalachyhin

Anastasia Likhacheva – PhD, Deputy Director, Centre for Comprehensive European and International Studies of National Research University Higher School of Economics; Russian Federation, 101000 Moscow, 20 Myasnitskaya Str.; E-mail: alikhacheva@hse.ru

Hryhorii Kalachyhin – Research Assistant, Centre for Comprehensive European and International Studies of National Research University Higher School of Economics; Russian Federation, 101000 Moscow, 20 Myasnitskaya Str.; E-mail: gkalachigin@hse.ru

Abstract

Trade liberalization with Asian countries is a key issue on the agenda of Russia and the Eurasian Economic Union's (EAEU) economic and trade connectivity with the Asia-Pacific region (APR). However, the signing of free trade agreements (FTAs) has traditionally been negatively perceived in both Russia and EAEU partner countries because of the extremely conservative prevailing trade policy. This study simulated the situation of full liberalization of Russian trade in goods with Rep. of Korea (here and after: Korea), Singapore, India, Japan and China to assess the risks of such agreements. The countries were selected on the basis of the current negotiating tracks of the EAEU and the analysis of Russian foreign trade with the APR countries. The simulation was performed using a partial equilibrium model built with the SMART software provided by the World Integrated Trade Solution.

The article highlights key product groups, increases in imports of which can be expected with a complete abolition of import duties by Russia (taking into account sensitive tariff lines). In addition, the authors conclude that in this case, imports of Indian and Korean products will increase by approximately 7.5%, and imports from Japan and Singapore, respectively, by 7% and 6.5% of the cost of imports from these countries in 2016. The simulation showed an 8% increase in imports from China, which in absolute terms exceeds the current level of trade with India and Singapore combined. This confirms the low probability of starting the FTA negotiations with China in short and medium term.

Key words: Russia; EAEU; Asia-Pacific Region; free trade agreements; imports; partial equilibrium model

For citation: Likhacheva A.B., Kalachyhin H.M. (2018) Risk Assessment of Trade Liberalization with Asian Countries in the Context of Russia's Policy of Pivot to Asia. *International Organisations Research Journal*, vol. 13, no 3, pp. 52–69 (in English). DOI: 10.17323/1996-7845-2018-03-03.

References

Asian Development Bank (ADB) (2017) Asian Economic Integration Report 2017. Available at: https://www.adb.org/publications/asian-economic-integration-report-2017 (accessed 17 October 2017).

Bordachev T.V., Likhacheva A.B., Zheng X. (2015) Chego hochet Azija: potreblenie, vzaimosvjazannost', kapital i kreativnost' [What Asia Wants: Consumption, Interconnection, Capital and Creativity]. *Russia in Global Affairs*, vol. 13, no 1, pp. 82–96 (in Russian).

Cheong I. (2007) Evaluation of the Korea – U.S. FTA and Implications for East Asian Economic Integration. *The Journal of East Asian Affairs*, vol. 21, no 2, pp. 1–26.

[1] The editorial board received the article in November 2017.

The article was supported by Russian Science Foundation Grant No. 17-18-01577 "Developing the Community of Greater Eurasia and Strategy of Russia's Bilateral Partnership with Countries of the Region".

Dent C.M. (2005) Bilateral Free Trade Agreements: Boon or Bane for Regionalism in East Asia and the Asia-Pacific? *European Journal of East Asian Studies*, vol. 4, no 2, pp. 287–314.

Eurasian Economic Commission (EEC) (2016) Interv'ju Ministra po torgovle EJeK Veroniki Nikishinoj Rambler News Service (RNS) [The Interview of the Minister in Charge of Trade of the EEC Veronika Nikishina for Rambler News Service], 28 June. Available at: http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/28-06-2016.aspx (accessed 19 July 2018) (in Russian).

Eurasian Economic Commission (EEC) (2017) EAJeS i Indija nachali oficial'nye peregovory po zakljucheniju soglashenija o svobodnoj torgovle [EAEU and India Have Started Negotiations on Free Trade Agreement]. Available at: http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/3-06-2017.aspx (accessed 17 October 2017) (in Russian).

Federal Customs Service of Russian Federation (c. a.) Available at: http://www.customs.ru/ (accessed 15 September 2017).

Fukase E., Martin W. (2016) The Economic Potential of an India-U.S. Free Trade Agreement. *Journal of Economic Integration*, vol. 31, no 4, pp. 774–816.

Gosper B. (2017) An FTA with the EU: What Could Be Gained? *Australia, the European Union and the New Trade Agenda* / A. Elijah, D. Kenyon, K. Hussey, P. van der Eng (eds). ANU Press, pp. 233–254.

Gromsky P. (2017) EAJeS i Kitaj stali oficial'nymi partnerami [EAEU and China Have Become Official Partners]. Eurasian Studies Centre, 3 October. Available at: http://eurasian-studies.org/archives/5194 (accessed 19 July 2018) (in Russian).

International Trade Centre (2017) Trade Statistics for International Business Development. Available at: http://www.trademap.org/Index.aspx (accessed 19 July 2018).

Izotov D.A. (2013a) Zona svobodnoj torgovli mezhdu Rossiej i Novoj Zelandiej: vozmozhnye jeffekty [FTA between Russia and New Zealand: Possible Effects]. *Russian Foreign Economic Journal*, no 11, pp. 41–53 (in Russian).

Izotov D.A. (2013b) Liberalizacija rossijsko-v'etnamskoj torgovli: pljusy i minusy dlja Rossii [Russia-Vietnam Trade Liberalization: Pros and Cons for Russia]. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/liberalizatsiya-rossiysko-vietnamskoy-torgovli-plyusy-i-minusy-dlya-ekonomiki-rossii (accessed 19 July 2018) (in Russian).

Izotov D.A. (2015) Liberalizacija torgovli mezhdu Rossiej i stranami Vostochnoj Azii [Trade Liberalization Between Russia and East Asia]. *Spatial Economics*, no 4, pp. 75–97 (in Russian).

Jallab M.S., Abdelmalki L., Sandretto R. (2007) The Free Trade Agreement Between the United States and Morocco: The Importance of a Gradual and Asymmetric Agreement. *Journal of Economic Integration*, vol. 22, no 4, pp. 852–887.

Koo M.-G., Hong B.-B. (2014) Varieties of East Asian Developmentalist Trade Policy: The Trade Liberalization-Industrial Policy Nexus in Thailand and South Korea. *Journal of International and Area Studies*, vol. 21, no 2, pp. 1–25.

Lang R. (2008) A Partial Equilibrium Analysis of the Impact of the ECOWAS – EU Economic Partnership Agreement. Global Trade Analysis Project. Available at: https://goo.gl/U8dK7r (accessed 15 September 2017).

Makarov I.A. (2016) Turn to the East: The Development of Siberia and Eastern Russia in Strengthening Russia's Foreign Policy toward Asia. Moscow: Mezhdunarodnye Otnosheniya (in Russian).

Mastel G. (2004) The Rise of the Free Trade Agreement. *Challenge*, vol. 47, no 4, pp. 41–61.

Ministry of Economic Development of the Russian Federation (2014) Dogovor o Evrazijskom ekonomicheskom sojuze [Agreement on Eurasian Economic Union]. Available at: http://economy.gov.ru/minec/about/structure/depSNG/agreement-eurasian-economic-union (accessed 17 September 2017) (in Russian).

Othieno L., Shinyekwa I. (2011) Trade, Revenue and Welfare Effects of The East African Community Customs Union Principle of Asymmetry on Uganda: An Application of WITS-SMART Simulation Model. Economic Policy Research Centre Research, Series no 79.

President of Russia (2015) Sovmestnoe zajavlenie Rossijskoj Federacii i Kitajskoj Narodnoj Respubliki o sotrudnichestve po soprjazheniju stroitel'stva Evrazijskogo jekonomicheskogo sojuza i Jekonomicheskogo pojasa Shelkovogo puti [Joint Statement of the Russian Federation and the People's Republic of China on Co-

operation in Combining the Constuction of the EAEU and the Economic Belt of the Silk Road]. Available at: http://www.kremlin.ru/supplement/4971 (accessed 15 September 2017) (in Russian).

President of Russia (2016) Rossijsko-japonskij forum delovyh krugov [Russia – Japan Business Forum]. Available at: http://www.kremlin.ru/events/president/news/53477 (accessed 15 September 2017) (in Russian).

TASS (2017) Free Trade Zone Agreement Between EAEU, Singapore Expected in 2018 – First Deputy PM. Available at: http://tass.com/economy/971069 (accessed 17 October 2017).

theSunDaily (2017) RCEP Likely to Be Signed in November 2018: PM. Available at: http://www.thesundaily.my/news/2017/11/15/rcep-likely-be-signed-november-2018-pm (accessed 19 July 2018).

World Trade Organization (WTO) (2005) World Trade in 2004: Overview. Available at: https://www.wto.org/english/res_e/Statis_e/its2005_e/its05_overview_e.htm (accessed 17 September 2017).

World Trade Organization (WTO) (c. a.) EAEU – Vietnam FTA. Available at: https://goo.gl/vMXHWw (accessed 15 September 2017).

Политические институты Большой Евразии: выводы для России[1]

А.С. Королев, В.А. Шумкова

Королев Александр Сергеевич – стажер-исследователь Центра комплексных европейских и международных исследований (ЦКЕМИ) Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», аспирант НИУ ВШЭ; Российская Федерация, 119017, Москва, ул. Малая Ордынка, д. 17; E-mail: askorolev@hse.ru

Шумкова Вероника Антоновна – стажер-исследователь Центра комплексных европейских и международных исследований (ЦКЕМИ) Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; Российская Федерация, 119017, Москва, ул. Малая Ордынка, д. 17; E-mail: vshumkova@hse.ru

В настоящей статье авторы анализируют сегодняшнее состояние и перспективы развития ключевых институтов в сфере обеспечения региональной безопасности в Евразии. В качестве кейсов в работе выбраны асеаноцентричные механизмы и евразийские, «континентальные» форматы, представленные Шанхайской организацией сотрудничества (ШОС) и Организацией Договора о коллективной безопасности (ОДКБ).

Особый акцент в работе делается на возможности подключения России к многосторонним инициативам в сфере безопасности в Евразии с точки зрения продвижения стратегических интересов Москвы, а также реализации потенциала ШОС в качестве структурной опоры зарождающегося геостратегического пространства – Большой Евразии.

Авторы приходят к следующему выводу: нынешнее состояние региональных институтов в области безопасности не в полной мере соответствует российским интересам, что вызвано институциональной ограниченностью многосторонних форматов.

В частности, по мнению авторов, основной причиной, не позволяющей асеаноцентричным диалоговым площадкам по вопросам безопасности реализовать свой потенциал в решении поставленных задач, является характер принципов сотрудничества АСЕАН, затрудняющих процесс принятия коллективного решения.

Применительно к ШОС авторы считают, что ключевой проблемой в обозримом будущем может стать достижение консенсуса между государствами-участниками после расширения формата (присоединения Индии и Пакистана) и, как следствие, необходимость трансформации институционального формата под новые реалии.

Авторы приходят к выводу, что в долгосрочной перспективе развитие институциональной среды Большой Евразии с точки зрения обеспечения региональной безопасности целесообразно осуществлять путем тесной координации между ШОС и другими форматами безопасности – ОДКБ и асеаноцентричными площадками.

Ключевые слова: Большая Евразия; Россия; ШОС; ОДКБ; АСЕАН; ВАС; АРФ

Для цитирования: Королев А.С., Шумкова В.А. (2018) Политические институты Большой Евразии: выводы для России // Вестник международных организаций. Т. 13. № 3. С. 70–81 (на русском и английском языках). DOI: 10.17323/1996-7845-2018-03-04.

---

[1] Статья поступила в редакцию в октябре 2017 г.

Статья подготовлена за счет гранта Российского научного фонда № 17-18-01577 «Формирование Сообщества Большой Евразии и стратегии двустороннего взаимодействия России со странами региона».

В настоящее время пространство Большой Евразии становится ареной столкновения интересов не только великих, но и средних и малых держав. Для Южной Азии характерно наличие ряда застарелых и при этом не затихающих политических и этноконфессиональных конфликтов и споров между расположенными в регионе крупными странами в сочетании с нарастающей угрозой для всех региональных держав со стороны негосударственных игроков, в частности радикальных исламских структур.

На первый план выходит рост индийско-китайских противоречий, имеющих определяющее значение для всего процесса военного строительства Индии. Наряду с традиционным территориальным конфликтом по Тибетскому вопросу, своими действиями стороны создают дополнительные очаги напряженности, ярким примером чего служит вовлеченность Дели и Пекина в конфликты на Мальдивах и Шри-Ланке.

Индия, стремящаяся добиться статуса великой державы и тем самым признания на мировой арене, активно продвигает концепцию Индо-Тихоокеанского региона, которая по своей природе носит антикитайский характер.

Помимо комплекса внутрирегиональных противоречий отдельного упоминания заслуживает стремительная интернационализация проблемы Южно-Китайского моря путем подключения к ее урегулированию США и Японии – участников, напрямую не вовлеченных в территориальный конфликт. С приходом к власти в США администрации Трампа китайско-американское морское противостояние вышло на новый уровень. Еще несколько лет назад возможность прямого военного конфликта между США и Китаем практически исключалась, а в настоящее время сценарий локального вооруженного столкновения более реален, поэтому является предметом широкой экспертной дискуссии.

Наконец, еще одним серьезным вызовом на пространстве Большой Евразии служит распространение нетрадиционных угроз безопасности, таких как пиратство в Малаккском проливе, наркоторговля, нелегальный трансфер вооружений и технологий в ядерной сфере и кибератаки. Совокупность этих факторов также будет подталкивать страны к наращиванию военно-технического потенциала, поэтапной модернизации ВМФ. Это, в свою очередь, может стать катализатором нарастания региональной напряженности.

Таким образом, обострение соперничества в регионе Большой Евразии по линии США – Китай, которое с приходом администрации Дональда Трампа становится более открытым и системным, вкупе с ростом числа нетрадиционных угроз безопасности формирует запрос на развитие многосторонних институтов, а также появление активного и относительно независимого арбитра и поставщика безопасности. Данное обстоятельство создает дополнительное «окно возможностей» для России в плане расширения своего влияния на площадках многостороннего сотрудничества в Евразии.

Ключевые институты и форматы безопасности в Большой Евразии

Если в экономической области существует перегруженность различными институтами и форматами регулирования, то в сфере безопасности, напротив, наблюдается некоторый дефицит развитой инклюзивной институциональной базы. Следует выделить два типа институтов безопасности в Большой Евразии. Во-первых, это форматы, развивающиеся вокруг АСЕАН: ВАС, АРФ и др. Во-вторых, это собственно евразийские (условно – «континентальные») форматы, представленные Шанхайской организацией сотрудничества (ШОС) и Организацией Договора о коллективной безопасности (ОДКБ).

Предполагается, что в институциональную среду Всеобъемлющего партнерства должны встроиться и основанные на базе АСЕАН форматы [President of Russia, 2017]. Однако в настоящий момент большая часть форматов безопасности АСЕАН+ ориентирована скорее на АТР (а потому в ряде случаев включает США и другие тихоокеанские государства). Необходимо определить, имеют ли данные форматы потенциал для органичного встраивания в формирующуюся на базе Всеобъемлющего евразийского партнерства интеграционную площадку. Большую значимость в данной связи имеют продвигаемые АСЕАН многосторонние диалоговые платформы – Восточный азиатский саммит (ВАС), Региональный форум АСЕАН (АРФ) и Совещание министров обороны АСЕАН с диалоговыми партнерами АСЕАН (СМОА+8). Новые тренды в развитии региональных проблем безопасности оказали значительное влияние на способность асеаноцентричных диалоговых платформ по вопросам безопасности реализовывать поставленные перед ними задачи и цели. Многое из того, что стояло на повестке дня, не было реализовано в полную силу или не было осуществлено совсем. АРФ, ВАС и СМОА+8, добиваясь определенных успехов в различных узких сферах, все же не продвинулись далеко в более стратегических вопросах.

Так, например, тема конфликта вокруг территорий в Южно-Китайском море (ЮКМ) не раз поднималась на асеаноцентричных диалоговых платформах, однако больших успехов на этом направлении на площадках АРФ, ВАС и СМОА+8 не было достигнуто. С момента подписания Декларации поведения сторон в ЮКМ в 2002 г. было предпринято мало серьезных шагов по урегулированию вопроса. Осенью 2011 г. государства Ассоциации приняли решение начать работу над текстом кодекса, который потом мог бы стать основой для переговоров с Китаем [Локшин, 2013, с. 29]. Тем не менее в 2012 г. в связи с протестом председательствовавшей на тот момент в АСЕАН Камбоджи выработка текста была приостановлена. С тех пор стороны не раз подтверждали свое стремление к скорейшей выработке и подписанию юридически обязывающего Кодекса (например, в ноябре 2015 г. на XVIII саммите АСЕАН – Китай [Association of Southeast Asian Nations, 2015]), но, так или иначе, реалии таковы, что с момента заключения Декларации прошло уже пятнадцать лет, а какие-либо решительные действия по урегулированию вопроса Ассоциация не предпринимает. Учитывая тот факт, что Китай протестует против обсуждения чувствительного для него вопроса ЮКМ на асеаноцентричных диалоговых площадках, можно сделать вывод, что у асеаноцентричных структур просто не хватает ресурсов, чтобы урегулировать конфликт.

Основной вывод заключается в том, что ключевые для Ассоциации принципы сотрудничества и урегулирования проблем – «Метод АСЕАН» – не в состоянии адекватно разрешить некоторые существенные разногласия. Это, в свою очередь, приводит к тому, что авторитет асеаноцентричных площадок, работа которых базируется на данных принципах, в снижении уровня конфликтности в регионе не сильно велик.

На наш взгляд, основной причиной, не позволяющей асеаноцентричным диалоговым площадкам по вопросам безопасности реализовать свой потенциал в решении поставленных задач, является характер принципов сотрудничества АСЕАН. Наиболее проблемным в данной связи можно назвать принцип консенсуса, по которому решения принимаются только на основе общего согласия. Некоторые исследователи утверждают, что это ограничивает возможности для сотрудничества [Михневич, 2016, с. 114]. Наглядным примером того, как принцип консенсуса может тормозить принятие конструктивных решений, может стать эпизод с провалом принятия в 2012 г. общего коммюнике по результатам ежегодного саммита министров иностранных дел АСЕАН. Причина неудачи заключалась в том, что Камбоджа настаивала на исключении из подготавливаемого АСЕАН предварительного текста Кодекса поведения сторон в ЮКМ

упоминания о деятельности Китая у исключительной экономической зоны Вьетнама и мыса Скарборо, чему предсказуемо препятствовали Филиппины и Вьетнам [Thayer, 2013, p. 78]. Таким образом, Камбоджа, на действия которой оказывал сильное влияние Китай (в 2012 г. Китай был основным импортером Камбоджи), воспользовавшись принципом консенсуса, саботировала принятие итогового документа, что стало беспрецедентным случаем в истории АСЕАН.

В целом это показывает, насколько легко можно манипулировать повесткой и принятием решений, используя данный принцип. Именно принцип консенсуса позволяет Китаю исключать обсуждение вопросов, связанных с территориальными спорами в ЮКМ, на асеаноцентричных диалоговых платформах.

Принцип консенсуса значительно препятствует работе асеаноцентричных многосторонних площадок по вопросам безопасности и с той точки зрения, что для принятия решений посредством консенсуса важны мнения абсолютно всех стран – участниц обсуждения, даже тех, которые напрямую не вовлечены в обсуждаемый вопрос. Это провоцирует ситуацию, при которой государства, не имеющие прямого интереса в конфликте, все же пытаются, используя механизм консенсуса, повлиять на ход событий.

Таким образом, несмотря на то, что асеаноцентричные многосторонние площадки позиционируются как основные каналы решения вопросов безопасности в АТР, их эффективность вызывает большие сомнения, в частности из-за «Метода АСЕАН». С одной стороны, принципы сотрудничества, предложенные АСЕАН в качестве основополагающего механизма работы асеаноцентричных платформ, предполагают комфортное участие государств, которые не приемлют никакого давления со стороны остальных участников. С другой стороны, при всем этом они значительно тормозят работу площадок, снижая их эффективность.

Многое указывает на то, что развитие сотрудничества по линии безопасности в рамках Большой Евразии может придать позитивный импульс работе АРФ, ВАС и СМОА+8. Во-первых, очевидно, что активно развивающееся экономическое сотрудничество в рамках такого большого региона должно быть подкреплено структурами, которые обеспечили бы безопасность реализации экономических проектов. Асеаноцентричные многосторонние площадки подходят на роль данных структур наилучшим образом, так как, во-первых, включают большую часть стран, так или иначе вовлеченных в евразийские проекты, а во-вторых – имеют уже налаженный механизм коммуникаций, проведения саммитов и совместных семинаров, а также обеспечены каналами обмена информацией, опытом и специалистами. С другой стороны, обеспечение защиты экономических инициатив может способствовать сплочению членов площадок, так как большая их часть преследует общую цель – содействие развитию в рамках региона. Таким образом, государства-участники будут больше заинтересованы в эффективной работе АРФ, ВАС и СМОА+8, что позволит проводить необходимые преобразования.

Вовлечение в евразийский вектор позволит асеаноцентричным многосторонним площадкам расширить и развить повестку сотрудничества таким образом, что государства-участники, совместно справляясь с теми или иными общими угрозами безопасности, смогут выйти на новый уровень доверия, несмотря на оставшиеся субрегиональные разногласия. Одной из таких общих угроз может стать проблема международного терроризма, от которой в разной степени страдают все государства Евразии. Учитывая, что в нынешних условиях одно государство не в состоянии справиться с террористической угрозой в силу ее глобального характера, можно предположить, что государства более чем заинтересованы в координации действий друг с другом по линии антитеррористической деятельности. Так, в Концепции внешней политики РФ говорится о том, что для борьбы с терроризмом необходимо эффективное и системное взаимодействие

государств и мирового сообщества [Министерство иностранных дел России, 2016]. В Программе Сообщества АСЕАН в сфере политики и безопасности до 2025 г. также делается акцент на усилении сотрудничества между государствами и регионами с целью борьбы с терроризмом [ASEAN, 2015, p. 35]. В повестке асеаноцентричных площадок присутствует антитеррористическое сотрудничество, но лишь распространив антитеррористическую повестку на всю Евразию, можно будет говорить о том, что оно эффективно. По нашему мнению, борьбу с терроризмом в Евразии асеаноцентричные многосторонние площадки должны проводить по линии активного сотрудничества с ШОС и ОДКБ.

В целом объективные процессы, сопутствующие развитию диалоговых форматов АСЕАН, позволяют сделать вывод, что для эффективной работы в области обеспечения безопасности в Большой Евразии как минимум необходимо рассматривать активное вовлечение асеаноцентричных структур в деятельность на базе ВЭП. Вклад АСЕАН в усиление институциональной среды региона может быть существенен при условии реализации сопряжения с ЕАЭС и ШОС. Безусловно, с учетом специфичности переговорных процессов в сопрягаемых структурах в начальный период эффективность работы будет не слишком велика, однако сопряжение станет первым шагом к формулированию конкретной повестки безопасности в регионе.

Вместе с тем главной институциональной опорой системы безопасности в Большой Евразии, вероятно, может стать Шанхайская организация сотрудничества, не утяжеленная в отличие от форматов АСЕАН+ внешними участниками, прежде всего США. При этом расширение ШОС ведет не только к появлению новых вызовов, но и к расширению возможностей для усиления данной организации как ключевого института безопасности в Большой Евразии.

В результате XVII саммита в Астане 8–9 июня 2017 г. ШОС после принятия в свой состав Индии и Пакистана трансформировалась в организацию, которая включает четыре ядерные державы, две крупнейшие экономики и практически половину населения мира. Это событие позволило некоторым экспертам говорить об образовании «шанхайской восьмерки» как евразийской альтернативы западной «большой семерки» [Cherian, 2017]. Расширение состава повышает авторитет ШОС, делая ее единственной организацией, которая обладает достаточным потенциалом для того, чтобы стать основным каркасом архитектуры безопасности Большой Евразии.

Развитие потенциала ШОС чрезвычайно важно для формирования устойчивого институционального пространства Большой Евразии. С учетом роста угроз безопасности в регионе, прежде всего международного терроризма, кибератак и информационных войн, продолжение и повышение эффективности сотрудничества в этом направлении имеет критическое значение для поддержания стабильности в нем. На это, в частности, указывает подписание Антитеррористического заявления [SCO Secretariat, 2017] и Конвенции по противодействию экстремизму [SCO Secretariat, 2017] на последнем саммите ШОС, направленных на усиление именно антитеррористической повестки организации.

Вместе с тем на современном этапе ШОС сталкивается с рядом структурных проблем, ограничивающих дальнейшее ее развитие как организации.

Во-первых, потенциальной проблемой может стать достижение консенсуса между государствами-участниками после расширения формата. С одной стороны, вступление Индии и Пакистана в организацию существенно увеличило потенциал этого формата как ключевого института евразийской безопасности – расширение состава участников усиливает возможности организации в таких сферах, как противодействие терроризму,

сотрудничество по Афганистану, борьба с организованной преступностью и наркотрафиком. Широкий состав участников может способствовать и появлению в организации повестки обеспечения «жесткой» безопасности или, по крайней мере, ее предметного обсуждения с учетом наличия ряда конфликтов между участниками организации.

Утверждение новых правил приема в ШОС в 2015 г. и вступление в число ее членов Индии и Пакистана создают новые возможности для дальнейшего расширения организации и подключения новых региональных игроков к ее деятельности. Так, на полях саммита лидеры стран ШОС обсуждали возможность вступления в ШОС Ирана [Reuters, 2017], что сделало бы данную организацию важным игроком на поле ближневосточного конфликта. Если ранее это было невозможно, исходя из формальных критериев приема новых членов (страна-кандидат не должна находиться под санкциями Совета Безопасности ООН), то после начала снятия санкций с Ирана в 2016 г. все препятствия в обозримом будущем могут быть устранены.

Однако, с другой стороны, расширение состава ШОС увеличило противоречия внутри организации (включая такие застарелые как индо-китайские и индо-пакистанские). Так, между Китаем и Индией сохраняются нерешенные территориальные споры, усиливается борьба за влияние в регионе Южной Азии. Индия, в свою очередь, поддерживает противников Китая в споре вокруг Южно-Китайского моря. Остаются нерешенными и другие территориальные вопросы: например, между Узбекистаном и Киргизией (почти четверть линии киргизско-узбекской госграницы неделимитирована), Узбекистаном и Таджикистаном (около 20% линии границы между странами неделимитировано), что проявляется в инцидентах на границах государств.

При этом и среди «старых членов» – ключевых стран ШОС – наблюдается отсутствие консенсуса относительно того, какие сферы сотрудничества в рамках организации должны развиваться. Например, в отличие от России Китай считает, что в приоритете должны быть не только военный и политический, но также и экономический аспект. Так, с 2010 г. Китай продвигал идею создания Банка развития ШОС, в целесообразности создания которого Россия открыто сомневалась. РФ в ответ предложила преобразовать Евразийский банк развития в Банк развития ШОС, что также не нашло поддержки, прежде всего в Китае [Денисов, Сафранчук, 2016].

С этим связан непостоянный интерес КНР к данной организации: на официальном уровне КНР всегда декларировала значимость ШОС, однако экспертные оценки разнились. Сомнения в заинтересованности Китая в ШОС связаны с тем, что КНР в значительной степени переориентировала свою деятельность в регионе на проект «Один пояс, один путь». Отсутствует ясность в том, будет ли Китай действительно заинтересован в создании Банка развития ШОС, когда уже созданы АБИИ, НБР БРИКС и ряд других финансовых структур, решающих похожие задачи.

Второй фундаментальной проблемой дальнейшего развития ШОС является во многом вытекающая из различий в повестках основных государств широта повестки организации. Она включает не только вопросы безопасности, но и повестку экономического сотрудничества между странами-участниками, а также ряд общеполитических вопросов. Это ограничивает потенциал ШОС как института безопасности, «размывая» повестку борьбы с угрозами региональной стабильности. При этом наблюдается стремление ряда государств-участников, прежде всего КНР, усилить экономический фокус ШОС, что в перспективе может еще сильнее ослабить ее фокус на вопросах безопасности.

Так, в подписанной Астанинской декларации в рамках саммита 8–9 июня 2017 г. лидеры государств подтвердили намерение создать продвигаемый Китаем Банк развития ШОС, а также наращивать сотрудничество в области энергетики, транспорта

и инвестиций [SCO Secretariat, 2017]. В информационном сообщении [SCO Secretariat, 2017] по итогам заседания Совета глав государств – членов ШОС отмечена важность продолжения консультаций на экспертном уровне по вопросам создания Банка развития ШОС и Фонда развития в целях финансового обеспечения совместных инфраструктурных проектов, совершенствования сотрудничества в транспортной сфере, создания мультимодальных логистических центров, в сфере внедрения информационных технологий. При этом следует отметить, что Россия также использует ШОС для продвижения своей экономической повестки. Так, в ходе саммита президент России Владимир Путин подчеркнул важность координации усилий по сопряжению интеграционных проектов в Евразии – объединению потенциалов ЕАЭС, ШОС, АСЕАН и китайской инициативы «Один пояс, один путь» [President of Russia, 2017]. Между тем развитие экономической повестки внутри ШОС, толкающее ее от института безопасности в сторону более универсальной организации, как раз и грозит сделать ее «спящим» институтом без четкой повестки.

Возможные пути реализации Всеобъемлющего евразийского партнерства

С точки зрения российских интересов в сфере безопасности целесообразно вести диалог с зарубежными партнерами по трем основным направлениям.

Во-первых, в ближайшей перспективе России совместно с КНР и другими участниками организации следует работать над формированием консолидирующей повестки развития ШОС. Прежде всего, это борьба против международного терроризма, политического и религиозного экстремизма и обеспечение безопасности в Афганистане, предотвращение окончательного развала этого государства.

С точки зрения формирования практико-ориентированной повестки важным представляется институциональное усиление ШОС. В частности, целесообразно введение практики наблюдательных миссий (по типу наблюдательных миссий ОБСЕ) как одного из способов расширения деятельности организации. Такие мониторинговые миссии могут получить мандат на работу на таджикско-афганской границе, возможно, в других «горячих точках». Формирование и работа таких миссий могут быть полезны с точки зрения «подмораживания» локальных конфликтов.

Во-вторых, следует сохранить курс на расширение организации – прежде всего вступление в него Ирана. Логика центральной роли ШОС как главного института безопасности Большой Евразии предусматривает дальнейшее расширение организации – несмотря на риски, связанные со снижением ее эффективности в кратко- и среднесрочной перспективе [Караганов, 2017]. Отсутствие Ирана в качестве полноправного участника ШОС во многом противоречит логике формирования общеевразийской системы безопасности (с учетом геополитической важности Ирана, прежде всего в вопросе борьбы с терроризмом и ближневосточного урегулирования). При этом само по себе его вступление (в отличие от Индии и Пакистана) не привнесет раскол в работу организации, так как у Тегерана на данный момент нет глубоких противоречий ни с одним государством – участником ШОС. Более того, оформление последнего как полновесного участника ШОС не просто не ослабит организацию (в силу еще большего расширения состава участников), но способно, наоборот, повысить ее эффективность. Так, присоединение Ирана практически автоматически сделает борьбу с международным терроризмом центральной консолидирующей повесткой ШОС, которая будет способствовать сплочению участников вокруг усилий по борьбе с ИГИЛ и другими террористическими группами.

В-третьих, России имеет смысл дальше способствовать фокусу ШОС именно на проблемах безопасности, отделяя организацию от экономических форматов и инициатив. Усиление экономической направленности организации, предлагаемое в том числе Китаем, является нецелесообразным. С одной стороны, оно будет размывать повестку ШОС, способствуя ее превращению из института политического сотрудничества и безопасности в универсальную организацию без четко определенной роли в системе институтов Большой Евразии.

С другой стороны, «экономизация» ШОС приведет к еще большей «перегруженности» евразийского пространства экономическими форматами. До известной степени имеет смысл развивать лишь отдельные направления экономической повестки, близкие к вопросам безопасности и выгодные России: содействие экономическому развитию Афганистана и его включению в транспортно-логистические проекты Большой Евразии, координация участия Индии и Пакистана в проектах ПИП.

В-четвертых, усиление экономической повестки ШОС может способствовать ослаблению ЕАЭС как центрального института экономического пространства Большой Евразии, в формировании которого заинтересована Россия. Наполнение ШОС экономической проблематикой, не говоря об усилении институционального обеспечения экономической повестки (например, создание продвигаемого КНР Банка ШОС), грозит тем, что будет способствовать перетеканию по крайней мере части вопросов из диалоговых форматов ЕАЭС с третьими странами в формат ШОС.

Наконец, в-пятых, целесообразно развитие сотрудничества между ШОС и другим ключевым форматом безопасности в Большой Евразии – ОДКБ. Хотя ОДКБ – более локальная по сравнению с ШОС организация в сфере безопасности, ее также целесообразно рассматривать как один из важных институтов безопасности Большой Евразии. Тем более, что она является единственным институтом безопасности региона, в котором Россия играет безоговорочно лидирующую роль.

Главной структурной слабостью ОДКБ как института безопасности Большой Евразии является слабая развитость внешних контактов и форматов сотрудничества – как на двусторонней основе, так и с многосторонними организациями (прежде всего – ШОС). В этой связи целесообразно создание и продвижение форматов внешних диалогов и партнерств ОДКБ с другими странами и ШОС по вопросам безопасности.

Помимо прочего, перспективным направлением в рамках обеспечения безопасности в Большой Евразии является координация России и асеаноцентричных многосторонних площадок. С этой точки зрения евразийский процесс отвечает интересам обеих сторон, позволяя закрепить за ШОС роль лидера и координатора процессов обеспечения региональной безопасности и вдохнуть новую жизнь в деятельность АРФ, ВАС и СМОА+8. Во-первых, это способствует тому, что государства региона будут иметь прочные каналы взаимодействия для снижения остроты усиливающихся международных угроз, прежде всего для решения проблемы терроризма, которая является одной из приоритетных в российской внешнеполитической стратегии. Во-вторых, можно предположить, что налаженные механизмы обеспечения безопасности экономического партнерства в регионе стимулируют страны Восточной Азии и главным образом АСЕАН активнее сотрудничать с Россией в экономической сфере, что приведет к увеличению потока инвестиций в проекты Сибири и Дальнего Востока.

В практической плоскости имеет смысл установить сотрудничество между антитеррористическими агентствами АСЕАН и ШОС, в том числе в формате совместных учений и обмена информацией. В частности, перспективным направлением может стать координация деятельности Совместной рабочей группы Россия – АСЕАН по

борьбе с терроризмом и транснациональной организованной преступностью (СРГ), Экспертной рабочей группой по противодействию терроризму СМОА+8 и Региональной антитеррористической структуры ШОС с особым акцентом на борьбу с терроризмом и экстремизмом.

Наряду с этим активное сотрудничество с Россией может помочь снижению угрозы продовольственной безопасности в регионе. Обширные пахотные земли и огромные запасы пресной воды в Сибири и на Дальнем Востоке потенциально могут стать подспорьем для сотрудничества между Россией и АСЕАН [Бордачев и др., 2017]. По статистике аналитического доклада Международного дискуссионного клуба «Валдай» «К Великому Океану – 2», на Сибирь и Дальний Восток приходится 16% мировых запасов пресной воды [Макаров и др., 2014, с. 45]. Это преимущество можно использовать для устранения нехватки пресной воды в АТР, в частности, снизить уровень разногласий по вопросу освоения ресурсов р. Меконг. Здесь следует отметить, что сотрудничество в данной сфере не должно восприниматься как буквальная торговля водой через строительство трубопроводов, так как это экономически и экологически затратно. А.Б. Лихачева и И.А. Макаров предлагают вместо этого развивать сотрудничество в сфере «виртуальной воды» – продукции, на производство которой уходит большое количество водных ресурсов (например, продовольствие, целлюлозно-бумажная продукция, химическое волокно, цветные металлы) [Макаров и др., 2016, с. 266]. Более того, Россия обладает большим количеством пахотных земель (по данным Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН, в сумме не менее 9% от мировых) [Cropland data of Food and Agriculture Organization of the U.N.]. Это может стать основой для создания совместного Зернового фонда на случай непредвиденных природных катастроф, которые приведут к потере урожая в странах АТР.

Наконец, еще одним важным преимуществом евразийского вектора является то, что благодаря смещению ключевых транспортных торговых путей в центр Евразии в рамках предложенных инициатив может снизиться стратегическая важность ЮКМ. Это, возможно, приведет к упрощению решения территориального спора [Kanaev, 2016, p. 315].

В целом можно заключить, что координация деятельности ключевых региональных форматов по вопросам безопасности представляется необходимым элементом не только для решения тех или иных проблем безопасности в АТР, но и для конкретных шагов по выстраиванию политической повестки Большого евразийского партнерства.

***

Таким образом, политические процессы на пространстве Большой Евразии создают объективный запрос на продвижение и институционализацию многостороннего сотрудничества в области безопасности. Соответственно, в среднесрочной и долгосрочной перспективе именно формат сопряжений основных форматов сферы безопасности региона, в частности ШОС, ОДКБ и асаеноцентричных платформ (ВАС, АРФ и СМОА+8), обладает наибольшим потенциалом для эффективной реализации Большого евразийского партнерства и стратегических интересов России в рамках поворота на Восток.

Источники

Бордачев Т.В., Кашин В.Б., Лукин А.В., Макаров И.А., Пятачкова А.С., Соколова А.К., Шумкова В.А., Степанов И.А., Безбородов А.А., Сафранчук И.А., Альмухамедова Н., Ван В., Ай В., Ян Ф., Ян Ц., Лю Ч., Чжан Я. (2017) Преобразование Евразийского пространства: общие перспективы в представлении аналитических центров Китая, России и Казахстана. М.: Международный дискуссионный клуб «Валдай».

Денисов И.Е., Сафранчук И.А. (2016) Четыре проблемы ШОС в свете вопроса о расширении организации // Вестник МГИМО-Университета. Т. 48. № 3. Режим доступа: http://www.vestnik.mgimo.ru/sites/default/files/pdf/010_mp_denisovie_safranchukia_1.pdf (дата обращения: 30.09.2017).

Караганов С.А., Бордачев Т.В., Безбородов А.А., Кашин В.Б., Королев А.С., Лихачева А.Б., Макаров И.А., Степанов И.А., Соколова А.К., Шумкова В.А. (2017) К Великому Океану – 5: от поворота на Восток к Большой Евразии. Международный дискуссионный клуб «Валдай».

Локшин Г.М. (2013) АСЕАН и территориальные споры в Южно-Китайском море // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. № 20. С. 17–39.

Макаров И.А., Барабанов О.Н., Бордачев Т.В., Канаев Е.А., Ларин В.Л., Рыжков В.А. (2014) К Великому Океану – 2, или российский рывок к Азии. М.: Международный дискуссионный клуб «Валдай».

Макаров И.А., Макарова Е.А., Караганов С.А., Бордачев Т.В., Канаев Е.А., Литвинова Ю.О., Лихачева А.Б., Пестич А.С., Пятачкова А.С., Соколова А.К., Степанов И.А., Щербакова А.В. (2016) Поворот на Восток. Развитие Сибири и Дальнего Востока в условиях усиления азиатского вектора внешней политики России. М.: Международные отношения.

Министерство иностранных дел России (2016) Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30.11.2016). Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkB6BZ29/content/id/2542248 (дата обращения: 25.03.2017).

Михневич С.В. (2016) Счастье от разума: «умная сила» КНР и ее влияние на развитие архитектуры безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. Т. 11. № 1. С. 92–125.

ШОС (2017) Информационное сообщение по итогам заседания Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества. Режим доступа: http://rus.sectsco.org/news/20170609/289250.html (дата обращения: 30.09.2017).

Association of Southeast Asian Nations (ASEAN) (2015) Chairman's Statement of the 18th ASEAN-China Summit. Kuala Lumpur. 21 ноября. Режим доступа: http://www.asean.org/storage/2015/12/Chairmans-Statement-of-the-18th-ASEAN-China-Summit-Final.pdf (дата обращения: 17.08.2017).

Cherian J. (2017) In Shanghai Eight. Режим доступа: http://www.frontline.in/world-affairs/in-shanghai-eight/article9731163.ece (дата обращения: 30.09.2017).

Food and Agriculture Organization of the UN (FAO) (с. а.) FAOSTAT. Режим доступа: http://www.fao.org/faostat/en/#data/GC (дата обращения: 26.08.2017).

Kanaev E. (2016) Russia and ASEAN in Eurasia: Value-Added for Russia-ROK Cooperation. Режим доступа: http://www.area-studies.ox.ac.uk/sites/sias/files/documents/KIEP%20Davis%20Russia%20Europe%20Asia%20170418.pdf (дата обращения: 26.08.2017).

President of Russia (2017) Meeting with President of China Xi Jinping. Режим доступа: http://en.kremlin.ru/events/president/news/54733 (дата обращения: 30/09/2017).

Reuters (2017) China says Iran Membership of Shanghai Security Bloc to Be Discussed at Summit. Режим доступа: https://www.reuters.com/article/us-china-sco-iran/china-says-iran-membership-of-shanghai-security-bloc-to-be-discussed-at-summit-idUSKBN18W0CD (дата обращения: 30.09.2017).

Thayer C.A (2013) ASEAN, China and the Code of Conduct in the South China Sea. Режим доступа: http://nghiencuuquocte.org/wp-content/uploads/2014/03/ASEAN-China-and-the-Code-of-Conduct-in-the-South-China-Sea.pdf (дата обращения: 15.08.2017).

Security Institutions in Greater Eurasia: Implications for Russia[1]

A. Korolev, V. Shumkova

Alexander Korolev – Research Assistant, Centre for Comprehensive European and International Studies, National Research University Higher School of Economics; post-graduate student, NRU HSE; 17 Malaya Ordynka Str., 119017, Moscow, Russian Federation; E-mail: askorolev@hse.ru

Veronika Shumkova – Research Assistant, Centre for Comprehensive European and International Studies, National Research University Higher School of Economics; 17 Malaya Ordynka Str., 119017, Moscow, Russian Federation; E-mail: vshumkova@hse.ru

Abstract

In this article, the authors analyze the current state and prospects for the development of key institutions in the field of regional security in Eurasia. ASEAN-led mechanisms and the Eurasian "continental" formats, represented by the Shanghai Cooperation Organization (SCO) and the Collective Security Treaty Organization (CSTO) have been chosen as a case-study.

Special focus is put on the possibility of connecting Russia with multilateral security initiatives in Eurasia in terms of promoting Russian strategic interests, as well as realizing the potential of the SCO as a structural pillar of the emerging geostrategic space – Greater Eurasia.

The authors conclude that the current state of regional institutions in the field of security does not fully correspond to Russia's interests due to the institutional limitations of multilateral formats.

According to the authors, the main reason why the ASEAN-led dialogue platforms on security issues are not able to realize its potential in addressing main challenges is the nature of the principles of ASEAN cooperation that hamper the process of making a collective decision.

Regarding the SCO, the authors believe that the key problem in the foreseeable future may be the achievement of consensus among the participating states after the enlargement (the accession of India and Pakistan) and, as a consequence, the need to transform the institutional format to new realities.

In conclusion, the authors argue that in the long-term perspective the development of the institutional environment of Greater Eurasia for the purpose of ensuring regional security should be carried out through close coordination between the SCO and other security formats – the CSTO and the ASEAN-led dialogue structures.

Key words: Greater Eurasia; Russia; SCO; CSTO; ASEAN; EAS; ARF

For citation: Korolev A., Shumkova V. (2018) Security Institutions in Greater Eurasia: Implications for Russia. *International Organisations Research Journal*, vol. 13, no 3, pp. 70–81 (in English). DOI: 10.17323/1996-7845-2018-03-04.

References

Association of Southeast Asian Nations (ASEAN) (2015) Chairman's Statement of the 18th ASEAN-China Summit. Kuala Lumpur, 21 November. Available at: http://www.asean.org/storage/2015/12/Chairmans-Statement-of-the-18th-ASEAN-China-Summit-Final.pdf (accessed 17 August 2017).

Bordachev T., Kashin V., Lukin A., Makarov I., Pjatachkova A., Sokolova A., Shumkova V., Stepanov I., Bezborodov A., Safranchuk I., Al'muhamedova N., Van V., Aj V., Jan F., Jan C., Lju Ch., Chzhan Ja. (2017) Preobrazovanie Evrazijskogo prostranstva: obshhie perspektivy v predstavlenii analiticheskih centrov Kitaja,

[1] The editorial board received the article in October 2017.

The article has been supported by a grant of the Russian Science Foundation. Project No. 17-18-01577 "Creation of Greater Eurasia and the Development of Strategy for Bilateral Cooperation Between Russia and Regional Countries".

Rossii i Kazahstana [Transformation of the Eurasian Space: General Perspectives in the Representation of the Chinese, Russian and Kazakh Analytical Centres]. Valdai International Discussion Club, p. 26 (in Russian).

Cherian J. (2017) In Shanghai Eight. 7 July. Available at: http://www.frontline.in/world-affairs/in-shanghai-eight/article9731163.ece (accessed 30 September 2017).

Denisov I., Safranchuk I. (2016) Chetyre problemy ShOS v svete voprosa o rasshirenii organizatsii [Four Problems of SCO in the Context of the Organisation's Enlargement]. *Vestnik MGIMO Universiteta,* vol. 48, no 3. Available at: http://www.vestnik.mgimo.ru/sites/default/files/pdf/010_mp_denisovie_safranchukia_1.pdf (accessed 30 September 2017) (in Russian).

Food and Agriculture Organization of the UN (FAO) (c. a.) FAOSTAT. Available at: http://www.fao.org/faostat/en/#data/GC (accessed 26 August 2017).

Kanaev E. (2016) Russia and ASEAN in Eurasia: Value-Added for Russia-ROK Cooperation. Korea Institute for International Economic Policy, Studies in Comprehensive Regional Strategies Collected Papers (International Edition) 16–15. Available at: http://www.area-studies.ox.ac.uk/sites/sias/files/documents/KIEP%20Davis%20Russia%20Europe%20Asia%20170418.pdf (accessed 26 August 2017).

Karaganov S., Bordachev T., Bezborodov A., Kashin V., Korolev A., Lihacheva A., Makarov I., Stepanov I., Sokolova A., Shumkova V. (2017) K Velikomu Okeanu – 5: ot povorota na Vostok k Bol'shoj Evrazii [Toward the Great Ocean – 5: From the Pivot to the East to Greater Eurasia]. Valdai International Discussion Club, p. 49 (in Russian).

Lokshin G.M. (2013) ASEAN and Territorial Disputes in the South China Sea. *Southeast Asia: Topical Problems of Development*, vol. 20, pp. 17–39 (in Russian).

Makarov I.A., Barabanov O.N., Bordachev T.V., Kanaev E.A., Larin V.L., Ryzhkov V.A. (2014) K Velikomu Okeanu – 2, ili rossiiskii ryvok k Azii [Towards the Great Ocean – 2 or Russia's Breakthrough to Asia]. Valdai International Discussion Club (in Russian).

Makarov I.A., Makarova E.A., Karaganov S.A., Bordachev T.V., Kanaev E.A., Litvinova Yu. O., Likhacheva A.B., Pestich A.S., Pyatachkova A.S., Sokolova A.K., Stepanov I.A., Shcherbakova A.V. (2016) Povorot na Vostok. Razvitie Sibiri i Dal'nego Vostoka v usloviyakh usileniya aziatskogo vektora vneshnei politiki Rossii [The Turn to the East: The Development of Siberia and the Russian Far East during the Strengthening of the Asian Direction of Russian Foreign Policy]. Moscow: Mezhdunarodnye Otnosheniya (in Russian).

Mikhnevich S.V. (2016) The Glory of Intelligence: China's Smart Power and the Implications for Security in the Asia-Pacific Region. *International Organizations Research Journal*, vol. 11, no 1, pp. 92–125 (in Russian).

Ministry of Foreign Affairs of Russia (2016) Kontseptsiya vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii (utverzhdena Prezidentom Rossiiskoi Federatsii V.V. Putinym 30 November 2016) [The Concept of Foreign Policy of the Russian Federation (Enacted by the President of Russian Federation V.V. Putin on 30 November 2016)]. Available at: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkB6BZ29/content/id/2542248 (accessed 25 March 2017) (in Russian).

President of Russia (2017) Meeting with President of China Xi Jinping. 8 June. Available at: http://en.kremlin.ru/events/president/news/54733 (accessed 30 September 2017).

Reuters (2017) China Says Iran Membership of Shanghai Security Bloc to be Discussed at Summit. 4 June. Available at: https://www.reuters.com/article/us-china-sco-iran/china-says-iran-membership-of-shanghai-security-bloc-to-be-discussed-at-summit-idUSKBN18W0CD (accessed 30 September 2017).

SCO Secretariat (2017) Statement by the Heads of the Member States of the Shanghai Cooperation Organisation on Joint Counteraction to International Terrorism. Available at: http://eng.sectsco.org/documents/ (accessed 30 September 2017).

Thayer C.A. (2013) ASEAN, China and the Code of Conduct in the South China Sea. *SAIS Review of International Affairs*, vol. 33, no 2, pp. 75–84. Available at: http://nghiencuuquocte.org/wp-content/uploads/2014/03/ASEAN-China-and-the-Code-of-Conduct-in-the-South-China-Sea.pdf (accessed 15 August 2017).

Большое евразийское партнерство: возможное региональное влияние и интересы России[1]

Д.П. Новиков

Новиков Дмитрий Павлович – к.полит.н., заместитель заведующего Международной лаборатории исследований мирового порядка и нового регионализма, научный сотрудник Центра комплексных европейских и международных исследований (ЦКЕМИ) Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; Российская Федерация, 119017, Москва, ул. Малая Ордынка, д. 17; E-mail: dp.novikov@hse.ru

В данной статье анализируется текущее состояние и перспективы интеграционных объединений и форматов многостороннего экономического сотрудничества с точки зрения реализации инициативы Всеобъемлющего евразийского партнерства. Рассматривается роль этой инициативы как инструмента российской политики и дается оценка ее потенциалу для укрепления международного сотрудничества в Евразии. В частности, анализируются возможности гармонизации ключевых проектов и инициатив в рамках идеи соразвития государств континента. В работе изучается потенциал крупнейших многосторонних форматов в Евразии как в экономической сфере – Всеобъемлющего регионального экономического партнерства (ВРЭП), инициативы «Один пояс, один путь» (ОПОП), Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и др. Особый акцент в работе делается на возможности подключения России к многосторонним экономическим проектам в Евразии с точки зрения продвижения стратегических интересов, а также реализации потенциала ЕАЭС.

Делается вывод, что нынешнее состояние региональных экономических институтов не в полной мере соответствует российским интересам. В экономической сфере Большой Евразии наблюдается институциональная перегруженность, вызванная существованием ряда параллельно развивающихся интеграционных инициатив и механизмов экономического сотрудничества. Усиление ЕАЭС как институционального ядра Большой Евразии может стать основой для формирования сбалансированного нормативного мегапространства. Однако относительно небольшой совокупный экономический потенциал государств – участников Союза не позволяет ЕАЭС быть крупнейшим экономическим полюсом и ведущим центром развития многосторонних институтов в Большой Евразии. Автор предполагает, что выходом из этого противоречия могло бы стать развитие Всеобъемлющего евразийского партнерства в сторону сопряжения ЕАЭС и ВРЭП – крупнейшего формата выработки правил международной экономической жизни в Азии как с целью обеспечения российских интересов, так и для укрепления международного сотрудничества.

Ключевые слова: Большая Евразия; Россия; ЕАЭС; АСЕАН; ВРЭП, международные институты

Для цитирования: Новиков Д.П. (2018) Большое евразийское партнерство: возможное региональное влияние и интересы России // Вестник международных организаций. Т. 13. № 3. С. 82–96 (на русском и английском языках). DOI: 10.17323/1996-7845-2018-03-05.

[1] Статья поступила в редакцию в октябре 2017 г.

Статья подготовлена за счет гранта Российского научного фонда № 17-18-01577 «Формирование Сообщества «Большой Евразии» и стратегии двустороннего взаимодействия России со странами региона».

Постановка проблемы: Всеобъемлющее евразийское партнерство в международной политике Евразии

В последние годы в пространстве евразийского континента наблюдается появление крупных мегарегиональных инициатив, выдвигаемых ведущими игроками континента. Первой попыталась сформулировать стратегию развития транспортно-логистических сетей через Центральную Азию и Россию в Европу под эгидой и брендом «Великого шелкового пути» администрация Барака Обамы, выдвинув концепцию «Нового шелкового пути», привязанную, правда, в основном к обеспечению нужд международной коалиции в Афганистане, а потому весьма ограниченную. Свои инициативы такого рода есть у Китая – направленная на унификацию региональных усилий в сфере инфраструктурного строительства Инициатива Пояса и Пути, и у Японии – в виде инициированного кабинетом Синдзо Абэ «Партнерства в области создания качественной инфраструктуры» [Ministry of Foreign Affairs of Japan, 2015]. В ноябре 2017 г. на полях Восточноазиатского саммита была выдвинута концепция «Свободного и безопасного Индо-Тихоокеанского региона», которая уже прочно вошла в официальный лексикон американской дипломатии и, по-видимому, в скором времени будет наполнена политическим и экономическим содержанием.

Такие инициативы-концепции, имеющие огромный географический охват, но, как правило, не обладающие четкой содержательной повесткой, можно считать феноменом международной политики последнего времени. Отличительной чертой всех этих инициатив является их «зонтичный» характер, направленный на предоставление концептуальной и, в некоторых случаях, институциональной основы для множества проектов, повесток и инициатив, и их направления в соответствии с целями и представлениями страны-инициатора. В настоящий момент такая флагманская «зонтичная» инициатива есть практически у каждой ведущей страны в Евразии. Они являются не только внешнеполитическим инструментом, но и своего рода показателем статуса государства.

Выдвинутое президентом России Владимиром Путиным в 2016 г. предложение по формированию Всеобъемлющего евразийского партнерства (ВЕП, также известного как Большое евразийское партнерство) стало российской «зонтичной мегаинициативой»[2]. В ходе своего выступления российский лидер предложил «создание более широкого интеграционного контура» «с участием Евразийского экономического союза, а также стран, с которыми... уже сложились тесные отношения, – Китай, Индия, Пакистан, Иран и... партнеров по СНГ, и других заинтересованных государств и объединений» [ТАСС, 2016].

Особый вес этой инициативе придала поддержка Китая – крупнейшей азиатской экономики и одного из ведущих политических игроков континента. В ходе визита президента России в КНР в июне 2016 г. в итоговом заявлении лидеров двух стран было зафиксировано стремление Москвы и Пекина к развитию инициатив в сфере региональной интеграции, в частности указывалось, что стороны «подчеркивают первостепенное значение, придаваемое ими реализации российско-китайской договоренности о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и Экономического пояса Шелкового пути, зафиксированной в соответствующем Совместном заявлении от 8 мая 2015 г.». При этом в заявлении была зафиксирована и формула, отражающая выдвинутую несколькими днями ранее российскую

[2] В настоящей статье для описания геополитического пространства потенциального Всеобъемлющего евразийского партнерства будет употребляться термин «Большая Евразия», принятый и используемый в ряде работ, посвященных проблеме.

инициативу: «Россия и Китай выступают за создание евразийского всеобъемлющего партнерства, основанного на принципах открытости, транспарентности и учета взаимных интересов, в том числе с возможным подключением стран – членов ЕАЭС, ШОС и АСЕАН» [Президент России, 2016].

Однако несмотря на то, что данная инициатива была выдвинута почти два года назад и нашла поддержку Китая – естественного полюса притяжения для многих азиатских государств, ее практическое содержание до сих пор находится на этапе обсуждения и требует конкретного наполнения для дальнейшей реализации. Характерным отражением этого стала и изначально избранная формулировка – отказ от присвоения новому «партнерству» имени собственного в пользу менее обязывающей формулировки с маленькой буквы – евразийское всеобъемлющее партнерство. В конце 2016 г. инициатива официально удостоилась большой буквы – подводя основные внешнеполитические итоги года, министр иностранных дел РФ С.В. Лавров назвал проект Всеобъемлющим евразийским партнерством [Лавров, 2016]. Однако это не придало инициативе конкретики – для многих политиков и экспертов ВЕП и идея Большой Евразии по-прежнему остается «черным ящиком» с неопределенной повесткой и неопределенными конечными целями.

В данной статье будет сделана попытка теоретического осмысления роли и потенциала Всеобъемлющего евразийского партнерства как российской «зонтичной мегаинициативы» в Евразии. С практической точки зрения ниже также будут предложены некоторые рекомендации по возможному облику Большой Евразии. Автор рассматривает рекомендации в качестве приглашения для дальнейшей дискуссии, которая позволит определить роль, место и значение инициативы для международной политики в Евразии и внешней политики России.

Теоретическая база

В научной литературе сложилось устойчивое мнение, нашедшее отражение как в либеральных теориях и концепциях, так и у многих авторов традиции реализма, о том, что создание и развитие институтов служит укреплению международной системы путем развития доверия между государствами [Nye, 1971; Gilpin, 1983], либо стабилизируя распределение сил и статусов внутри международных иерархий [Waltz, 1979; Ikenberry, 2001]. Особое внимание уделяется стимулирующей роли институтов и норм в развитии экономических взаимосвязей между государствами и повышению взаимозависимости между ними, что позволяет говорить о преимущественно позитивной роли практически любого институционального строительства для укрепления политических и экономических связей между государствами.

Однако на практике создание институтов далеко не всегда ведет к преодолению противоречий между государствами и снижению транзакционных издержек при межгосударственном взаимодействии (прежде всего экономическом). Бурное развитие различных многосторонних форматов и институтов в Евразии в последние два десятилетия в настоящий момент является, скорее, источником конфликтов. Региональные форматы сотрудничества активно используются государствами для стабилизации окружающего их пространства – в условиях ослабления институтов глобального регулирования. В существенной мере такая политика характерна для региональных игроков, претендующих на роль самостоятельных центров силы в условиях относительного ослабления глобального либерального порядка и его опорного государства в лице США, которые, как правило, и являются инициаторами создания таких форматов [Krickovic,

2016]. Однако в условиях конкуренции между крупными державами предлагаемые ими институты и форматы зачастую воспринимаются их оппонентами как враждебные. В последнее время ряд исследователей говорят даже о феномене «институционального оружия», позволяющего государствам использовать продвижение институтов и норм как инструмент международно-политической борьбы [Leonard, 2016].

С учетом сложившейся в пространстве Евразии множественности институциональных форматов и инициатив, так называемого феномена «миски лапши», данная проблема представляется крайне актуальной. Наличие большого количества многосторонних форматов, зачастую строящихся вокруг отдельных регионов и региональных группировок, способствует политической и институциональной разделенности Евразии. Для экономического сотрудничества наличие разных проектов регионализмов рождает проблему «конкуренции форумов» (forum shopping) – возможности государств выбирать те или иные повестки разрешения международных проблем, формы регулирования и нормативные пространства в условиях дублирования различных форматов обсуждения и регулирования одних и тех же вопросов [Drezner, 2008]. По аналогии с «конкуренцией форумов», отсылающей преимущественно к конкуренции нормативных пространств в Евразии, можно говорить о «конкуренции регионализмов» – конкуренции повесток создания таких нормативных пространств, а в более широком смысле – конкуренции концепций и повесток региональной интеграции.

Выдвижение проектов мегарегиональных экономических соглашений, характерное для политик ведущих держав региона в последнее десятилетие, стало, скорее, стимулом для усиления «конкуренции регионализмов». Продвижение администрацией Обамы Транстихоокеанского партнерства (ТТП) и, соответственно, Китаем Всеобъемлющего регионального экономического партнерства (ВРЭП) обострило конкуренцию как вокруг будущего направления интеграционных процессов (Азиатский или Тихоокеанский трек), так и борьбу за облик будущего нормативного пространства, регулирующего торгово-экономические отношения [Gordon, 2012]. Каждый из этих проектов декларировался как направленный на ее преодоление и унификацию нормативного пространства в Евразии либо в АТР. Однако реализация поставленных целей имела жесткую привязку к заключению лежащих в их основе торгово-экономических соглашений. Это во всех случаях неизбежно превращало реализацию данных инициатив в процесс столкновения эгоистичных интересов стран-участниц и ослабляло потенциал этих проектов как инструментов укрепления международного сотрудничества. Более того, разные стандарты регулирования торговли при отсутствии легитимных арбитражных механизмов могли в ряде случаев привести к повышению транзакционных издержек в торговле между различными участниками этих форматов (иногда входящих в оба) [Busch, 2007]. На данный момент ни одно из упомянутых мегарегиональных партнерств не реализовано.

Представляется, что менее структурированные «зонтичные» проекты способны более эффективно решать задачу преодоления «конкуренции регионализмов». Гибкость повестки снижает конфликтный потенциал таких инициатив, с одной стороны, маскируя корыстные цели страны-инициатора, которые легко обнаруживаются, когда повестка проекта изначально четко определена, с другой – что, вероятно, более важно – предлагая заведомо более гибкий формат сотрудничества, который позволяет партнерам более активное «соучастие» в институциональном строительстве. Выдвижение «зонтичных» геополитических и геоэкономических инициатив, отличающихся широким географическим охватом и не менее широкой потенциальной (зачастую не продумываемой заранее) повесткой, является отличительной чертой международной политики последних лет.

Содержательная повестка таких инициатив формируется в процессе реализации, зачастую обрастая институциональными площадками – подобно Форуму Пояса и Пути, на котором эксперты, представители бизнес-сообщества, чиновники и политическое руководство обсуждают как общие вопросы, так и конкретные проекты. При этом пример ИПП демонстрирует, что такие «зонтичные мегаинициативы» сохраняют высокую степень гибкости и после нескольких лет существования, чтобы вбирать в себя новые инициативы и адаптироваться к политическим изменениям. В частности, китайская инициатива успела уже несколько раз переименоваться и разрастись «вширь» до почти 70 государств-участников, в основе своей оставаясь рамочной базой для сотен проектов, реализуемых Китаем по большей части на двусторонней основе.

Главным институциональным ресурсом ВЕП является Евразийский экономический союз, способный выступать в качестве поставщика норм, стандартов и практик. Такой подход отражает и позицию российского руководства – во всех выступлениях российских официальных лиц по этой инициативе упор делался именно на использовании ЕАЭС и укреплении его сотрудничества с другими странами и многосторонними форматами.

Потенциал ВЕП и ЕАЭС как инструментов разрешения проблемы «конкуренции регионализмов»

Характер и динамика развития многосторонних инициатив, входящих в пространство Большой Евразии, в значительной степени отражает объективные экономические процессы, прежде всего регионализацию экономических отношений и формирование азиатского экономического полюса, требующего развития соответствующей экономическим потребностям институциональной среды. Уже сегодня Азия – как один из наиболее бурно развивающихся регионов мира – входит в число лидеров по объемам внутри- и внешнеторгового оборота. Доля внутрирегиональной торговли уже давно превысила 50% от общего торгового оборота и продолжает расти, за исключением кризисных годов, и эта тенденция характерна для большинства макрорегионов мира [Asian Developement Bank, 2017]. Так, доля внутрирегиональной торговли выросла с 51% в 2010 г. до 57,3% в 2016 г. [Asian Developement Bank, 2017]. Динамика торговли государств Азии показана на рис. 1.

Рис. 1. Динамика интра- и экстрарегиональной торговли в Азии, млрд долл. США

Источник: [Trade statistics for international business development].

Регионализация мировой торговли не могла не привести к регионализации ее регулирования и развитию множества форматов политического и экономического сотрудничества, ориентированных на формирование институциональной надстройки происходящих макроэкономических процессов. Это приняло характер, с одной стороны, активного создания двусторонних зон свободной торговли – в одном только АТР в настоящий момент насчитывается более 75 соглашений о ЗСТ, причем большая их часть приходится на внутриазиатские соглашения. С другой – развитие получили многочисленные многосторонние инициативы, нередко включающие большое количество внерегиональных участников. В результате в настоящий момент в пространстве Большой Евразии наблюдается так называемый эффект «миски лапши» – множественность перетекающих друг в друга форматов экономического сотрудничества, нередко с весьма размытой повесткой.

Такой пестрый институциональный ландшафт препятствует выстраиванию единого экономического пространства в рамках Большой Евразии, как раз и порождая проблему «конкуренции регионализмов». При этом в последние годы ведущие державы – Россия, Китай и стремящиеся к активному участию во всех региональных процессах США – предлагали свои повестки преобразования институциональной среды в сторону большей унификации, что определило три основных вектора развития институциональной среды мегарегиона.

Американские инициативы были и остаются направленными на втягивание азиатского экономического полюса в формат построения условно «большого Тихоокеанского пространства» – различных институциональных инициатив, формируемых в пространстве АТР как в сфере экономики, так и в области безопасности при лидерстве США. Главными экономическими инициативами на этом направлении до недавнего времени были Азиатско-тихоокеанская зона свободной торговли (АТЗСТ), включающая всех участников АТЭС, а также несколько более узкий формат Транстихоокеанского партнерства (ТТП). Оба формата продвигались и республиканской администрацией Дж. Буша-мл., и демократической администрацией Б. Обамы.

Приход администрации Трампа привел к отказу – возможно, временному – и от ТТП, и от идеи создания АТЗСТ. Однако сама по себе линия на вовлечение азиатских государств в американоцентричное геоэкономическое пространство, по-видимому, сохранится – вероятно, через продвижение двусторонних соглашений о ЗСТ, возможен и возврат к продвижению новых (или старых) многосторонних интеграционных инициатив. О желании действующей администрации США вернуться к политике активного развития многосторонних экономических инициатив, прежде всего ЗСТ, свидетельствует последнее заявление американского лидерства на Давосском экономическом форуме, позволяющее говорить о возможности возврата США к переговорам о ТТП [Donnan, Sevastopulo, 2018]. Вместе с тем очевиден возврат США к политике развития интеграционных инициатив на тихоокеанском направлении. Достижение согласия между 11 государствами ТТП о создании торгового соглашения без США – Всеобъемлющего и прогрессивного транстихоокеанского партнерства – означает, что возврат Вашингтона в проект будет сопряжен с непростыми переговорами [Fensom, 2018]. Без США же данная инициатива обладает гораздо меньшим геоэкономическим весом и привлекательностью.

С учетом стагнации условного «тихоокеанского направления» в перспективе можно говорить о формировании двух центров интеграционного притяжения в пространстве Большой Евразии: ЕАЭС, лидерство в котором принадлежит России, и АСЕАН, вокруг которого развивается пока еще не проект соглашения по Всеобъемлющему региональному экономическому партнерству (ВРЭП), активно продвигаемое АСЕАН и Китаем [Бордачев, 2017, с.7].

Инициатива ВРЭП пока не является интеграционным объединением в полной мере, оставаясь проектом обширной зоны свободной торговли без наднациональной надстройки, с возможностью присоединения новых стран. Тем не менее именно ВРЭП в наибольшей степени отвечает объективным запросам азиатских стран на интеграцию, поскольку его ориентированность на «наращивание взаимосвязей» в большей мере соответствует объективной тенденции по переходу к новой модели социально-экономического развития в АТР [Asian Trade Centre, 2017]. При этом по-прежнему ключевой проблемой в рамках переговорного процесса по ВРЭП остается отсутствие консенсуса со стороны основных участников по поводу снижения тарифных пошлин на различные группы товаров. В этом смысле стоит отметить неуступчивость Индии, которая ориентируется на гораздо меньшее снижение тарифов (80% товарных линий для развивающихся стран и 75% для развитых), в то время как другие страны – члены ВРЭП предлагают снижение тарифов на 92% товарных линий [The Economic Times, 2017]. Помимо этого, Индия требует облегчения ей доступа на рынок инвестиций и рынок услуг. В частности, Индия настаивает на введении специальных бизнес-виз с целью беспрепятственного перемещения предпринимателей в странах ВРЭП [Times of India, 2017]. Обращает на себя внимание тот факт, что после выхода США из соглашения по ТТП в январе 2017 г. ожидалось ускорение переговоров по подписанию ВРЭП, однако ослабление конкурентного давления на ВРЭП привело, скорее, к обратному эффекту. Таким образом, ряд разногласий политического, технического и экономического характера уже привел к неоднократному переносу сроков заключения соглашения. В настоящий момент стороны нацелились на завершение переговоров в ноябре 2018 г., однако, по словам официальных лиц, нет никаких гарантий, что это произойдет в текущем году [New Straits Times, 2018].

Это сильно отличает Всеобъемлющее евразийское партнерство от ряда других партнерств, инициированных в последние годы, прежде всего активно продвигавшихся администрацией Обамы инициатив Трансатлантического торгового и инвестиционного и Транстихоокеанского партнерств, а также формирующегося вокруг АСЕАН Всеобъемлющего регионального экономического партнерства (ВРЭП). Упомянутые выше проекты с самого начала имели конкретную и ясно декларированную цель – заключение многостороннего торгово-экономического соглашения – и четко очерченную повестку, формируемую вокруг переговоров по условиям этого соглашения. Задача российской инициативы, обозначенная в максимально широких формулировках, скорее, заключалась в том, чтобы выступить концептуальным «зонтиком» для других инициатив и проектов, на что работала и абстрактность повестки, и широта охвата, позволяющая говорить о Большой Евразии как о российской мегаинициативе.

Российская повестка в течение длительного времени была сконцентрирована в первую очередь на развитии собственного интеграционного проекта – продвижения евразийской интеграции, главным институциональным элементом которой служит Евразийский экономический союз. В последние же годы государства – члены ЕАЭС запустили процесс вовлечения Союза во внешние интеграционные и экономические инициативы, в частности, сопряжение ЕАЭС – ЭПШП, подписание Соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве между сторонами, заключенное 1 октября 2017 г., интенсификация сотрудничества с АСЕАН в формате АСЕАН – ШОС – ЕАЭС и переговоры по созданию зоны свободной торговли с зарубежными партнерами.

Вопреки активизации усилий по углублению сотрудничества с внешними партнерами, ЕАЭС по-прежнему находится на «догоняющем этапе» проработки возможностей заключения двусторонних ЗСТ («ЕАЭС + страна-партнер»). При этом, несмотря на значительный портфель заявок на формирование ЗСТ (около 40) и ряд идущих

переговоров, в целом следует констатировать, что ЕАЭС не имеет четкой стратегии реализации внешних интеграционных инициатив. Комиссия скорее реагирует на имеющиеся возможности, а не выстраивает свою линию поведения. Более того, пока отсутствует у Союза и разноформатный инструментарий вовлечения внешних игроков в различные партнерства (соглашения об ассоциации, иные партнерские форматы) [Bordachev et al., 2016, p. 35]. На данный момент внешнеинтеграционные форматы сотрудничества ограничиваются соглашениями о ЗСТ. Во многом это обусловлено следующими обстоятельствами экономического и технического характера [Караганов, 2017, с. 37–38]:

– ультраконсервативная торговая политика стран – членов ЕАЭС;
– больший акцент на внутреннюю интеграцию и развитие вглубь, а не вширь;
– разногласия между странами – членами ЕАЭС, в связи с чем возникают проблемы как по формированию консолидированной запросной позиции на торговых переговорах с зарубежными партнерами, так и по выстраиванию долгосрочной стратегии развития Союза;
– общая неразвитость системы внешних связей ЕАЭС и в целом ограниченность ресурсов ЕЭК для расширения переговорной повестки.

Таким образом, российская вовлеченность в интеграционные процессы в Евразии пока остается недостаточной, при этом в последние годы уровень и глубина участия России в ключевых многосторонних институтах Большой Евразии повысились. Относительно небольшая вовлеченность ЕАЭС в нормативное и институциональное строительство в Азии является ограничителем для усиления роли Союза как одной из институциональных опор Большой Евразии. Пока ЕАЭС сосредоточен главным образом на собственном развитии – совершенствовании внутренних технических стандартов, механизмов работы Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) и других институтов, уделяя недостаточно внимания системному продвижению партнерств в формате ЕАЭС+.

Приходится констатировать, что несмотря на успехи российского поворота на Восток, Россия и ЕАЭС пока не имеют эффективных инструментов влияния на формирование торгово-инвестиционных правил в Азии и не вполне их знают и понимают. В настоящий момент ключевой переговорной площадкой по выработке таких правил является именно ВРЭП, включающее 16 государств Азии, в том числе Китай, Индию, Японию, страны АСЕАН. Россия, таким образом, никак не вовлечена в процесс оформления институтов экономического регулирования в Азии, при этом именно азиатский центр развития, с учетом неблагоприятных отношений с Западом, можно считать наиболее привлекательным внешним стимулом для развития ЕАЭС, да и собственно России [Караганов, 2017].

В этих условиях выдвижение Всеобъемлющего евразийского партнерства следует трактовать как, с одной стороны, стремление преодолеть множественность институтов и форматов сотрудничества и воспользоваться заминкой в создании ВРЭП для диалога о более широких правилах экономической жизни в мегарегионе. С другой – данная инициатива направлена на преодоление относительно слабого влияния России на формирование институционально-нормативной среды в пространстве Большой Евразии. Успешное сочетание этих двух целей теоретически возможно только при условии развития сотрудничества между ЕАЭС и вторым центром развития институциональной среды, представленным форматами АСЕАН и АСЕАН+, прежде всего ВРЭП. Однако формат развития связей между ЕАЭС и ВРЭП в значительной степени зависит от вероятной роли и места форматов безопасности АСЕАН+.

Возможные пути реализации Всеобъемлющего евразийского партнерства

Сложившаяся конфигурация институциональных форматов и связей и уровень вовлеченности России в их развитие пока не в полной мере соответствуют российским интересам. Россия заинтересована в таком формировании пространства Большой Евразии, в котором Россия и ЕАЭС играли бы центральную роль. Текущее состояние интеграционных форматов и межгосударственных организаций ограничивает реализацию этой цели в силу ряда причин. Ключевой из них служит существование двух (даже трех, если считать и ЕС) институционально разделенных интеграционных центров в пространстве Большой Евразии, что само по себе противоречит логике формирования единого пространства устойчивого развития «от Санкт-Петербурга до Сингапура», а в более широкой перспективе – «от Лиссабона до Сингапура» [Караганов, 2016, с. 6]. Для реализации этой цели ЕАЭС и ВРЭП, в случае его создания, рано или поздно необходимо будет вести диалог о преодолении институциональных барьеров и формировании более или менее единых правил торгово-экономической деятельности.

При этом прямое присоединение ЕАЭС к развитию ВРЭП целесообразно, но преждевременно. Во-первых, сам процесс вовлечения ЕАЭС как полноправного участника переговоров имеет ряд технических и политических ограничений. Переговорный формат, включающий 16 государств, уже рассматривается многими участниками как весьма громоздкий. В этих условиях присоединение к переговорам ЕАЭС, представляющего шесть государств – членов объединения, будет рассматриваться участниками ВРЭП как нежелательное. Труднопреодолимым формальным и техническим ограничением является и то, что подключение к переговорам по ВРЭП подразумевает наличие зоны свободной торговли с АСЕАН. ЕАЭС пока имеет соглашение о ЗСТ только с Вьетнамом.

Во-вторых, даже гипотетическое присоединение ЕАЭС к формату ВРЭП будет означать, что интеграционные процессы в Большой Евразии примут ВРЭП-центричный, а по сути – китаецентричный характер. ЕАЭС как новому участнику придется иметь дело с уже наработанной переговорной базой и сформированной рамкой норм и условий функционирования будущего объединения. При этом не только Китай, но и другие государства объединения получат инициативу в определении правил экономической жизни в АТР и Евразии, в том числе и при выстраивании диалога с Россией и ЕАЭС.

В этой связи формат сопряжения ЕАЭС – ВРЭП как более гибкая форма сотрудничества представляется более оптимальным для усиления российского влияния на развитие интеграционных процессов в Азии. Сопряжение инициатив должно быть ориентировано на создание форматов долгосрочного сотрудничества по координации правил торговой и инвестиционной деятельности в нормативных пространствах ЕАЭС и ВРЭП. Прежде всего – в целях снижения институциональных барьеров для реализации потенциала ЕАЭС как транспортно-логистической и в растущей степени производственной связки государств ВРЭП с ЕС. Но также и с целью создания условий для экспорта некоторых норм и практик ЕАЭС вовне и распространения их в пространстве ВРЭП.

Основой для сопряжения ЕАЭС и ВРЭП может стать наработанная политическая и экономическая база с ключевым государством азиатского интеграционного центра – Китаем, в частности потенциал Соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве с КНР. Этот формат может использоваться как одна из площадок для продвижения инициативы.

Важным является тот факт, что в рамках развития сотрудничества на пространстве Большой Евразии связи между Россией и АСЕАН становятся более крепкими. Если раньше Ассоциация не рассматривала Россию в качестве влиятельного игрока на своих асеаноцентричных площадках по вопросам безопасности, связывая влиятельность с уровнем экономического развития, то теперь ситуация начала меняться. Характерным аргументом в пользу данного тезиса может стать проведение саммита Россия – АСЕАН в 2016 г. в Сочи. По характеру проведения данная встреча была беспрецедентной в истории взаимоотношений АСЕАН с диалоговыми партнерами, так как это был первый саммит, который Ассоциация согласилась провести на территории диалогового партнера. Формально первый «выездной» саммит АСЕАН с диалоговым партнером был проведен в США в феврале 2016 г., но договоренность о такой же встрече в России была заключена раньше [Косырев, 2016]. Как отмечает директор Центра АСЕАН при МГИМО (у) МИД РФ В.В. Сумский, это доказывает, что АСЕАН признала Россию в качестве ключевого геополитического игрока, которого нельзя игнорировать [ПИР-Центр, 2016, с. 2].

В этой связи имеет смысл ставить вопрос о формировании диалогового формата высокого уровня по линии ЕАЭС – ВРЭП, что усилит политический уровень сотрудничества между двумя многосторонними экономическими центрами Большой Евразии. Пока вряд ли возможны или даже желательны подлинно интеграционные мегаобъединения. Но даже преимущественно политический диалог с партнерами по ВРЭП повысит роль ЕАЭС в Евразии и поможет наработать опыт и экспертный потенциал.

Параллельно целесообразно развивать прямое и широкоформатное сотрудничество и по линии ЕАЭС – АСЕАН (помимо собственно инициативы о сопряжении ВРЭП – ЕАЭС), особенно с учетом повышающейся в последние годы заинтересованности АСЕАН в таком партнерстве [Russia Today, 2017]. Как минимум – в диалоговом формате, на уровне регулярных встреч министров торговли ЕАЭС, министров ЕЭК и государств – участников АСЕАН, формирования экспертных групп для разработки стратегии взаимодействия двух интеграционных форматов. Вероятно, для усиления политического уровня сотрудничества имеет смысл трансформировать формат Россия – АСЕАН в ЕАЭС – АСЕАН с более частым проведением встреч (по меньшей мере один раз в два года). При этом появление трека ЕАЭС – АСЕАН не означает отказа от диалоговых форматов Россия – АСЕАН, которые следует продолжать развивать. Содержание этих форматов должно определяться распределением компетенций внутри ЕАЭС и АСЕАН.

Как максимум целесообразно вести дело к диалогу об «интеграции интеграций» по линии ЕАЭС – АСЕАН, с выходом в обозримой перспективе на соглашение о ЗСТ между двумя форматами. Тем более, что, согласно официальным заявлениям, Ассоциация готова всерьез рассмотреть вопрос о заключении полноценного соглашения о ЗСТ с ЕАЭС [RT, 2016; Rabu, 2017]. При этом важно учитывать, что у ЕАЭС уже имеется успешный опыт заключения подобных соглашений со странами – членами АСЕАН. В 2015 г. было подписано соглашение о ЗСТ с Вьетнамом, а в 2016 г. оно официально вступило в силу. В настоящее время ЕЭК ведет активные переговоры с Сингапуром. По заявлениям официальных лиц РФ, соглашение между ЕАЭС и Сингапуром может быть заключено в 2018 г., что является символическим жестом, учитывая тот факт, что в текущем году исполняется пятьдесят лет со дня начала дипломатических отношений между Сингапуром и Россией, а также 2018 г. является годом председательства Сингапура в АСЕАН [ТАСС, 2017]. Помимо этого, ЕЭК активно прорабатывает возможность начала переговоров о заключении двусторонних соглашений о ЗСТ с другими партнерами по ВРЭП: Южной Кореей и Индией. Дальнейшее расширение сети соглашений

о ЗСТ с государствами – участниками ВРЭП должно стать частью общей стратегии сопряжений ЕАЭС – ВРЭП. Возможно – с долгосрочной перспективой на выход к единому евразийскому экономическому пространству, которое в значительной степени создавало бы для ЕАЭС роль связующего элемента.

Достижение поставленной цели будет требовать усиления роли ЕЭК и повышения уровня экспертизы и административных ресурсов комиссии. Одним из инструментов повышения эффективности ЕЭК как агента продвижения российских интересов в Большой Евразии является выработка концепции внешнеэкономической политики ЕАЭС, которая включала бы четкую стратегию выстраивания внешних интеграционных инициатив.

Стратегию реализации инициативы Всеобъемлющего евразийского партнерства в целом целесообразно формировать вокруг задачи на усиление ЕАЭС как одной из несущих институциональных опор Большой Евразии. От реализации потенциала ЕАЭС как инструмента продвижения российских интересов и интересов союзников зависит то, насколько благоприятное для России направление примет дальнейшее развитие институциональной среды Большой Евразии. При этом в таком формате реализация инициативы Всеобъемлющего евразийского партнерства будет носить позитивный характер и для других участников международной системы континентальной Евразии.

Источники

Бордачев Т.В., Кашин В.Б., Лукин А.В., Макаров И.А., Пятачкова А.С., Соколова А.К., Шумкова В.А., Степанов И.А., Безбородов А.А., Сафранчук И.А., Альмухамедова Н., Ван В., Ай В., Ян Ф., Ян Ц., Лю Ч., Чжан Я. (2017) Преобразование Евразийского пространства: общие перспективы в представлении аналитических центров Китая, России и Казахстана. М.: Международный дискуссионный клуб «Валдай».

Караганов С.А. (2016) Российская внешняя политика: новый этап // Россия в глобальной политике. Т. 26.

Караганов С.А., Бордачев Т.В., Безбородов А.А., Кашин В.Б., Королев А.С., Лихачева А.Б., Макаров И.А., Степанов И.А., Соколова А.К., Шумкова В.А. (2017) К Великому Океану – 5: от поворота на Восток к «Большой Евразии». Международный дискуссионный клуб «Валдай».

Косырев Д. (2016) Азиатские сюрпризы Сочи // РИА-Новости. Режим доступа: https://ria.ru/analytics/20160520/1437063932.html (дата обращения: 26.03.2017).

Лавров С.В. (2016) АТЭС: отношения подлинного коллективизма и эффективной взаимосвязанности. Режим доступа: http://www.mid.ru/vyskazyvania-po-teme/-/asset_publisher/SDJHtYEYKgmW/content/id/2529078 (дата обращения: 26.03.2017).

Президент России (2016) Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики. Режим доступа: http://www.kremlin.ru/supplement/5100 (дата обращения: 08.01.2018).

ПИР-Центр (2016) Стенограмма заседания Международного клуба Триалог на тему «Поворот России на Восток – измерение АСЕАН: результаты, проблемы, перспективы. Режим доступа: http://www.pircenter.org/media/content/files/13/14713505151.pdf (дата обращения: 26.08.2017).

Суслов Д.В. (2016) Регионализация и хаос во взаимозависимом мире: глобальный контекст к началу 2016 года // Международный дискуссионный клуб «Валдай». № 3.

ТАСС (2016) Путин призвал создать большое Евразийское партнерство. Петербургский международный экономический форум 2016. Режим доступа: http://tass.ru/pmef-2016/article/3376295 (дата обращения: 02.02.2018).

ТАСС (2017) Шувалов: соглашение о ЗСТ между ЕврАзЭС и Сингапуром могут заключить в 2018 году. Режим доступа: http://tass.ru/ekonomika/4652313 (дата обращения: 05.02.2018).

Asian Development Bank (2017) Asian Economic Integration Report 2017. Режим доступа: https://www.adb.org/sites/default/files/publication/375196/aeir-2017.pdf (дата обращения: 05.02.2018).

Asian Trade Centre (2017) RCEP: Looking Ahead To 2017. Режим доступа: http://www.asiantradecentre.org/talkingtrade//rcep-looking-ahead-to-2017 (дата обращения: 01.10.2017).

Bordachev T., Skriba A., Kazakova A. (2016) Conjunction of the EAEU and Silk Road Economic Belt // Asia-Pacific News Brief. New Context and Economic Cooperation Opportunities in the Asia-Pacific Region and Eurasia. Vol. 1. No. 4. P. 34–38.

Gilpin R. (1983) War and Change in World Politics. Cambridge University Press. P. 272.

Ikenberry G.J. (2001) After Victory: Institutions, Strategic Restraint, and the Rebuilding of Order after Major Wars. Princeton University Press. P. 320.

Ikenberry G.J. (2006) Liberal Order and Imperial Ambition: Essays on American Power and World Politics. Cambridge: Polity. P. 271.

Kanaev E. (2016) Russia and ASEAN in Eurasia: Value-Added for Russia-ROK Cooperation. Studies in Comprehensive Regional Strategies Collected Papers

(International Edition) 16–15, 16 декабря. Режим доступа: http://www.area-studies.ox.ac.uk/sites/sias/files/documents/KIEP%20Davis%20Russia%20Europe%20Asia%20170418.pdf (дата обращения: 26.08.2017).

Karaganov S. (2017) From the Pivot to the East to greater Eurasia. 24 Апреля. Режим доступа: https://www.rusemb.org.uk/opinion/50 (дата обращения: 30.09.2017).

Lavrov S. (2016) APEC: Genuine Collectivism and Effective Connectivity. Министерство иностранных дел Российской Федерации, 16 ноября. Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2524925?p_p_id=101_INSTANCE_cKNonkJE02Bw&_101_INSTANCE_cKNonkJE02Bw_languageId=en_GB (дата обращения: 26.08.2017).

Leonard Mark (2016) Connectivity Wars. Режим доступа: http://www.ecfr.eu/page/-/Connectivity_Wars.pdf (дата обращения: 18.01.2018).

New Straits Times (2018) RCEP Working Towards Substantial Conclusion by Year-end – Jayasiri. 3 марта. Режим доступа: https://www.nst.com.my/business/2018/03/341057/rcep-working-towards-substantial-conclusion-year-end-jayasiri (дата обращения: 04.02.2018).

Nye J., Keohane R. (1971) Transnational Relations and World Politics: An Introduction // International organization. Vol. 25. No. 3. P. 329–349.

President of Russia (2017) Meeting with President of China Xi Jinping. Режим доступа: http://en.kremlin.ru/events/president/news/54733 (дата обращения: 30.09.2017).

Russia Today (2016) ASEAN Ready to 'Seriously Look into' Free-Trade Deal with Russia-led EAEU – Malaysian PM to RT. Режим доступа: https://www.rt.com/news/343853-asean-eaeu-trade-deal-malaysia/ (дата обращения: 01.02.2018).

The Economic Times (2017) Trade Calculations: India Offers to Parley on RCEP Tariff Terms. 24 мая. Режим доступа: http://economictimes.indiatimes.com/news/economy/foreign-trade/trade-calculations-india-offers-to-parley-on-rcep-tariff-terms/articleshow/58814035.cms (дата обращения: 01.09.2017).

The Times of India (2017) India Proposes RCEP Business Visa Card under Mega Deal. 23 мая. Режим доступа: http://timesofindia.indiatimes.com/business/india-business/india-proposes-rcep-business-visa-card-under-mega-trade-deal/articleshow/58813760.cms (дата обращения: 08.05.2017).

Trade Statistics for International Business Development (с. а.) Режим доступа: www.trademap.org (дата обращения: 20.07. 2018).

Waltz K. (1979) Theory of International Politics. N. Y.: McGraw-Hill Higher Education. P. 251.

Development of Multilateral Economic Institutions in Greater Eurasia: Problems, Prospects and Implications for Russia[1]

D. Novikov

Dmitry Novikov – Deputy Head, International Laboratory for World Order Studies and the New Regionalism, Researcher, Center for Comprehensive European and International Studies, National Research University Higher School of Economics; 17 Malaya Ordynka Str., 119017, Moscow, Russian Federation; E-mail: dp.novikov@hse.ru

Abstract

In this paper, the author analyzes the current state and prospects of integration associations and formats of multilateral cooperation in terms of implementing the initiative of the Comprehensive Eurasian Partnership. The paper examines the role of this initiative as an instrument of Russian policy and assesses its potential for strengthening international cooperation in Eurasia. In particular, the possibilities of harmonizing key projects and initiatives within the framework of the idea of co-development of the continent's states are analyzed. In particular, the authors study the possibility of harmonizing key projects and initiatives within the framework of the idea of continental states co-development "Greater Eurasia". The paper also explores the potential of the largest multilateral formats in Eurasia, both in the economic sphere – Regional Comprehensive Economic Partnership (RCEP), "One Belt, One Road" (OBOR), Eurasian Economic Union (EAEU).

A special focus is put on the possibility of connecting Russia to integration projects and security initiatives in Eurasia in terms of advancing its strategic interests, as well as realizing the potential of EAEU as a structural pillar of "Greater Eurasia" institutional environment.

The author comes to the conclusion that the current state of regional institutions, both in the economic and security spheres, does not fully correspond to Russia's interests. In the economic sphere, "Greater Eurasia" is experiencing institutional congestion, caused by the existence of a number of parallel developing integration initiatives and mechanisms for economic cooperation.

Proceeding from this, it is concluded that the strengthening of the Union as the institutional core of Greater Eurasia is one of the key factors in the formation of a balanced normative mega space.

Key words: Greater Eurasia; Russia; EAEU; OBOR; ASEAN; RCEP; international politics

For citation: Novikov D. (2018) Development of Multilateral Economic Institutions in Greater Eurasia: Problems, Prospects and Implications for Russia. *International Organisations Research Journal*, vol. 13, no 3, pp. 82–96 (in English). DOI: 10.17323/1996-7845-2018-03-05.

References

Asian Development Bank (2017) Asian Economic Integration Report. Available at: https://www.adb.org/publications/asian-economic-integration-report-2017 (accessed 1 June 2018).

Asian Trade Centre (2017) RCEP: Looking Ahead To 2017. Available at: http://www.asiantradecentre.org/talkingtrade//rcep-looking-ahead-to-2017 (accessed 1 October 2017).

Bordachev T., Skriba A., Kazakova A. (2016) Conjunction of the EAEU and Silk Road Economic Belt. *Asia-Pacific News Brief. New Context and Economic Cooperation Opportunities in the Asia-Pacific Region and Eurasia*, vol. 1, no 4, pp. 34–38 (in Russian).

[1] The editorial board received the article in October 2017.

The article has been supported by a grant of the Russian Science Foundation. Project No. 17-18-01577 "Creation of Greater Eurasia and the Development of Strategy for Bilateral Cooperation Between Russia and Regional Countries".

Busch M. (2007) Overlapping Institutions, Forum Shopping, and Dispute Settlement in International Trade. *International Organization*, vol. 61, no 4, pp. 735–761.

Drezner D. (2008) All Politics Is Global. Explaining International Regulatory Regimes. Princeton University Press.

Fensom A. (2018) US as the Biggest Loser as Asia Links TPP-11. *The Diplomat*. Available at: https://thediplomat.com/2018/03/us-the-biggest-loser-as-asia-inks-tpp-11/ (accessed 30 January 2017).

Gilpin R. (1983) War and Change in World Politics. Cambridge University Press.

Ikenberry G.J. (2001) After victory: Institutions, Strategic Restraint, and the Rebuilding of Order After Major Wars. Princeton University Press.

Ikenberry G.J. (2006) Liberal Order and Imperial Ambition: Essays on American Power and World Politics. Cambridge: Polity.

Kanaev E. (2016) Russia and ASEAN in Eurasia: Value-Added for Russia-ROK Cooperation. Available at: http://www.area-studies.ox.ac.uk/sites/sias/files/documents/KIEP%20Davis%20Russia%20Europe%20Asia%20170418.pdf (accessed 26 August 2017).

Karaganov S. (2016) Rossijskaja vneshnjaja politika: novyj jetap [Russian Foreign Policy: a New Stage]. *Russia in global Affairs*, vol. 26, p. 6 (in Russian).

Karaganov S. (2017) From the Pivot to the East to greater Eurasia. 24 April. Available at: https://www.rusemb.org.uk/opinion/50 (accessed 30 September 2017).

Karaganov S., Bordachev T., Bezborodov A., Kashin V., Korolev A., Lihacheva A., Makarov I., Stepanov I., Sokolova A., Shumkova V. (2017) *K Velikomu Okeanu – 5: ot povorota na Vostok k Bol'shoj Evrazii* [Toward the Great Ocean – 5: From The Turn To The East To Greater Eurasia]. International Discussion Club "Valdai", p. 49 (in Russian).

Lavrov S. (2016) APEC: Genuine Collectivism and Effective Connectivity. Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, 16 November. Available at: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2524925?p_p_id=101_INSTANCE_cKNonkJE02Bw&_101_INSTANCE_cKNonkJE02Bw_languageId=en_GB (accessed 18 January 2018).

Leonard M. (ed) (2016) Connectivity Wars: Why Migration, Finance and Trade are the Geo-economic Battlegrounds of the Future. European Council on Foreign Relations. Available at: http://www.ecfr.eu/page/-/Connectivity_Wars.pdf (accessed 18 January 2018).

Ministry of Foreign Affairs of Japan (2015) Announcement of "Partnership for Quality Infrastructure: Investment for Asia's Future". 21 May. Available at: http://www.mofa.go.jp/policy/oda/page18_000076.html (accessed 18 January 2018).

New Straits Times (2018) RCEP Working Towards Substantial Conclusion by Year-End – Jayasiri. 3 March. Available at: https://www.nst.com.my/business/2018/03/341057/rcep-working-towards-substantial-conclusion-year-end-jayasiri (accessed 4 February 2018).

Nye J., Keohane R. (1971) Transnational Relations and World Politics: An Introduction. *International organization*, vol. 25, no 3, pp. 329–349.

President of Russia (2016) Joint Statement of the Russian Federation and the People's Republic of China. 25 June. Available at: http://www.kremlin.ru/supplement/5100 (accessed 08 January 2018) (in Russian).

President of Russia (2017) Meeting with President of China Xi Jinping. Available at: http://en.kremlin.ru/events/president/news/54733 (accessed 30 September 2017).

Russia Today (2016) ASEAN ready to 'seriously look into' free-trade deal with Russia-led EAEU – Malaysian PM to RT. 21 May. Available at: https://www.rt.com/news/343853-asean-eaeu-trade-deal-malaysia/ (accessed 01 February 2018).

Suslov D. (2016) *Regionalizacija i haos vo vzaimozavisimom mire: global'nyj kontekst k nachalu 2016 goda* [Regionalization and Chaos in an Interdependent World: a Global Context by Early 2016]. International Discussion Club "Valdai", no 3, p. 14 (in Russian).

TASS (2016) Putin Called for a Big Eurasian Partnership. Petersburg International Economic Forum 2016, 17 June. Available at: http://tass.ru/pmef-2016/article/3376295 (accessed 2 February 2018) (in Russian).

TASS (2017) Shuvalov: The Agreement on FTA Between EurAsEC and Singapore Can Be Concluded in 2018, 17 October. Available at: http://tass.ru/ekonomika/4652313 (accessed 05 February 2018) (in Russian).

The Economic Times (2017) Trade Calculations: India Offers to Parley on RCEP Tariff Terms, 24 May. Available at: http://economictimes.indiatimes.com/news/economy/foreign-trade/trade-calculations-india-offers-to-parley-on-rcep-tariff-terms/articleshow/58814035.cms (accessed 1 September 2017).

Times of India (2017) India Proposes RCEP Business Visa Card Under Mega Deal, 23 May. Available at: http://timesofindia.indiatimes.com/business/india-business/india-proposes-rcep-business-visa-card-under-mega-trade-deal/articleshow/58813760.cms (accessed 8 May 2017).

Trade Statistics for International Business Development. Available at: www.trademap.org (accessed 8 May 2017).

Waltz K. (1979) Theory of International Politics. New York: McGraw-Hill Higher Education.

Создание общей инфраструктуры Евразии: повестка для Евразийского экономического союза[1]

А.Б. Лихачева, И.А. Макаров, А.С. Пестич

Лихачева Анастасия Борисовна – к.полит.н., старший преподаватель Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20; E-mail: alikhacheva@hse.ru

Макаров Игорь Алексеевич – к.э.н., доцент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20; E-mail: imakarov@hse.ru

Пестич Александр Сергеевич – инженер Лаборатории регионального анализа и политической географии географического факультета МГУ; Российская Федерация, 119991, Москва, ул. Ленинские горы, д. 1; E-mail: apestich@hse.ru

Статья посвящена анализу тенденций развития транспортной инфраструктуры Евразии в контексте экономической и политической интеграции стран континента. После глобального финансового кризиса 2008–2009 гг. ведущие государства Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) выступили с предложениями о крупномасштабных инфраструктурных проектах на евразийском пространстве. Россия крайне заинтересована в интеграции в эти инициативы, однако сталкивается с рядом сложностей. Некоторые из них связаны с особенностями регулирования транспортных вопросов в рамках Евразийского экономического союза.

В статье анализируется текущий диалог в области развития инфраструктуры с государствами АТР, в том числе в рамках инициативы сопряжения Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути. Рассмотрены основные инфраструктурные инициативы на евразийском пространстве, представляющие потенциальный интерес для формирования комплексной инфраструктурной повестки ЕАЭС, а также определены основные вызовы и возможности для России, возникающие в рамках взаимодействия ЕАЭС и стран АТР в области инфраструктуры.

Авторы приходят к выводу, что для интеграции России в евразийские транспортно-логистические инициативы необходима увязка транспортной повестки с вопросами регулирования торговли и инвестиций. Для этого требуется тесное взаимодействие с Евразийской экономической комиссией, а в перспективе – и вовсе передача компетенций, связанных с развитием инфраструктурной повестки ЕАЭС, на наднациональный уровень.

Ключевые слова: Россия; Евразия; инфраструктура; сопряжение; ЕАЭС; транспорт

Для цитирования: Лихачева А.Б., Макаров И.А., Пестич А.С. (2018) Создание общей инфраструктуры Евразии: повестка для Евразийского экономического союза // Вестник международных организаций. Т. 13. № 3. С. 97–112 (на русском и английском языках). DOI: 10.17323/1996-7845-2018-03-06.

---

[1] Статья поступила в редакцию в декабре 2017 г.

Статья подготовлена за счет гранта Российского научного фонда № 17-18-01577 «Формирование Сообщества Большой Евразии и стратегии двустороннего взаимодействия России со странами региона».

Введение

После глобального финансового кризиса 2008–2009 гг. все ведущие азиатские государства инициировали или поддержали крупномасштабные инфраструктурные проекты на евразийском пространстве. Так, АСЕАН приложила немало усилий для продвижения концепции «наращивания взаимосвязей» в рамках самой Ассоциации и в качестве части проекта Всеобъемлющего регионального экономического партнерства (ВРЭП) [Kimura, 2010; Lewis, 2013]. Республика Корея в октябре 2013 г. официально представила корейскую евразийскую инициативу [KIEP, 2013]. Индия стала позиционировать себя как континентальную державу и начала активное продвижение идеи трансъевразийского Международного транспортного коридора «Север – Юг» [KIEP, 2013]. Наконец, Китай в 2013 г. объявил о запуске амбициозных инициатив «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути», которые позднее были объединены в общую мегаинициативу «Пояс и Путь» [Wang, 2016].

Россия также заинтересована в участии в международной транспортной повестке на евразийском пространстве. Это участие реализуется через различные институты и ведомства. Во-первых, ряд инициатив обсуждается и прорабатывается на двустороннем уровне, прежде всего проекты по развитию трансграничных транспортных коридоров между Россией и Китаем [Зуенко, 2017], Казахстаном и Китаем [Abdullaev et al., 2016], и трехстороннем – между Россией, КНДР и Республикой Корея [Lee, 2017]. Во-вторых, частично транспортная повестка находится в зоне ответственности Евразийской экономической комиссии (ЕЭК), поскольку именно комиссия отвечает за реализацию сопряжения ЕАЭС и ЭПШП [Скриба, 2016; Макаров, Соколова, 2016]. В-третьих, проактивную позицию занимает Евразийский банк развития (ЕАБР), выступающий и инвестором, и координатором инвестиций других институтов развития для инфраструктурных проектов на территории ЕАЭС [ТАСС, 2016]. Наконец, отдельные проекты реализуются в рамках прямого сотрудничества стран – членов ЕАЭС и международных институтов развития, таких как Всемирный банк, Азиатский банк развития, Европейский банк реконструкции и развития и пр.

Сегодня транспортная повестка в отношениях между ЕАЭС и странами АТР присутствует только в переговорах с Китаем, в перспективе она будет развиваться в рамках переговоров о ЗСТ с Сингапуром в части регулирования транспортных услуг. Со стратегической точки зрения ключевым треком для реализации евразийской транспортной повестки является именно взаимодействие ЕЭК со странами региона. Главная причина состоит в том, что ЕЭК – единственный игрок, способный в перспективе представлять консолидированную позицию стран – членов Евразийского экономического союза сразу по трем принципиальным вопросам – торговле, инвестициям и инфраструктуре.

Ключевое препятствие, сдерживающее развитие такого диалога, – отсутствие у ЕАЭС необходимого уровня полномочий по формированию общесоюзной транспортной повестки с третьими странами. Более того, реализация элементов общей транспортной политики внутри Союза порой сталкивается с тяжелыми разногласиями между его членами, прежде всего Россией и Казахстаном. В настоящий момент транспортная повестка ЕАЭС не увязана с торговой и инвестиционной, данные сюжеты не рассматриваются в комплексе. Вопрос, как либерализация торговых режимов может способствовать обеспечению рентабельности инфраструктурных проектов, пока не поднимается, хотя имеет прямое отношение к обеспечению устойчивой региональной интеграции.

Данная статья посвящена анализу существующих евразийских проектов в области инфраструктуры. Цель работы – предложить механизмы, с помощью которых ЕАЭС

мог бы активизировать свое участие в реализации таких проектов. В следующих разделах рассмотрены основные транспортные инициативы, реализуемые в Центральной и Восточной Азии и представляющие потенциальный интерес для формирования комплексной инфраструктурной повестки ЕАЭС. Далее представлен анализ перспектив развития в Евразии авиационного транспорта. Статья завершается определением основных вызовов в транспортно-логистической сфере, которые встают перед Россией в рамках диалога между Евразийской экономической комиссией и ее партнерами, а также рекомендациями по совершенствованию работы евразийских институтов в этой сфере.

Транспортные инициативы в Центральной Евразии

Центральным компонентом развития инфраструктуры в Центральной Евразии выступает инициатива «Экономического пояса Шелкового пути» (ЭПШП). Этот термин – общее название инфраструктурных, энергетических и некоторых других проектов, реализованных, реализуемых или планируемых в центральной части Евразийского континента с участием Китая. С момента выступления Си Цзиньпина в Астане в 2013 г., на котором «Экономический пояс Шелкового пути» был впервые упомянут, система взглядов Китая на общеевразийскую инфраструктуру уже несколько раз подверглась ребрендингу: сначала ЭПШП и Морской путь XXI в. были объединены в обобщающую инициативу «Один пояс, один путь», далее она стала называться инициативой «Пояса и пути». Однако конкретным практическим наполнением ЭПШП так и не оброс. Многие интерпретаторы, следуя естественной аналогии с Великим Шелковым путем, трактуют цель ЭПШП как создание новых маршрутов доставки товаров из Азии в Европу. Си Цзиньпин, когда в 2014 г. объявлял о готовности Китая вложить 40 млрд долл. в созданный специально для финансирования ЭПШП Фонд Шелкового пути, также обозначал в качестве цели инвестиций строительство и модернизацию транспортной инфраструктуры для увеличения объемов торговли со странами Европы [Hong, 2017].

Неудивительно, что большая часть дискуссий об ЭПШП вращается вокруг сравнения различных маршрутов из Азии в Европу. Согласно большинству оценок, наиболее реалистичный вариант предполагает перевозку грузов из Западного Китая через Казахстан с дальнейшим движением по территории России через Москву к границам с Европейским союзом. Этот маршрут уже фактически функционирует: с 2011 г. осуществляется регулярная поставка мониторов и ноутбуков Hewlett-Packard контейнерными поездами, следующими по маршруту Чунцин (Китай) – Дуйсбург (Германия). С 2012 г. примерно раз в неделю по Транссибу курсирует поезд Чэнду (Китай) – Лодзь (Польша). В 2013 г. была окончательно запущена железная дорога Цзинхэ – Хоргос – Жетыген, что позволило сократить время доставки груза из Чунцина в Дуйсбург до 15 дней. Впрочем, расширение использования этого маршрута потребует еще существенных инвестиций в модернизацию инфраструктуры [Макаров, Соколова, 2016].

Одним из вариантов развития маршрута является строительство вдоль него высокоскоростной магистрали. Так, в октябре 2014 г. китайские инвесторы заявили о готовности вложения средств в строительство ВСМ Москва – Казань при условии продления железной дороги до Пекина. РЖД активно продвигают этот коридор под брендом «Высокоскоростная магистраль «Евразия» – она должна объединить железной дорогой Берлин, Москву и Пекин. Впрочем, у многих экспертов рентабельность перевозок как грузов, так и пассажиров на столь большие расстояния по высокоскоростной магистрали вызывает большие сомнения. Даже по обычной железной дороге железнодорожные

грузовые перевозки проигрывают по стоимости морским, а пассажирские едва ли конкурентоспособны по сравнению с авиасообщением [Караганов, 2015].

Пока даже строительство московско-казанского сегмента находится в стадии согласования. В июне 2016 г. Китай подтвердил готовность вложить в него как минимум 8 млрд долл., а вскоре после этого о желании участвовать в финансировании заявил консорциум немецких компаний. Российскими властями ВСМ «Москва – Казань» также рассматривается как один из приоритетных проектов. В.В. Путин еще в 2015 г. заявил, что он «станет модельным проектом для российско-китайского взаимодействия в области транспорта и инфраструктуры» [JSC "High-Speed Rail Lines", 2015]. Однако строительство трассы так и не началось: камнем преткновения остаются многочисленные детали, начиная с порядка финансирования и заканчивая шириной колеи и тем, кому будут поручены подрядные работы.

Еще один сюжет, регулярно обсуждаемый на дискуссиях об ЭПШП, – это возможность развития маршрута в обход России. Самый дешевый из таких вариантов – путь через Казахстан и Иран с потенциальной стоимостью доставки грузов в Европу около 1700 долл. за TEU и необходимыми инвестициями объемом около 2 млрд долл. США. Альтернативный маршрут через казахстанский порт Актау с переправкой грузов через Каспийское море в Баку, далее в Поти и по Черному морю в Констанцу является самым дорогим для перевозчиков: до 5000 долл. за TEU. Лишь при условии масштабных (8 млрд долл.) инвестиций в расширение портов, реконструкцию дорог, строительство туннелей и контейнерно-логистических центров стоимость перевозок снизится до 1500 долл. за TEU [Караганов, 2015]. Из Баку маршрут может быть направлен в Карс (через Нахичевань или Тбилиси), а далее через Стамбул по железной дороге в Европу. В Турции работы по развитию соответствующей инфраструктуры ведутся в том числе и с использованием китайского капитала.

Кроме железных дорог, развития требуют и автомобильные маршруты. Еще в августе 2004 г. была открыта первая Транскитайская автомобильная магистраль, проходящая от порта Ляньюньгань до КПП Хоргос на границе с Казахстаном [Там же]. В 2016 г. Китай присоединился к Конвенции о международных дорожных перевозках, что позволяет теперь не перегружать товар с китайских фур на казахские и киргизские прямо на границе и, таким образом, удешевляет логистику. Ключевым препятствием для развития международных автоперевозок в регионе остается недостаточное развитие автодорожной инфраструктуры.

Одним из основных международных проектов в области автодорожного строительства является транспортный коридор «Западная Европа – Западный Китай», основная цель которого состоит в укреплении экономических и хозяйственных связей между Европой и Азией. Коридор пройдет от Санкт-Петербурга до города Ляньюньган в Китае. В России в июне 2016 г. анонсирован проект автодороги «Меридиан» стоимостью 8 млрд долл. США. Его цель – формирование «южного дублера» коридора «Западная Европа – Западный Китай». Проект предусматривает прокладку спрямленного автодорожного коридора протяженностью около 2 тыс. км в 350 км южнее Москвы от границы с Казахстаном до границы с Беларусью.

Идея транзита, как железнодорожного, так и автомобильного, активно продвигается российскими транспортными компаниями), а также руководством центральноазиатских и частично закавказских республик (некоторые из этих стран для нужд железнодорожного транзита уже изъявили готовность к смене стандарта колеи – процессу достаточно болезненному не только с технической, но и с внешнеполитической точки зрения) [Лузянин и др., 2015]. Вместе с тем перспективы значительного увеличения транзита товаров из Китая в Европу выглядят неоднозначными. Товарооборот по

этому направлению растет существенно медленнее, чем десятилетие назад. Китайский экспорт с 2014 г. падает. С учетом все еще слабых перспектив роста в ЕС и постепенной трансформации китайской экономики эти тенденции могут иметь долгосрочный характер. Вместе с тем в последнее десятилетие реализованы масштабные планы по развитию мощностей морских перевозок: расширен Суэцкий канал, значительно вырос количественно торговый флот. В этих условиях стоимость морских перевозок, вероятно, будет продолжать падать, и они останутся недостижимыми для сухопутных по стоимости. Безусловно, будет нарастать значимость неэкономических факторов (в том числе рисков военно-политического характера), подталкивающих Китай к диверсификации маршрутов экспортных поставок, однако едва ли этот мотив достаточно силен, чтобы ради него перекраивать всю логистическую карту континента.

Вероятно, транзит как таковой не является самоцелью ЭПШП. Гораздо важнее другие мотивы: перенос за рубеж избыточных строительных мощностей, возникших в Китае в период инфраструктурного бума; обеспечение доступа к природным ресурсам Центральной Евразии; потенциальный перенос в этот регион части грязных и трудоемких производств, все менее привлекательных для размещения в Китае по мере роста доходов и обострения экологических проблем; обеспечение доступа к новым рынкам сбыта (включая рынки таких стран, как Иран и Пакистан), которые пока не очень емкие, но со временем безусловно будут расширяться; поддержание относительной стабильности как в Центральной Азии, так и в Синьцзян-Уйгурском автономном районе [Бордачев и др., 2015; Макаров, Соколова, 2016; Hong, 2017].

Показательно, что наиболее активно развивающаяся часть евразийской инфраструктурной сети – Китайско-Пакистанский экономический коридор. В 2015 г. Китай подписал соглашение с Пакистаном об аренде глубоководного порта в Гвадаре (недалеко от границы с Ираном) сроком на 40 лет. Железная дорога, связывающая Кашгар (Синьцзян-Уйгурский автономный район, Западный Китай) с Гвадаром и нацеленная на сокращение пути из Китая в Пакистан с 12 дней до 36 часов [Содружество независимых государств..., 2016], уже строится. Ради нее Китай оказался готов пойти на конфликт с Индией, связанный с тем, что железная дорога пролегает через спорную территорию региона Кашмир. В Пакистан же направлены первые инвестиции Фонда Шелкового пути (1,65 млрд долл. США в апреле 2015 г.), причем они, вопреки исходным заверениям Си Цзиньпина об ориентированности фонда на транспортные проекты, выделены на строительство ГЭС. Инвестиции в Пакистан не имеют ничего общего с транзитом товаров в Европу, однако концентрируют в себе все основные цели ЭПШП: доступ к новым источникам природных ресурсов и рынкам, усиление влияния в Центральной Евразии, диверсификация направлений экспорта как инструмент страхования от рисков перекрытия Малаккского пролива и военно-политической напряженности в Индийском океане.

Транспортные инициативы в Восточной Азии

С точки зрения развития транспортной инфраструктуры Восточная Азия крайне неоднородна. Крупнейшие экономики – Китай, Южная Корея и Япония – имеют густую внутреннюю транспортную сеть, при этом пространственно изолированы друг от друга. Российский Дальний Восток, в первую очередь Приморский край, который находится в середине треугольника Китай – Корея – Япония, способен превратиться в связующую составляющую инфраструктурной сети региона. Этому могут способствовать, во-первых, постепенная регионализация международной торговли и переход азиатских стран с модели «Азия для мира» на модель «Азия для Азии» [Бордачев, Лихачева, Синь,

2015]; во-вторых, постепенный перенос центра экономического роста в Китае с провинций восточного побережья на периферию [Makarov, 2017]. К последней относятся и провинции северо-востока – Цзилинь, Хэйлунцзян и Внутренняя Монголия.

Каналом связи с мировой экономикой для этих провинций могут стать международные транспортные коридоры (МТК) «Приморье-1» и «Приморье-2», проходящие по маршрутам Харбин – Владивосток и Хуньчунь – Зарубино. В июле 2017 г. в ходе визита Си Цзиньпина в Россию было подписано межправительственное соглашение о развитии обоих МТК. Оптимистичные планы предполагают, что к 2030 г. их грузооборот может достигнуть 45 млн т, из которых половина придется на зерновые (например, сою, поставляемую на северо-восток Китая), а еще половина – на контейнерные грузы. По оценкам Минвостокразвития, для России ежегодный дополнительный прирост ВВП может составить 29 млрд руб. Экономика Приморья может вырасти на 4–5% и создать около 3 тыс. рабочих мест. Экономия китайских компаний от использования МТК может составить 700 млн долл. США [Дмитракова, Дробышева, 2017].

По отчетам региональных администраций, грузы через МТК «Приморье-1» и «Приморье-2» уже отправляются, однако их объемы измеряются сотнями контейнеров – это можно рассматривать как пробные поставки. Для того чтобы достичь ожидаемых объемов грузов, необходимо значительное увеличение пропускной способности всех видов транспортной инфраструктуры. Строительство и модернизация ключевых автодорог уже ведутся. Но ключевым элементом транспортного коридора «Приморье-2» является строительство порта Зарубино. Проект группы «Сумма» предполагает строительство контейнерного, зернового, глиноземного и универсального терминалов суммарной мощностью до 60 млн т. Изначально компания рассчитывала на государственное софинансирование, однако оно не было выделено, и стройка фактически была заморожена. Китайские партнеры, а именно компания China Merchants Group, с которой заключено соглашение о намерениях, также не спешат финансировать проект [Зуенко, 2017].

Выжидательная стратегия всех потенциальных участников понятна. В настоящее время в развитии коридоров «Приморье-1» и «Приморье-2» слишком много неопределенностей.

Во-первых, хотя отправка грузов из провинции Хэйлунцзян через Владивосток втрое короче по километражу, чем через Далянь, она, по оценкам McKinsey, обходится дороже на 5–15%, а главное – занимает 220 часов вместо 85 по причине долгих трансграничных процедур [Зуенко, 2017]. Для сокращения времени транзита отдельных категорий товаров по МТК были разработаны предложения Министерства по развитию Дальнего Востока, согласно которым товары, доставленные в порты МТК, будут проходить таможенное оформление непосредственно на сухопутной границе. Время доставки груза в таком случае может быть сокращено с 24 до 13 часов по МТК «Приморье-1» и до 4–5 часов по МТК «Приморье-2» [Минвостокразвития, 2017].

Во-вторых, любой потенциальный инвестор хочет быть уверен, что после модернизации порта и инфраструктуры по коридору пойдут грузы. Китайцы не могут этого гарантировать, так как бизнес, который будет осуществлять перевозку большей части товаров, – частный, причем нередко представлен средними и малыми компаниями [Зуенко, 2017]. Их решения о путях транспортировки определяются соотношением выгод и затрат. Пока режим работы с грузами на коридорах «Приморья» не будет максимально облегчен, они вряд ли будут конкурентоспособны.

Один из главных инструментов облегчения режима движения товаров – свободный порт Владивосток. Режим *porto franco*, уже распространенный на два десятка муниципальных образований Дальнего Востока, призван одновременно и привлечь инвестиции в новые производства, расширив тем самым базу экспорта, и упростить

обслуживание потенциальных грузопотоков. Для выполнения этих целей пока прошло слишком мало времени. Но пока незаметно, чтобы статус свободного порта как-то стимулировал экспорт готовой продукции. Если по отгрузке сырья дальневосточные порты демонстрируют позитивную динамику, то по перевалке контейнеров тихоокеанский бассейн стал в 2016 г. единственным в России, демонстрирующим отрицательные темпы роста. В то же время отправка контейнеров по железной дороге постепенно активизируется, хотя и с очень низкой исходной базы [Avelana, 2017].

В отношении Китая не менее важна и инфраструктура наземного транспорта. Так, автодорожный мост через Амур между Благовещенском и Хэйхэ позволит осуществлять круглогодичное всепогодное транспортное сообщение с КНР. Концессионное соглашение о строительстве моста подписано в июне 2016 г. Окончание первого этапа строительства планируется на 2019 г., а далее, на втором этапе, планируется дополнить автодорожный мост железнодорожным. В рамках развития острова Большой Уссурийский российская и китайская стороны продолжают переговоры о строительстве двустороннего грузопассажирского постоянного автомобильного пункта пропуска Хабаровск (остров Большой Уссурийский) – Фуюань (КНР). В Еврейской автономной области ведется реконструкция дороги «Биробиджан – Унгун – Ленинское», открывающая новый коридор провоза грузов из ЕАО и западных районов Хабаровского края в провинцию Хэйлунцзян [EAOmedia, 2017].

Важную роль в развитии российского зернового экспорта в Китай должно сыграть строительство зернового железнодорожного терминала Забайкальск – Маньчжурия, который должен заработать уже в 2018 г. и со временем будет готов обслуживать поставки зерна в объеме до 8 млн т в год [Макаров, 2017].

Интеграция территорий Востока России в китайские транспортные инициативы возможна также за счет китайско-монголо-российского экономического коридора. Еще весной 2014 г. министр иностранных дел КНР Ван И заявил, что эта инициатива будет означать объединение китайского проекта «Один пояс, один путь», монгольской идеи «Степного пути» и российской идеи Трансъевразийского коридора. Развитие транспортного коридора в Китай через Монголию имеет большое значение для Восточной Сибири, которая сможет поставлять продукцию в Китай, минуя узкие места Восточного полигона Транссиба. Кроме того, меридиональный транспортный коридор может позволить запустить аутсорсинг из Китая в Восточную Сибирь водоемкой и энергоемкой продукции, который ранее частично сдерживался транспортными барьерами [Макаров, Соколова, 2016].

Впрочем, пока проект экономического коридора Китай – Монголия – Россия так и не запущен. Ключевые проблемы – это отсутствие источников финансирования. В России свободных источников для столь масштабных проектов в настоящий момент нет. Выраженный интерес со стороны Монголии отсутствует – она пока не видит для себя выгод от данной инициативы. Тот же российский уголь, который мог бы пойти по маршруту, является конкурентом монгольскому. Что касается Китая, то его потребности в угле крайне неопределенны в связи с политикой перехода на природный газ, а перспектива переноса в Восточную Сибирь энергоемких и водоемких китайских производств пока не кажется китайским партнерам привлекательной – по причинам, связанным скорее с инвестиционным климатом и общим высоким уровнем недоверия к российской экономике, чем с недостатком инфраструктуры.

Пока, кроме отдельных проектов по упрощению режима пограничных переходов и строительства мостов, не включен в повестку сопряжения Амур, хотя перспективы развития речного транспорта в регионе значительны. *Программа комплексного освоения Амура как транспортно-логистической артерии* может решить сразу несколько

задач: разгрузить Транссибирскую магистраль и облегчить доступ экспортных товаров из России на внешние рынки, наладить элементы эффективного российско-китайского управления рекой, закрепить выгодный России и постоянно оспариваемый Китаем статус Амура как реки, «свободной от плотин». По предварительным оценкам, проект комплексного развития Амура как транспортной артерии может практически продублировать БАМ по мощности перевозок.

С учетом уникального биоразнообразия Амура, важности реки для поддержания всех экосистем региона, статуса самой протяженной речной границы в мире и значительного дисбаланса в управлении рекой с российской и китайской стороны, разработка такого проекта требует полноценного межправительственного и межведомственного диалога, привлечения средств международных институтов развития и применения принципов стратегической экологической оценки, утвержденных ООН [Министерство природных ресурсов и экологии РФ, 2014].

Как показывает опыт китайских соседей, расположенных в бассейне р. Меконг (Лаоса, Камбоджи, Таиланда, Вьетнама, Мьянмы), опыт Индии в отношении Брахмапутры, Казахстана – по Иртышу, без погружения Китая в более широкие переговорные форматы добиться необходимого прогресса в регулировании амурского бассейна не представляется возможным. Принимая во внимание схожие проблемы между Китаем, Казахстаном и Россией по Иртышу, перевод амурской проблемы на евразийский уровень представляется перспективным, хотя и столкнется с сопротивлением со стороны Китая, предпочитающего обсуждать подобные вопросы на уровне двусторонних бассейновых комиссий.

Новые авиахабы Евразии

Несмотря на относительно малую долю авиатранспорта в общем объеме грузоперевозок, с точки зрения наращивания взаимосвязей между странами, рекреационного и делового туризма его роль сложно переоценить. В настоящее время размещение крупнейших мировых авиахабов строго подчинено сетке маршрутов между тремя главными центрами экономической активности: Северной Америкой, Европой и Восточной Азией.

В ближайшее время в мире ожидается подъем производственных и потребительских площадок второго уровня, которые пока обслуживаются грузовой авиацией по периферийному принципу из мировых мегахабов. Одна из таких площадок будет развиваться в Центральной Евразии. При этом регион пока не может предложить полноценных хабов для авиаперевозчиков, его аэроинфраструктура никак не соответствует перспективам роста. На карте авиаперевозок пространство между Франкфуртом-на-Майне, восточным побережьем Китая и югом Аравийского полуострова – практически белое пятно без крупных авиатерминалов и с низкой интенсивностью полетов (рис. 1).

Поэтому принципиально важным становится развитие на территории Центральной Евразии континентальных хабов второго уровня. Вряд ли в степях Казахстана или пустынях Синьцзяна в ближайшее десятилетие вырастет новый Дубай или Гонконг, но в течение ближайших 5–7 лет в регионе должны появиться новые хабы второго уровня, ориентированные на обслуживание интересов и производства, и новых потребителей-горожан. Конкуренция между аэропортами в России, Казахстане, на Западе Китая, в Турции и Иране за размещение таких хабов уже разворачивается.

Аэропорт Чэнду уже вошел в число 50 крупнейших аэропортов мира по грузообороту [The Port Authority of NY & NJ, 2016]. В ближайшие годы вероятен рост грузопотока через Сиань, Ланьчжоу, Урумчи. При этом темпы строительства новых инфраструктур-

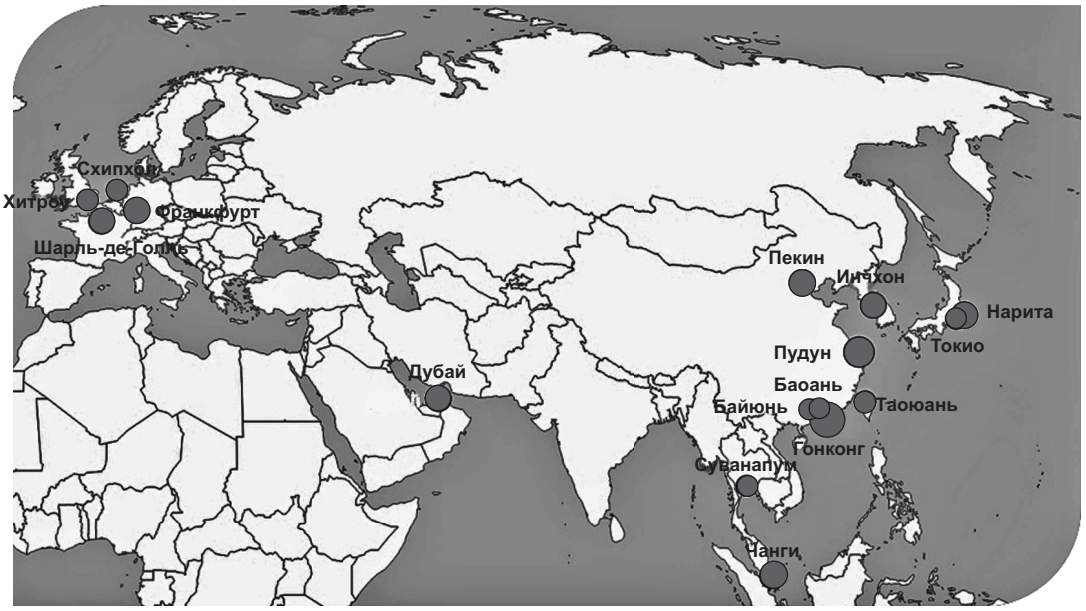

Рис. 1. Карта крупнейших мегаавиахабов на евразийском пространстве

Источник: составлено авторами.

ных мощностей в Китае по-прежнему остаются недостижимыми для остальных стран Евразии [KPMG, 2009]. Об амбициозных проектах заявляют и партнеры России по Евразийскому экономическому союзу: казахстанская Алма-Ата заявляет о намерении создать евразийский хаб, вплоть до строительства аэропорта с нуля [Ни, 2015]. Если раньше подобные проекты ограничивались политической риторикой, то в свете реализации проектов «Экономического пояса Шелкового пути» шансы Алма-Аты на привлечение крупного инвестора возрастают. Подобные же планы, хотя и менее громко обозначаемые, имеют Караганда и Астана.

Активизация экономико-политических процессов в Центральной Евразии открывает широкие возможности и перед аэропортами России. Екатеринбург, Новосибирск, Красноярск обладают необходимыми конкурентными преимуществами для превращения в полноценные хабы второго уровня. На руку им играет и выгодное географическое положение, и наличие квалифицированной рабочей силы, и собственные технологические производства, и относительно благоприятные природные условия (низкая сейсмичность, неподверженность тайфунам и сильным ветрам).

Миф о снеге как преграде к успешному хабу уже много лет эффективно развенчивает американский Анкоридж, пятый грузовой хаб в мире с грузооборотом 2,5 млн т — почти вдвое больше суммарного грузооборота российских аэропортов. При этом норма осадков с ноября по февраль в Анкоридже (95 мм) сопоставима и с Екатеринбургом (107), и с Новосибирском (113) [Погода и климат, 2017]. Даже мегахабы с одинаковым успехом появлялись и в пустыне с небольшим населением (Дубай), и в многомиллионных мегаполисах, подверженных тайфунам (как Гонконг и Шанхай).

Наличие сильных региональных элит также повышает шансы на эффективное сотрудничество с якорным инвестором и привлечение эффективных компаний-операторов. Результат уже есть: и в Екатеринбурге, и в Новосибирске в последние годы начата модернизация аэропортов «Кольцово» и «Толмачево».

Определенные возможности для развития авиахабов есть у российского Дальнего Востока. Он наиболее близко расположен к азиатским рынкам: Владивосток находится в 2–3 часах лета от ключевых производственных площадок Азии. При этом владивостокский аэропорт «Кневичи» не может конкурировать с уже успешно работающими мегахабами Инчхоном, Шанхаем, Гонконгом, Токио, Шэньчженем в части обслуживания наиболее востребованных маршрутов, в том числе в США. Намного перспективнее для него привлечение якорных компаний из второй десятки мирового рейтинга грузовых перевозчиков на максимально выгодных условиях и стратегия использования аэропорта Владивостока как вспомогательного регионального, а не трансконтинентального хаба. В качестве примера может быть взята модель Льежского аэропорта, который не конкурировал с Франкфуртом, а максимально его дополнял – и за последние десять лет стал одним из успешных примеров хабов второго уровня [Orban, 2017]. Вероятно, работа нового собственника аэропорта, консорциума Российского фонда прямых инвестиций, сингапурской Changi Airports International и группы компаний «Базовый элемент» будет ориентирована именно на эту стратегию.

Вызовы для России и рекомендации по интеграции транспортной повестки в сотрудничество ЕАЭС с азиатскими странами

Даже без учета вопросов финансирования развития инфраструктуры, в долгосрочной перспективе Россия столкнется с рядом связанных с транспортом барьеров, препятствующих наращиванию экспорта в страны АТР:

– критическая загруженность Транссиба, в условиях отсутствия меридиональных маршрутов сдерживающая дальневосточный и особенно сибирский экспорт;

– потенциально высокая конкуренция с Казахстаном по ряду экспортных позиций, что в условиях интенсивного наращивания казахстано-китайской инфраструктуры может негативно повлиять на экспортный потенциал Сибири и Дальнего Востока;

– проблемы российско-китайского управления в бассейне Амура и российско-казахско-китайского – в бассейне Иртыша.

Эти вызовы не позволяют найти эффективные решения в рамках исключительно региональных переговоров: в первом случае необходим вывод проблемы на федеральный уровень, а также развитие диалога с Казахстаном в связи с увеличением транзитных потоков через Транссиб и освоением новых путей экспорта. Во втором случае стоит проблема конкуренции внутри ЕАЭС и гармонизации нетарифных барьеров в отношении стран – членов ЕАЭС со стороны Китая. Третий случай – пример китайского подхода к управлению международными водными бассейнами.

Внешние факторы, которые будут оказывать определяющее влияние на качество диалога ЕАЭС со странами АТР по транспортно-логистической тематике и, соответственно, на участие России в таких проектах, включают темпы и географию экономического роста Китая, перспективы торгово-экономического сотрудничества Китая со странами Азии, ЕАЭС и США и, наконец, степень торговой либерализации внутри Азии и азиатских государств с внешними партнерами, в том числе с Россией. Ключевой внутренний фактор – это уровень полномочий ЕАЭС по выработке общей транспортной повестки.

В настоящее время ЕАЭС ведет и готовится вести переговоры о торговой либерализации с Республикой Корея, Сингапуром и Индией. С Китаем на этапе финализа-

ции находится текст непреференциального торгово-экономического соглашения. Со всеми этими государствами существует почва для диалога в области инфраструктуры.

В отношении Республики Корея ситуация наиболее перспективна и одновременно наименее стабильна в силу кризиса в отношениях Сеула и Пхеньяна. Южная Корея, запустившая с 2013 г. собственную Евразийскую инициативу, пока никак не вовлечена в транспортную повестку ЕАЭС, и на уровне предварительных исследований о целесообразности ЗСТ транспортная повестка никак не прорабатывалась.

Существующие политические противоречия между двумя Кореями пока не позволяют оптимистично оценивать перспективы транскорейской железной дороги (главного проекта в рамках корейской Евразийской инициативы), однако в будущем данный проект может оказать положительное влияние на развитие региона – и через загрузку портов, и через развитие железнодорожного транзита. Более того, визит в Москву спецпосланника нового президента Кореи Мун Чжэ Ина в августе 2017 г. был посвящен обсуждению возвращения к корейской политике «солнечного тепла», предполагающей развитие транскорейских проектов.

Сингапур в перспективе может стать одним из ключевых инвесторов в российскую транспортную инфраструктуру. Сингапурская компания Changi Airports International уже вовлечена в развитие аэропорта «Кневичи»; велик потенциал привлечения сингапурских партнеров к расширению портов Приморья и особенно развитию инфраструктуры Северного морского пути. Россия заинтересована в том, чтобы эти вопросы были увязаны с проблемами торговой либерализации в рамках диалога ЕАЭС – Сингапур.

Что касается Индии, то можно ожидать, что на анонсированных в июне 2017 г. переговорах с Индией о ЗСТ из транспортно-логистических сюжетов будет прорабатываться международный транспортный коридор «Север – Юг» (МТК «Север – Юг»), проходящий по европейской части России, Кавказу или Казахстану, Ирану и через Аравийское море идущий в Мумбаи. Важно, чтобы проект МТК «Север – Юг», которому и Россия, и Индия, и Армения, и Казахстан уделяют приоритетное внимание, не дезориентировал индийский бизнес в отношении перспектив сибирского и дальневосточного экспорта. На сегодняшний день есть риск, что проект коридора сведет партнерство с Россией до регионов в европейской части страны. В этой связи на переговорах по ЗСТ важно объединение транспортной повестки коридора и обсуждение расширения торгово-инвестиционного сотрудничества между Индией и зауральскими регионами России, прежде всего Дальним Востоком, имеющим возможность морской торговли с Индией.

В ближайшей перспективе представляется целесообразным в рамках имеющихся полномочий Комиссии максимально увязать транспортную повестку в диалоге с Китаем с остальными сюжетами переговоров, прежде всего с нетарифными барьерами и обменом информацией. При запуске переговоров с Индией и Республикой Корея это также является необходимым условием для интеграции российской транспортной системы в транспортно-логистическую сеть Евразийского региона. В противном случае высок риск того, что транспортные проекты будут обсуждаться без оценки связанных с их реализацией прямых торговых эффектов.

Пример проекта зернового терминала в порту Зарубино при сохраняющемся запрете на импорт дальневосточной пшеницы в КНР, нестабильных фитосанитарных нормах в Индии и заградительных пошлинах и карантинном допуске пшеницы в Республику Корея подтверждает высокую зависимость транспортного сотрудничества между ЕАЭС и странами АТР от более широких рамок торгового регулирования.

В среднесрочной перспективе ЕЭК, вероятно, будет стремиться к наращиванию полномочий и максимальному переводу транспортной повестки на уровень наднационального регулирования: только это позволит добиться максимальной реализации как транзитного, так и экспортного потенциала стран – членов Союза. Однако данный процесс может занять от трех до пяти лет.

ЕАЭС пока никак не участвует и в процессе привлечения средств из международных институтов развития, включая Азиатский банк инфраструктурных инвестиций и Новый банк развития БРИКС, Фонд Шелкового пути. У ЕЭК нет своих представителей в данных структурах, хотя реализация ряда инфраструктурных проектов в регионе априори потребует наднационального регулирования и, возможно, управления. Активизация диалога ЕЭК с региональными институтами развития – еще одно необходимое условие для эффективной реализации инфраструктурной повестки Союза.

Источники

Авелана (2017) Объем контейнерных перевозок по сети РЖД в январе – ноябре 2017 года увеличился на 19,3%. Транспортно-экспедиторская компания «Авелана логистик». Режим доступа: http://avelana.ru/obem-kontejnernyh-perevozok-po-seti-rzhd-v-yanvare-noyabre-2017-goda-uvelichilsya-na-19-3/ (дата обращения: 21.11.2017).

Бордачев Т.В., Лихачева А.Б., Синь Дж (2015) Чего хочет Азия? // Россия в глобальной политике. Т. 13. № 1. С. 82–95.

Дмитракова Т., Дробышева И. (2017) Транзит не тормозит // Российская газета. Режим доступа: https://rg.ru/2017/09/05/reg-dfo/proekty-razvitiia-mtk-v-primore-poluchili-prakticheskie-ochertaniia.html (дата обращения: 15.11.2017).

Зуенко И. (2017) Придут ли китайские инвестиции в порты Дальнего Востока / Московский центр Карнеги. 29 июня. Режим доступа: http://carnegie.ru/commentary/71383 (дата обращения: 24.09.2017).

Караганов С.А. (ред.) (2015) К Великому океану – 3: Создание Центральной Евразии. М.: МДК «Валдай».

Лузянин С.Г., Кортунов А.В., Карнеев А.Н., Портяков В.Я., Матвеев В.А., Хуашэн Ч., Юйцзюнь Ф., Ши Ц., Гуанчэн С., Лю Х. (2015) Российско-китайский диалог: модель. М.: Спецкнига.

Макаров И.А. (2017) Российско-китайское сотрудничество в сельском хозяйстве // ЭКО № 5. С. 23–42.

Макаров И.А., Соколова А.К. (2016) Сопряжение евразийской интеграции и Экономического пояса Шелкового пути: возможности для России // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. Т. 11. № 2. С. 40–57.

Минвостокразвития РФ (2017) Минвостокразвития намерено сократить в Приморье срок прохождения грузов по МТК. Режим доступа: https://minvr.ru/press-center/news/5015/ (дата обращения: 08.11.2017).

Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации (2014) Пятый национальный доклад «Сохранение биоразнообразия в Российской Федерации». Режим доступа: http://www.wipo.int/edocs/lexdocs/laws/ru/ru/ru204ru.pdf (дата обращения: 20.07.2018).

Ни О. (2015) В Алматы и Астане создадут авиационные хабы // Деловой портал Капитал. 22 июля. Режим доступа: https://kapital.kz/gosudarstvo/42190/v-almaty-i-astane-sozdadut-aviacionnye-haby.html (дата обращения: 09.10.2017).

Погода и климат (2017) Среднегодовое количество осадков. Режим доступа: http://www.pogodaiklimat.ru/ (дата обращения: 12.10.2017).

Скриба А.С. (2016) Сопряжение ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути: интересы участников и вызовы реализации // Вестник международных организаций. Т. 11. № 3. С. 67–81.

Содружество независимых государств. Исполнительный комитет (2016) Проект «Экономический пояс Шелкового пути». Перспективы для СНГ (информационно-аналитическая записка). Режим доступа: http://www.e-cis.info/index.php?id=731 (дата обращения: 21.11.2017).

ТАСС (2016) ЕАБР: проекты ГЧП будут наиболее перспективными для финансирования. 5 августа. Режим доступа: http://tass.ru/transport/3511254 (дата обращения: 18.09.2017).

Abdullayev S., Kiseleva O., Adilova N., Bakyt G., Vakhitova L. (2016) Key Development Factors of the Transit and Transport Potential of Kazakhstan // Transport problems. Vol. 11. No. 2.

EAOmedia (2017) Более 360 млн рублей вложили в реконструкцию участка дороги Биробиджан-Унгун-Ленинское // EAOmedia.ru – Новостной портал. Режим доступа: http://eaomedia.ru/news/617619/ (дата обращения: 12.11.2017).

Hong Y. (2017) Motivation behind China's 'One Belt, One Road' Initiatives and Establishment of the Asian Infrastructure Investment Bank // Journal of Contemporary China. Vol. 26. No. 105.

JSC "High-Speed Rail Lines" (2015) Russia and China to Invest over RUB 1tn in Moscow – Kazan HSR. Режим доступа: http://www.eng.hsrail.ru/press-center/publications/112.html (дата обращения: 02.10.2017).

KPMG (2009) Infrastructure in China: Foundation for Growth. Режим доступа: https://www.kpmg.de/docs/Infrastructure_in_China.pdf (дата обращения: 06.10.2017).

Kimura F., Kudo T., Umezaki S. (2010) ASEAN-India Connectivity: A Regional Framework and Key Infrastructure Projects. ASEAN India Connectivity: The Comprehensive Asia Development Plan, Phase II, ERIA Research Project Report. No. 7. Режим доступа: http://www.eria.org/publications/asean---india-connectivity-the-comprehensive-asia-development-plan-phase-ii/ (дата обращения: 20.07.2018).

Lee J.-Y. (2017) The New Northern Policy and Korean-Russian Cooperation. Valdai Discussion Club. Valdai papers. No. 76.

Lewis M.K. (2013) The TPP and the RCEP (ASEAN+ 6) as Potential Paths Toward Deeper Asian Economic Integration // Asian Journal of WTO & International Health Law and Policy. Vol. 2. No. 8. P. 359–378.

Makarov I.A. (2017) Transformation of the Economic Model in Asia-Pacific Region: Implications for Russia's Far East and Siberia. The Political Economy of Pacific Russia: Regional Developments in East Asia / J. Huang, A. Korolev (eds). Palgrave Macmillan. P. 76–101.

Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Korea (MOFAORK) (2013) The Eurasia Initiative. Режим доступа: http://www.mofa.go.kr/ENG/image/common/title/res/0707_eurasia_bro.pdf (дата обращения: 10.09.2017).

Orban A. (2017) Liège Airport Confirms its Leadership as Number One Cargo Airport in Belgium. Aviation24.be. 9 января. Режим доступа: http://www.aviation24.be/airports/liege/liege-airport-confirms-leadership-cargo-airport-belgium/ (дата обращения: 15.10.2017).

The Port Authority of NY & NJ (2016) Airport Traffic Report 2016. Режим доступа: https://www.panynj.gov/airports/pdf-traffic/ATR2016.pdf (дата обращения: 01.10.2017).

Wang Y. (2016) Offensive for Defensive: the Belt and Road Initiative and China's New Grand Strategy // Pacific Review. Vol. 29. No. 3.

Building a Common Eurasian Infrastructure: Agenda for the Eurasian Economic Union[1]

A. Likhacheva, I. Makarov, A. Pestich

Anastasia Likhacheva – PhD, Deputy Director, Center for Comprehensive European and International Studies, National Research University Higher School of Economics; 20 Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation; E-mail: alikhacheva@hse.ru

Igor Makarov – PhD, Associate Professor, National Research University Higher School of Economics; 20 Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation; E-mail: imakarov@hse.ru

Aleksandr Pestich – engineer, regional analysis and political geography research laboratory, Faculty of Geography, Lomonosov Moscow State University; 1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation

Abstract

The paper focuses on the development trends of the transport infrastructure of Eurasia in the context of the economic and political integration of the countries at this continent. Leading states of the Asia-Pacific region (APR) made proposals on large-scale infrastructure projects in the Eurasian space after financial crisis 2008–2009. Russia is extremely interested in integrating into these initiatives, but faces a number of difficulties. Some of them are connected with the peculiarities of regulation of transport issues within the framework of the Eurasian Economic Union.

The article analyzes Russia's current infrastructure development dialogue with the APR states, including the initiative of coordination of the Eurasian Economic Union and the Silk Road Economic Belt. The authors examine main Eurasian infrastructure projects interesting for complex EEU infrastructure development as well as the main challenges and opportunities for Russia arising in the framework of the interaction of the EEU and the APR countries in the field of infrastructure.

The authors conclude that integration of Russia into Eurasian transport and logistics initiatives requires the coordination of the transport agenda with trade and investment regulation. This coordination suggests close cooperation with the Eurasian Economic Commission, and in the long term – even the transfer of competencies related to the development of the EAEU infrastructure agenda to the supranational level.

Key words: Russia; Eurasia; infrastructure; conjugation; EEU; transport

For citation: Likhacheva A., Makarov I., Pestich A. (2018) Building a Common Eurasian Infrastructure: Agenda for the Eurasian Economic Union. *International Organisations Research Journal*, vol. 13, no 3, pp. 97–112 (in English). DOI: 10.17323/1996-7845-2018-03-06.

References

Abdullayev S., Kiseleva O., Adilova N., Bakyt G., Vakhitova L. (2016) Key Development Factors of the Transit and Transport Potential of Kazakhstan. *Transport Problems*, vol. 11, no 2. Available at: http://transportproblems.polsl.pl/pl/Archiwum/2016/zeszyt2/2016t11z2_02.pdf (accessed 21 November 2017).

Avelana (2017) Container Shipments by Russian Railways Up 19.3% in January-November 2017. Available at: http://avelana.ru/obem-kontejnernyh-perevozok-po-seti-rzhd-v-yanvare-noyabre-2017-goda-uvelichilsya-na-19-3 / (accessed 21 November 2017) (in Russian).

[1] The editorial board received the article in December 2017.

The article was prepared using a grant (No. 17-18-01577) from the Russian Science Foundation, "The Formation of a Community of Greater Eurasia and the Strategy of Bilateral Cooperation Between Russia and Countries of the Region".

Bordachev T.V., Likhacheva A.B., Xin Z. (2015) What Asia Wants. *Russia in global Affairs*, vol. 13, no 1, pp. 82–95.

Dmitrikova T., Drobysheva I. (2017) Transit Keeps Rolling. Rossiiskaya Gazeta, 9 September. Available at: https://rg.ru/2017/09/05/reg-dfo/proekty-razvitiia-mtk-v-primore-poluchili-prakticheskie-ochertaniia.html (accessed 15 November 2017) (in Russian).

EOAMedia (2017) More than 360 million rubles invested in reconstruction of Section of Birobidzhan – Ungun – Leninskoye Road. Available at: http://eaomedia.ru/news/617619/ (accessed 12 November 2017) (in Russian).

Hong Y. (2017) Motivation Behind China's "One Belt, One Road" Initiatives and Establishment of the Asian Infrastructure Investment Bank. *Journal of Contemporary China*, vol. 26, no 105.

JSC "High-Speed Rail Lines" (2015) Russia and China to invest over RUB 1 tn in Moscow – Kazan HSR. Available at: http://www.eng.hsrail.ru/press-center/publications/112.html (accessed 2 October 2017).

Karaganov S.A. (ed.) (2015) Towards the Great Ocean – 3: Creating Central Eurasia. Valdai Discussion Club Analytical Report, June. Available at: http://valdaiclub.com/files/17658/ (accessed 10 September 2017).

KIEP (2013) The Eurasia Initiative and Economic Cooperation in Northeast Asia Available at: http://www.kiep.go.kr/cmm/fms/FileDown.do;jsessionid=poxUArDjPaNIcj1dPvB1XE4Wwcwvvp0aI4Nw3KH1ax4XvUfZg7zFi2ZIuTVn6I5E.KIEPWEB_NEW_servlet_engine4?atchFileId=FILE_000000000005901&fileSn=1&bbsId=seminarReports (accessed 10 September 2017).

KPMG (2009) Infrastructure in China: Foundation for Growth. Available at: https://www.kpmg.de/docs/Infrastructure_in_China.pdf (accessed 6 October 2017).

Kimura F., Kudo T., Umezaki S. (2010) ASEAN-India Connectivity: A Regional Framework and Key Infrastructure Projects. ASEAN India Connectivity: The Comprehensive Asia Development Plan, Phase II, ERIA Research Project Report no 7.

Lee J.-Y. (2017) The New Northern Policy and Korean-Russian Cooperation. Valdai Discussion Club, Valdai Papers no 76.

Lewis M.K. (2013) The TPP and the RCEP (ASEAN+ 6) as Potential Paths Toward Deeper Asian Economic Integration. *Asian Journal of WTO & International Health Law and Policy*, vol. 8, no 2, pp. 359–378.

Luzyanin S.G., Kortunov A.V., Karneyev A.N., Portyakov V.Ya., Kashin V.B., Matveyev V.A., Huasheng Z., Yujun F., Shi Z., Guangcheng X., Liu H. (2015) Russian-Chinese Dialogue: The 2015 Model. Russian International Affairs Council. Moscow: Spetskniga.

Makarov I.A. (2017) Transformation of the Economic Model in Asia-Pacific Region: Implications for Russia's Far East and Siberia. *The Political Economy of Pacific Russia: Regional Developments in East Asia* / Huang, A. Korolev (eds). Palgrave Macmillan, pp. 76–101.

Makarov I.A. (2017) Russian-Chinese Cooperation in Agriculture. *ECO*, no 5, pp. 23–42 (in Russian).

Makarov I.A., Sokolova A.K. (2016) Integration of the Eurasian Union and the Silk Road Economic Belt: Opportunities for Russia. *International Organizations Research Journal*, vol. 11, no 2, pp. 29–42.

Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Korea (MOFAORK) (2013) The Eurasia initiative. Available at: http://www.mofa.go.kr/ENG/image/common/title/res/0707_eurasia_bro.pdf (accessed 10.09.2017).

Ministry of Natural Resources and Environment of the Russian Federation (2014) Fifth National Report "Conservation of Biodiversity in the Russian Federation." Available at: https://wwf.ru/resources/publications/booklets/conservation-of-biodiversity-in-the-russian-federation/ (accessed 20 September 2017).

Nee O. (2015) Airline Hubs to Be Created in Almaty and Astana. Capital Business Portal, 22 July. Available at: https://kapital.kz/gosudarstvo/42190/v-almaty-i-astane-sozdadut-aviacionnye-haby.html (accessed 9 October 2017) (in Russian).

Orban A. (2017) Liège Airport Confirms its Leadership as Number One Cargo Airport in Belgium. Aviation24.be, 9 January. Available at: http://www.aviation24.be/airports/liege/liege-airport-confirms-leadership-cargo-airport-belgium/ (accessed 15 October 2017).

Silk Road Economic Belt Project. Prospects for CIS (Executive Summary). Commonwealth of Independent States. Executive Committee, 2016. Available at: http://www.e-cis.info/foto/pages/25810.docx (accessed 10 September 2017).

Skriba A.S. (2016) The Eurasian Economic Union and the Silk Road Economic Belt: Players, Interests and Implementation Challenges. *International Organizations Research Journal*, vol. 11, no 3, pp. 67–81.

TASS (2016) EDB: PPP Projects to Be Most Promising for Financing, 5 August. Available at: http://tass.ru/transport/3511254 (accessed 18 September 2017) (in Russian).

The Port Authority of NY & NJ (2016) Airport Traffic Report. Available at: https://www.panynj.gov/airports/pdf-traffic/ATR2016.pdf (accessed 1 October 2017).

Vasilyeva E., Nazipova E. (2017) Ministry for the Development of the Russian Far East Plans to Reduce Cargo Transit Time on the ITC in Primorsky Krai. Ministry for the Development of the Russian Far East. Available at: https://minvr.ru/press-center/news/5015/ (accessed 8 November 2017) (in Russian).

Wang Y. (2016) Offensive for Defensive: The Belt and Road Initiative and China's New Grand Strategy. *Pacific Review*, vol. 29, no 3, pp. 455–463.

Weather and Climate (2017) Average Annual Rainfall. Available at: http://www.pogodaiklimat.ru/ (accessed 12 October 2017) (in Russian).

Zuyenko I. (2017) Will Chinese Investments Come to Russian Far Eastern Ports? Carnegie Moscow Center, 29 June. Available at: http://carnegie.ru/commentary/71383 (accessed 24 September 2017) (in Russian).

Новые грани большого евразийского проекта. Страновой взгляд

Сотрудничество Китая с Россией и странами Центральной Азии в формате «Одного пояса, одного пути» как фактор развития ШОС[1]

Н. Лу, Ш. Лу, М. Хуан

Лу Наси – ответственный сотрудник образовательной программы «Весенние побеги бамбука» провинции Шэньси; 88302984, 229 Taibai North Road, Xian, China; E-mail: isrs@nwu.edu.cn

Лу Шаньбин – директор Института Шелкового пути Северо-Западного университета; 88302984, 229 Taibai North Road, Xian, China; E-mail: isrs@nwu.edu.cn

Хуан Мэнфан – доцент Северо-Западного университета, Сиань, КНР; 88302984, 229 Taibai North Road, Xian, China; E-mail: isrs@nwu.edu.cn

8 мая 2015 г. Китай и Россия опубликовали совместное заявление, наметив основные подходы к сопряжению проектов «Экономического пояса Шелкового пути» (ЭПШП) и Евразийского экономического союза (ЕАЭС). При этом общей институциональной платформой для реализации планов многомерного сотрудничества по объективным причинам пока может выступать только ШОС. Данная статья, опираясь на практику строительства ЭПШП, фокусирует внимание на исследовании перспектив трансформации ШОС за счет расширения экономической повестки организации. Ключевые факторы такой трансформации, рассматриваемые в статье, – это сотрудничество Китая с Россией и странами Центральной Азии в рамках реализации проектов «Пояса и Пути» и указанного заявления между Россией и КНР. Авторы рассматривают такие перспективные направления работы ШОС, как стимулирование и гармонизация торговых переговоров в Евразии и АТР, создание общего энергетического сообщества, расширение общих цепочек добавленной стоимости, финансирование инфраструктурных проектов и гармонизация подобных проектов со стратегическими планами стран – членов данной организации. В своем исследовании авторы опираются преимущественно на анализ публичных выступлений лидеров стран – членов ШОС, анализ национальных доктринальных документов и международных соглашений. Ключевой вывод статьи заключается в необходимости быстрой трансформации ШОС в организацию с проактивной экономической повесткой, только в этом случае удастся эффективно реализовать планы по созданию пространства «Пояса и Пути», сопряжению ЕАЭС и ЭПШП и в долгосрочной перспективе – обеспечению региональной стабильности и экономической интеграции.

Ключевые слова: ШОС; функциональная трансформация; развитие сотрудничества

Для цитирования: Лу Н., Лу Ш., Хуан М. (2018) Сотрудничество Китая с Россией и странами Центральной Азии в формате «Одного пояса, одного пути» как фактор развития ШОС // Вестник международных организаций. Т. 13. № 3. С. 113–127 (на русском и английском языках). DOI: 10.17323/1996-7845-2018-03-07.

[1] Статья поступила в редакцию в октябре 2017 г.

Введение

В мае 2015 г. Китай и Россия обнародовали «Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути» (далее «Совместное заявление»), что продемонстрировало обоюдное понимание необходимости углубления сотрудничества [Лукин, 2016] с последующим переходом к серии конкретных мер: созданию платформы сотрудничества, «дорожной карты» и тактических планов. С китайской стороны незадолго до этого Государственный Комитет по развитию и реформе КНР, Министерство иностранных дел, Министерство коммерции совместно опубликовали «Перспективы и действия по совместному созданию Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века» (далее «Перспективы и действия»), объявив тем самым о конкретных направлениях строительства «Пояса и Пути» китайским правительством [Женьминь жибао, 2015b].

Данная статья, опираясь на практику строительства ЭПШП, фокусирует внимание на исследовании сотрудничества Китая с Россией и странами Центральной Азии, оценивая экономические предпосылки такого сотрудничества в этих странах. Авторская гипотеза состоит в том, что в процессе строительства ЭПШП для Китая представляется целесообразным способствовать повышению роли ШОС, координируя отношения и конкретное поэтапное сотрудничество с уже созданным ЕАЭС и другими странами Центральной Азии. Это позволит, как полагают авторы, добиться заданных результатов в продвижении всех направлений сотрудничества «Пояса и Пути» на всех этапах. Ниже авторы дают оценки потенциалу развития институционального, торгового и финансового, энергетического и индустриального сотрудничества на базе ШОС в контексте реализации инициативы «Пояса и Пути» и сопряжения ее со строительством ЕАЭС.

ШОС: развернуть строительство платформы сотрудничества

В процессе реализации Китаем инициативы «Пояса и Пути» быстро стало понятно, что в деловом сотрудничестве полномасштабное развитие ШОС играет важную роль. Это понимание нашло отражение в ключевых стратегических документах.

Так, в «Перспективах и действиях» относительно «механизма сотрудничества» ясно сказано о необходимости «укрепления роли механизма всестороннего сотрудничества, повышения значения таких многосторонних форматов как ШОС» [Женьминь жибао, 2015a].

Использование этих механизмов для укрепления и углубления приграничных межгосударственных обменов понятным образом призвано стимулировать расширение сотрудничества. В уже получившей очевидное развитие «большой десятке» механизмов сотрудничества на приоритетное место выдвигается именно ШОС как институциональная платформа, которая тем самым превращается в весьма важный инструмент стратегии «Пояса и Пути». В «Совместном заявлении» ясно сказано, что Китай и Россия «будут налаживать совместную работу в двусторонних и многосторонних форматах, прежде всего на площадке Шанхайской организации сотрудничества» [Женьминь жибао, 2015b].

Однако для эффективного использования ШОС как механизма сотрудничества и в рамках «Пояса и Пути», и в рамках сопряжения представляется важным в работе организации уделить больше внимания экономике. Иными словами, ШОС должна взять на себя функцию укрепления экономического сотрудничества.

В процессе развития ШОС некоторые страны – члены этой организации ранее выдвигали требования по приданию ей экономических функций, но консенсус по этим вопросам так и не был найден. Так, еще в 2005 г. Китай внес предложение о создании Фонда развития ШОС. В 2006 г. Россия и Казахстан создали Евразийский банк развития. На саммите ШОС, состоявшемся в июне 2009 г., российский делегат внес предложение о создании валюты для расчетов между государствами – членами ШОС, но эти предложения не принесли практически никаких результатов.

В плане экономического сотрудничества ШОС по-прежнему находится на начальном этапе «благоприятствования» торговле и инвестициям, вплоть до сегодняшнего дня даже создание «зон свободной торговли» – этой начальной формы интеграции – не стало целью работы ШОС в сфере экономического сотрудничества, что сильно затрудняет работу стран – членов ШОС по налаживанию торговли и инвестиционного сотрудничества.

Сложившаяся на сегодня ситуация представляется оптимальным моментом для начала такой трансформации. За семнадцать лет существования эта организация определенно проделала большую работу по налаживанию связей между государствами-членами, внесла вклад в региональную безопасность и в содействие торговле, но в условиях интеграционного бума в мировой и региональной экономике ШОС также должна трансформироваться.

Российский специалист по международным отношениям А.В. Лукин полагает, что ШОС добилась больших успехов в сотрудничестве России и Китая в сфере безопасности, так как, например, еще двадцать лет назад трудно было представить, что Россия и Китай смогут наладить сотрудничество по обмену сведениями, имеющими отношение к безопасности [Лукин, 2012]. Он подчеркивает, что ШОС является и платформой по развитию сотрудничества в области экономики, образования и культуры. Развитие ШОС не просто отвечает политическим интересам самой России, ШОС является крупнейшей и наиболее влиятельной организацией, в рамках которой Россия может координировать с Китаем свою региональную политику [Лукин, 2009]. Если ШОС сможет взять на себя еще и экономическую функцию, это будет стимулировать многостороннее экономическое сотрудничество между всеми странами – членами ШОС, которые смогут в еще более широких масштабах реализовывать свои преимущества, концентрируя и объединяя человеческие и сырьевые ресурсы, а также капиталы, обеспечивая тем самым экономическое сотрудничество Китая с Россией и странами Центральной Азии. Как отмечает ответственный секретарь Китайского центра изучения ШОС Чэнь Юйжун, «... строительство ЭПШП открывает широкие возможности для развития ШОС» [Чэнь, 2014, с. 23].

А.В. Лукин также отмечает, что трансформация ШОС в механизм развития экономического обмена с ЕАЭС – это «стратегически самый низкозатратный выбор». 1 января 2015 г. был официально образован и начал работать созданный Россией, Белоруссией и Казахстаном ЕАЭС, в который затем вошли Армения и Киргизия. Региональная экономическая интеграция пошла быстрыми темпами, проделав путь от «Таможенного союза» (2010) к «Единому экономическому пространству» (2014 г.), а затем к созданному в 2015 г. ЕАЭС, «неуклонно продвигаясь от формата взаимопомощи при опоре на собственные силы к расширенному формату развития» [Фэн, 2011], формируя организацию экономического сотрудничества в регионе Центральной Азии во главе с Россией. Нет сомнения, что роль ШОС в стимулировании экономического сотрудничества существенно уступает аналогичной роли ЕАЭС.

Таким образом, сотрудничество Китая с Россией и ЕАЭС вполне можно использовать для повышения роли ШОС и укрепления ее функциональных возможностей,

для ее выхода на более высокий уровень в сфере экономического сотрудничества. Президент В.В. Путин в известной статье, опубликованной в «Жэньминь жибао» в июне 2012 г., подчеркнул огромное значение развития экономического сотрудничества между ШОС и ЕАЭС, которое может не только обеспечить взаимодополняющее совместное развитие, но и расширить горизонты сотрудничества [Путин, 2012].

Среди экспертного сообщества также неоднократно звучали положительные оценки возможностей наполнения экономической повестки ШОС за счет проектов «Пояса и Пути» и сопряжения. Так, профессор Казахстанского института менеджмента, экономики и прогнозирования Женис Канбаев отметил, что концепция строительства ЭПШП получила значительную поддержку и активное содействие со стороны всех стран – членов ШОС, которые смогут повысить уровень делового сотрудничества во всех сферах, углубить диалог, укрепить взаимное доверие, «распространить повестку сотрудничества, ранее преимущественно направленную на проблемы безопасности, на расширение и углубление экономического сотрудничества» [Kazinform, 2014]. Включение ШОС в строительство ЭПШП ради расширения интеграционного пространства Центральной Азии, где главную роль играет ЕАЭС, смогло бы максимально развить всестороннее сотрудничество при минимальных затратах. 29 июня 2014 г. информагентство Казахстана опубликовало специальную статью под заголовком «Только трансформация ШОС сможет обеспечить успех ЭПШП» [Kazinform, 2014]. Подобный отклик в экспертной и медийной среде стран Центральной Азии только подтверждает заинтересованность стран региона в трансформации ШОС.

Идею о том, что ЭПШП – наилучший инструмент стимулирования сопряжения ШОС с ЕАЭС, поддерживают и непосредственные руководители организации и стран-членов. Об этом неоднократно говорил Генеральный секретарь ШОС Р. Алимов. Он полагает, что китайская инициатива «Пояса и Пути» значительно способствовала бы экономическому сотрудничеству стран – членов ШОС, а реализация проектов «Пояса и Пути» придала бы ШОС новые стимулы, «среди таковых сотрудничество в транспортной сфере, в создании инфраструктуры, транспортных коридоров и логистических центров, имеющих целью благоприятствование торговле в рамках ШОС» [Чжан, 2016]. Президент Н.А. Назарбаев также отмечал, что сопряжение строительства ЭПШП со строительством ЕАЭС благоприятствует развитию всех стран Центральной Азии: «Стратегия совместного с Китаем строительства ЭПШП укрепит международное положение Казахстана, благодаря чему Казахстан станет важным партнером и транспортным узлом евразийского материка» [Жэньминь жибао, 2016].

Анализируя вышесказанное, мы можем выделить определенный консенсус между Китаем, странами Центральной Азии и Россией по вопросу важности развития экономической функции ШОС и подобных ей механизмов в самых широких масштабах, чему, безусловно, будет способствовать реализация «Пояса и Пути». К тому же строительство ЭПШП объективно требует укрепления уже имеющихся организаций, развития и усиления их экономических функций.

В то же время, в силу состоявшегося перехода ЕАЭС от «сплочения и взаимопомощи» к «планированию экономической интеграции», а особенно объективный факт официального провозглашения этого Союза 1 января 2015 г., ШОС необходимо в кратчайшие сроки выстроить механизм взаимодействия с ЕАЭС, своевременно обмениваться политическими новостями, передавать друг другу новости о трансформации функций и укреплении экономического сотрудничества, на взаимной основе стремиться к согласию и доверию.

Таким образом, ШОС необходимо в соответствии с современными тенденциями своевременно осуществить экономическую трансформацию, чтобы укрепить свою

роль в строительстве ЭПШП и вывести на новый уровень отношения с ЕАЭС как важнейшим экономическим партнером в Центральной Евразии.

Создание «дорожной карты» сотрудничества

Немало вопросов вызывают перспективы неконкурентного развития ШОС и ЕАЭС. Однако до сегодняшнего момента лидеры стран – членов объединения подчеркивали перспективы сотрудничества двух форматов, отмечая, что они вполне могут развиваться параллельно, без каких-либо противоречий между ними [CRI Online, 2016]. Руководители Китая и России неоднократно отмечали, что ЕАЭС и ШОС могут осуществлять сопряженное сотрудничество на всем протяжении «Пояса и пути» [Ма, Ли, 2017].

В опубликованных в Китае «Перспективах и действиях» в разделе «Узловые точки сотрудничества» выдвинуто предложение по созданию путем раскрытия потенциала сотрудничества большого общего для всех граничащих с Китаем стран «пирога» в виде совместного строительства Зоны свободной торговли (ЗСТ) [Жэньмин Жибао, 2015b]. Принимая во внимание реальную ситуацию в ЕАЭС, где Россия играет лидирующую роль, авторы полагают, что начать можно было бы с придания этим странам статуса наибольшего благоприятствования. Укрепив тем самым экономические связи Китая с Центральной Азией и Россией, одновременно, по мере созревания условий в тех или иных странах, надо начинать переговоры о создании ЗСТ, продвигая тем самым поэтапную экономическую интеграцию.

Конкретное наполнение режима общего благоприятствования, безусловно, может быть различным. Однако китайская сторона уделяет особое внимание тесному экономическому сотрудничеству с приграничными странами как основе будущей экономической интеграции. Как указал на саммите ШОС в Душанбе в сентябре 2014 г. глава КНР Си Цзиньпин, «необходимо на основе общей выгоды обсуждать вопросы торгового и инвестиционного сотрудничества в более широких сферах и на более высоких уровнях; на взаимной основе предоставляя режим наибольшего благоприятствования, содействовать процессу региональной экономической интеграции и созданию единого торгового, инвестиционного и логистического пространства» [Си, 2014].

Китай уже предоставляет странам – членам этой организации режим наибольшего благоприятствования, стимулируя тем самым экономическую интеграцию. На этой встрече президент В.В. Путин подчеркнул, что Россия также поддерживает укрепление еще более тесного многостороннего сотрудничества между странами – членами ШОС. Это также касается пожеланий и требований участвующих в ЭПШП стран по снижению торговых барьеров в процессе реализации данной инициативы [Президент России, 2014b].

И хотя режим наибольшего благоприятствования – двусторонний механизм, а ЕАЭС – это многосторонняя конструкция, они могут функционировать, не противореча друг другу, так как «процессы интеграции ЭПШП и интеграции ЕАЭС вполне совместимы [Чжоу, 2014]. Согласно словам заместителя заведующего Отделом международных связей ЦК КПК Чжоу Ли, инициатива ЭПШП – это многопрофильная, объемная, открытая платформа, способная «совместно с ЕС, ШОС, зонами свободной торговли в рамках СНГ, ЕАЭС и другими региональными интеграционными организациями развиваться на бесконфликтной, взаимовыгодной основе» [Чжоу, 2014b].

Следующий важный этап в трансформации ШОС – это продвижение переговоров по созданию зон свободной торговли как базы для соответствующих соглашений внутри ЭПШП. Для этого Китай предпринимает ряд мер по развитию сотрудничества

в этой сфере: к июню 2017 г. Китай уже подписал и осуществляет соглашения о свободной торговле с 22 странами и регионами.

В процессе строительства ЭПШП неизбежно встанет вопрос о координации и гармонизации переговоров о соглашениях ЗСТ со всеми странами, примыкающими к Шелковому пути. Это позволит повысить результативность этих соглашений, обобщить опыт таких переговоров с тем, чтобы при помощи соглашений о ЗСТ наладить взаимосвязи, взаимный доступ и экономическое сотрудничество на всем протяжении Шелкового пути. А.В. Лукин полагает, что ШОС может играть активную роль в сопряжении ЭПШП и ЕАЭС, например, после создания ЗСТ между ЕАЭС и Китаем, другие страны – члены ШОС могли бы присоединиться к ней через ШОС [Лукин, 2016].

Только в этом контексте возможна реализация давнего важного приоритета китайской внешнеэкономической повестки – ЗСТ между Китаем и Россией, что в силу членства России в ЕАЭС неизбежно становится ЗСТ между Китаем и ЕАЭС. В обозримой перспективе, по мнению авторов, Китай и Россия должны как можно скорее приступить к переговорам о создании ЗСТ для обоих государств, в соответствующие сроки создать механизм сопряжения с уже созданным ЕАЭС, а также начать переговоры о ЗСТ с теми государствами Центральной Азии, в которых для этого появятся условия.

С точки зрения долгосрочной стратегии и развития региональной экономической интеграции обе страны считают своими приоритетами совместное поддержание региональной стабильности и обеспечение процессов экономической интеграции, и в этой связи переговоры двух стран о соглашениях ЗСТ – важная точка приложения сил. Авторы предполагают, что в процессе этих переговоров можно создать пробные участки ЗСТ на Северо-Западе Китая и в российской Сибири, сопрягая тем самым их с ЭПШП. Можно было бы также совместно создать подобные зоны между китайским северо-востоком и приграничными российскими городами, которые также стали бы опытными территориями экономической интеграции и свободной торговли.

В июне 2016 г. президент В.В. Путин в интервью руководителю агентства «Синьхуа» отметил, что ведущиеся в настоящее время Китаем и Россией двусторонние переговоры развиваются по двум направлениям: «на двусторонней основе – Россия и Китай, и по направлению Китай и Евразийский экономический союз». Он подчеркнул, «что общее мнение заключается в том, что генеральный путь развития в мировой экономике, нашего взаимодействия с Китаем должен заключаться в постепенном снятии всяческих барьеров для открытой совместной работы. В результате это может привести на первом этапе к созданию зоны свободной торговли» [Президент России, 2016]. Это свидетельствует о том, что создание ЗСТ является не просто предметом теоретических дискуссий, но уже выходит на более высокий двусторонний и многосторонний уровень обсуждения.

Создание ЗСТ Китай – Россия, Китай – ЕАЭС, Китай – государства Центральной Азии может придать мощный импульс региональному экономическому развитию Китая с Россией и государствами Центральной Азии. Оценивая маршруты и возможные результаты, считаем, что сотрудничество в создании вышеуказанных зон может способствовать программам «новой индустриализации» в России, «третьей модернизации» в Казахстане и другим политическим проектам, оказать значительную помощь процессам модернизации в странах Центральной Азии.

В «Совместном заявлении» ясно говорится о необходимости создания механизмов для упрощения торговли в тех сферах, где для этого созрели условия, о разработке совместных шагов по гармонизации и обеспечению взаимной совместимости правил и норм регулирования, торгово-экономических и иных политик в сферах взаимных интересов; о долгосрочной цели в продвижении к ЗСТ между ЕАЭС и Китаем [Жэнь-

минь жибао, 2015a]. Поэтому создание ЗСТ с Россией и странами Центральной Азии должно стать одной из важных задач и главных целей торгово-экономического сотрудничества в рамках ШОС.

Еще одно перспективное направление работы ШОС – это всестороннее изучение и планирование сети ЗСТ в АТР, стратегическая координация и продвижение исследования этих зон, стремление к скорейшему созданию переговорных механизмов с тем, чтобы сотрудничество в области ЗСТ стимулировало строительство ЭПШП. 11 ноября 2014 г. в Пекине прошла 22-я неофициальная встреча руководителей экономического блока АТЭС. В заявлении по ее итогам говорилось, что для продвижения строительства ЗСТ в АТР АТЭС в течение двух предстоящих лет официально приступит к стратегическим исследованиям ЗСТ, будет общими усилиями стимулировать их создание, формируя соответствующую «дорожную карту» и стратегическую концепцию. Аналитический доклад по итогам этого мероприятия был представлен для дальнейшего обсуждения сессии министров АТЭС в конце 2016 г. в качестве центрального пункта повестки этой встречи. Инициация подобных исследований подтверждает заинтересованность участников в переходе к перспективному планированию СЭЗ АТР.

В разделе «Механизмы сотрудничества» «Перспектив и действий», где подчеркнута роль многосторонних механизмов сотрудничества, одним из важнейших названа организация АТЭС [Жэньминь жибао, 2015b]. Китай вместе с Россией, ШОС и ЕАЭС должен участвовать в процессе глобальной экономической интеграции, чтобы определить место в этом процессе двустороннего сотрудничества и будущего развития. Строительство ЭПШП должно вестись на базе ШОС и ЕАЭС, достижение на основе ЭПШП соглашений с прочими партнерами по стратегическому экономическому сотрудничеству за пределами Евразии наряду со строительством «евроазиатской зоны свободной торговли в ЭПШП» может стать одним из направлений будущего развития.

Нет сомнений, что в строительстве ЭПШП, начиная с предоставления соответствующим государствам режима наибольшего благоприятствования и активного продвижения переговоров по соглашениям о ЗСТ, в том числе между Россией и Китаем, а также с теми странами Центральной Азии, где созреют необходимые условия, все будет зависеть от выстраивания связей и создания платформы сотрудничества с целью перехода к эффективному сопряжению планов в стратегическом смысле. Активное осуществление планов по созданию ЗСТ в АТР представляется необходимым шагом уже в среднесрочной перспективе.

Индустриальная повестка для ШОС

Китай совместно с Россией и странами Центральной Азии уже создал долгосрочные механизмы энергетического сотрудничества, которое приносит хорошие плоды. В процессе строительства ЭПШП проектное сотрудничество в энергетическом секторе неизменно занимает важное место. Наряду с укреплением сотрудничества в энергетической сфере, совершенствованием его механизмов Китаю необходимо активно изыскивать возможности диверсификации и расширения сотрудничества в неэнергетических областях.

В этой связи базовый приоритет – это *реализация планов энергетического сотрудничества в рамках ШОС*, придание динамики «Энергетическому клубу», совместная работа по созданию «энергетического сообщества», стимулирование энергетического сотрудничества между странами-членами. Более того, поскольку в ШОС входят как крупные страны – экспортеры энергоресурсов, так и крупные потребители и транзитеры, в формате ШОС имеется возможность создания полноценной структуры «особого

энергетического сотрудничества». Эта структура могла бы вырабатывать совместную политику при согласовании общих интересов в вопросах энергетики.

Определенные шаги в этом направлении уже делались. Так, в сентябре 2011 г. Россия, Казахстан, Таджикистан и Киргизия опубликовали «Сианьскую инициативу», предложив создать «Энергетический клуб» ШОС. В марте 2013 г. руководители Китая и России подписали совместную декларацию об углублении партнерских отношений всеобъемлющего стратегического сотрудничества, наметив углубление сотрудничества в сферах энергетики, ископаемых ресурсов, электроэнергетики и нетрадиционной энергетики ради более тесных и прочных отношений стратегического энергетического партнерства. Вместе с тем нефтяные компании Китая и России подписали соглашение об увеличении объема поставок сырой нефти в Китай в предстоящие годы до 31 млн т. Китайский государственный банк развития предоставил российской нефтяной компании кредит на 2 млрд долл. США. В сентябре 2013 г. председатель КНР Си Цзиньпин на 13-м саммите ШОС выдвинул политическую инициативу «создания отношений стабильного спроса и предложения в энергетическом клубе и гарантий энергетической безопасности» [Sina, 2013]. Очевидно, что это хорошая база для сотрудничества, шанс на дальнейшее его углубление. И сегодня – самый подходящий момент активно развернуть деятельность Энергетического клуба ШОС.

Структурная рамка энергетического диалога ШОС – это отношения России и Китая. Стратегия экономического и энергетического сотрудничества России и Китая исходит из того, что «Россия является крупнейшим в мире производителем сырой нефти, Китай – крупным потребителем энергоресурсов, обе страны притом являются соседями, естественными партнерами в энергетической сфере» [Чжао, 2013]. По данным статистики, к 2017 г. зависимость Китая от импорта нефти достигла 65,4%, прогнозируемая зависимость от импорта газа в том же году – 40% [Линь, 2017]. Спрос на нефть и газ в Европе и Америке снизился, из-за международных политических факторов Россия наращивает энергетическое сотрудничество с Китаем, активно участвует в «Энергетическом клубе», создает систему диверсифицированного экспорта энергоресурсов, уменьшая чрезмерную зависимость от европейского рынка, что представляется вполне разумным выбором. Создание и окончательное оформление «энергетического сообщества» в формате ШОС, состоящего из стран-членов, будет способствовать не только сотрудничеству в энергетической сфере, но и стабилизации цен на энергоресурсы в мире, а также формированию новых диалоговых механизмов.

Помимо решения вопроса энергетической безопасности, продуктивный диалог в сфере энергетики открывает возможности и для *сотрудничества по развитию общих цепочек добавленной стоимости*. У Китая с Россией и странами Центральной Азии уже имеется хорошая база, сфера сотрудничества непрерывно расширяется, что открывает широкие перспективы последующего углубления энергетического сотрудничества, удлинения цепочек добавленной стоимости. Обе стороны могут использовать успешные образцы и опыт энергетического сотрудничества для его углубления на всех ступенях интеграции энергетического производства. Энергетическое сотрудничество, которое развивается в настоящее время у Китая с Россией и странами Центральной Азии, всецело основано на взаимной выгоде, оно уже стало важным реальным результатом экономической кооперации с этими странами. Авторы полагают, что запуск совместного строительства ЭПШП должен принести еще больше плодов в энергетическом сотрудничестве, расширить его рамки, углубить сферы, продлить отраслевые цепочки цен, укрепить «энергетическое сообщество» как основу сопряжения строительства ЭПШП и ЕАЭС, что создаст возможность проложить «энергетический Шелковый путь» новой эпохи.

Важнейший ресурс для подобных преобразований – *наличие эффективных финансовых институтов*. На основе Азиатского банка инфраструктурных инвестиций и Фонда шелкового пути в качестве финансовой платформы, сопряженной с потребностями строительства инфраструктуры сопредельных государств, становится возможным развернуть взаимосвязанное строительство, стимулировать соответствующую производственную кооперацию. АБИИ и Фонд шелкового пути, которые активно продвигает китайское правительство, уже созданы, что обеспечивает средства и ресурсы для совместного обустройства ЭПШП.

В феврале 2014 г. президент В.В. Путин сказал председателю Си Цзиньпину, присутствовавшему на церемонии открытия Олимпийских игр в Сочи: «Российская сторона активно поддерживает инициативу китайской стороны по строительству ЭПШП и Морского Шелкового пути, надеемся, что в будущем Россия сможет присоединиться к “Поясу и Пути” посредством евроазиатской железной дороги, такого рода сопряжение принесет большую пользу» [Huang, 2014]. В мае того же года руководители двух стран подписали «Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о новом этапе отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия» [Президент России, 2014а], в котором Россия подтвердила полную поддержку ЭПШП.

В совместном заявлении, подписанном в августе 2014 г. лидерами КНР и Узбекистана, также говорилось, что «стороны поддерживают реализацию инициативы строительства ЭПШП, определяют новые перспективные направления экономического сотрудничества и продвигают важнейшие проекты» [Синьхуа, 2014]. Следует иметь в виду, что ЕАЭС уже утвердил комплексный план строительства странами-членами сети железных и шоссейных дорог, наметив проложить к 2020 г. семь шоссейных и семь железных дорог со 142 логистическими центрами, что и имел в виду президент Владимир Путин, когда говорил о «железной дороге, проходящей через Европу и Азию» [Huang, 2014].

В мае 2015 г. председатель КНР Си Цзиньпин посетил Казахстан, Россию и Белоруссию. Главной темой его переговоров с лидерами трех стран было совместное строительство ЭПШП. Китай совместно с Казахстаном тесно сопрягают строительство ЭПШП с Государственной программой инфраструктурного развития Казахстана «Нурлы жол» и программой «Казахстан – 2030», разворачивают практическое сотрудничество и открывают новую яркую страницу в истории ЭПШП [Лу, 2015а].

В китайско-российском заявлении 8 мая 2015 г. сотрудничество по сопряжению ЭПШП и ЕАЭС поднято на приоритетный государственный уровень. 1 октября 2017 г. в Ханчжоу представителем Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) и Министерством коммерции КНР было подписано совместное заявление о принципиальном завершении переговоров о Соглашении о торгово-экономическом сотрудничестве, в котором определены мероприятия по созданию режима благоприятствования в торговле [ЕЭК, 2017].

Активное строительство Китайско-белорусского промышленного парка стало «новым образцом евроазиатского экономического сотрудничества» [Лу, 2015]. Все больше стран – членов ШОС активно откликаются на инициативу «Пояса и Пути», его строительство дает новые стимулы укреплению регионального экономического сотрудничества ШОС. По мнению китайских экспертов Сюэ Ли и Чжан Вэньвэнь, таким образом «ШОС создает платформу и механизмы для дальнейшего строительства ЭПШП, содействуя взаимному развитию этих двух структур» [Сюэ, Чжан, 2017].

Если при помощи АБИИ и Фонда шелкового пути удастся объединить усилия и добиться сопряжения с уже осуществляемыми инфраструктурными проектами на базе

ЕАЭС, особенно с такими, как уже запланированная и спроектированная евроазиатская железная дорога, то в самом ближайшем времени смогут проявиться практические результаты строительства ЭПШП, а это означает, что «взаимосвязанные проекты “Пояса и Пути”» будут «способствовать сопряжению и сцеплению стратегий развития сопредельных государств, высвобождению потенциала внутрирегионального рынка, стимулировать инвестиции и потребление, спрос и занятость...» [Жэньмин Жибао, 2015a]. Можно ожидать, что при строительстве базовой инфраструктуры ЭПШП экономическая отдача от инвестиций должна быть весьма велика, что делает важным не только сопряжение ЭПШП и ЕАЭС, но и ЭПШП с отдельными стратегическими планами стран региона.

Заключение

В июне 2017 г. число государств – членов ШОС увеличилось до восьми, и развитие экономического сотрудничества является общим чаянием всех членов организации. Содействие строительству ЭПШП со стороны ШОС и ЕАЭС, придание ШОС экономических функций, создание соответствующих органов, выстраивание совместно с ЕАЭС платформы сотрудничества, механизмов и маршрутов взаимодействия – все это необходимо скорейшим образом внести в повестку дня. Осуществить трансформацию функций ШОС, добавив к ней филиалы регионального экономического сотрудничества, и утвердить стратегическую программу экономического сотрудничества – только так можно реализовать столь нужную роль ШОС в строительстве ЭПШП.

Основываясь на улучшении моделей энергетического сотрудничества Китая с Россией и странами Центральной Азии, важно укреплять и углублять производственную цепочку на всех ступенях энергопроизводства, создавать диверсифицированные механизмы производственной кооперации, чтобы в строительстве ЭПШП энергетическое сотрудничество стимулировало всестороннюю производственную кооперацию между Китаем и соответствующими государствами и совместное развитие.

Учитывая все указанные возможности, сегодня мы можем при помощи ШОС и ЕАЭС уверенно и эффективно продвигать сотрудничество, создавать сообщество выгоды «Пояса и Пути», сообщество единой судьбы и ответственности, чтобы внести надлежащий вклад в возрождение мировой экономики и мирное развитие всей планеты.

Источники

Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК) (2017) Китай и ЕАЭС объявили о завершении переговоров по Соглашению о торгово-экономическом сотрудничестве. 2 октября. Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/2-10-2017-5.aspx (дата обращения: 25.07.2018).

Жэньминь жибао (2015a) Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути. 9 мая (на кит. яз.).

Жэньминь жибао (2015b) Перспективы и действия по совместному созданию Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века. 29 марта (на китайском языке).

Жэньминь жибао (2016) Президент Казахстана Назарбаев заявил: сопряжение ЕАЭС с ЭПШП принесет новые возможности. 3 марта. С. 3 (на кит. яз.).

Лу Ш. (2015a) Китай и Казахстан провели взаимные визиты на высоком уровне, подчеркнули перспективы строительства Экономического пояса Шелкового пути. 7 мая. Режим доступа: http://opinion.cntv.cn/2015/05/07/ARTI1430966162097185.shtml (дата обращения: 25.07.2018) (на кит. яз.).

Лу Ш. (2015b) Китайско-белорусский промышленный парк – образец сотрудничества между Азией и Европой. 11 мая. Режим доступа: http://opinion.cntv.cn/2015/05/11/ARTI1431316913938133.shtml (дата обращения: 25.07.2018) (на кит. яз.).

Лукин А.В. (2009) ШОС: итоги российского председательства // Международная жизнь. № 10. Режим доступа: https://interaffairs.ru/jauthor/material/31 (дата обращения: 25.07.2018).

Лукин А.В. (ред.) (2012) Шанхайская организация сотрудничества и российские интересы в Центральной Азии и Афганистане. Стратегия России в Центральной Азии и Шанхайская организация сотрудничества / Институт международных исследований. М.: МГИМО-Университет. С. 23.

Ма С., Ли Ц. (2017) Как создать евразийский экономический пояс «Одного пояса, одного пути» // Хуася шибао. 25 апреля (на кит. яз.).

Президент России (2014a) Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о новом этапе отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия. 20 мая. Режим доступа: http://kremlin.ru/supplement/1642 (дата обращения: 25.07.2018).

Президент России (2014b) Заседание Совета глав государств ШОС. 12 сентября. Режим доступа: http://kremlin.ru/events/president/news/46605 (дата обращения: 25.07.2018).

Президент России (2016) Интервью китайскому информационному агентству «Синьхуа». 23 июня. Режим доступа: http://kremlin.ru/events/president/news/52204 (дата обращения: 25.07.2018).

Путин В. (2012) Россия и Китай: новые горизонты сотрудничества // Жэньминь жибао. 5 июня. Режим доступа: http://cpc.people.com.cn/GB/64093/82429/83083/18069082.html (дата обращения: 25.07.2018).

Чжао Сипин. Китайско-российское сотрудничество в области энергетики обещает развиваться прорывными темпами) // Чжунго куанъебао. 23 марта (на китайском языке).

Чжан С. Генеральный секретарь ШОС: «Один пояс, один путь» укрепляет сплоченность ШОС // Жэньминь жибао. 24 июня (на кит. яз.).

Чжоу М. (2014a) Обсуждение четырех первостепенных вопросов к строительству ЭПШП // Чжунго цзинцзи шибао. 17 октября (на кит. яз.).

Чжоу Л. (2014b) Строительство ЭПШП – путь к миру, развитию и процветанию // Цзинцзи жибао. 3 ноября. (на кит. яз.).

Чэнь Ю. (2014) Шанхайская организация сотрудничества и Экономический пояс Шелкового пути предоставляют взаимные возможности и дополняют друг друга // Жэньминь жибао. 11 сентября. С. 23 (на кит. яз.).

Си Цзиньпин (2014) Концентрировать силы, честно сотрудничать, способствовать тому, чтобы ШОС поднялась на новую ступень. Выступление на заседании Совета глав государств – членов ШОС // Жэньминь жибао. 13 сентября (на кит. яз.).

Сина (2013) Си Цзиньпин выдвинул предложение о создании энергетического клуба ШОС. 14 сентября. Режим доступа: http://news.sina.com.cn/o/2013-09-14/131028216097.shtml (дата обращения: 25.07.2018) (на кит. яз.).

Сина (2017) Согласно Синей книге о производстве нефти 2017 г., зависимость Китая от импорта нефти достигла 65,4%. 23 марта. Режим доступа: http://finance.sina.com.cn/money/future/nyzx/2017-03-23/doc-ifycspxn9510300.shtml (дата обращения: 25.07.2018) (на кит. яз.).

Синьхуа (2014) Совместная декларация Китайской Народной Республики и Республики Узбекистан. 20 августа. Режим доступа: http://news.xinhuanet.com/world/2014-08/20/c_1112144669.htm (дата обращения: 25.07.2018) (на кит. яз.).

Сюэ Л., Чжан В. (2017) ШОС может предоставить еще лучшую платформу для «Одного пояса, одного пути» // Гуанминван. 10 июня. Режим доступа: http://theory.gmw.cn/2017-06/10/content_24750165.htm (дата обращения: 25.07.2018) (на кит. яз.).

Фэн Ш. (2011) Что означает создание таможенного союза России, Беларуси и Казахстана // Дунфан цзаобао. 2 августа. Режим доступа: http://opinion.hexun.com/2011-08-02/131978797.html (дата обращения: 25.07.2018) (на кит. яз.).

CRI Online (2016) Си Цзиньпин и Владимир Путин провели встречу, стороны поддержали продвижение вперед сопряжения строительства «Одного пояса, одного пути» и ЕАЭС). 26 июня. Режим доступа: http://news.cri.cn/20160626/cbfb484b-ca58-15b3-7c95-4bfe3d6a7474.html (дата обращения: 25.07.2018) (на кит. яз.).

Hu X. (2016) Cooperation of the SCO in the Economic and Security Fields Continues to Deepen: Interview with Lu Jin, Director of East Asia and SCO Research Center, Moscow Institute of International Relations. 3 ноября. China Daily. Режим доступа: http://china.chinadaily.com.cn/2016-11/03/content_27260194.htm (дата обращения: 25.07.2018) (на кит. яз.).

Huang J. (2014) Xi Jinping Meets with Russian President Putin. Xinhua. 7 февраля. Режим доступа: http://news.xinhuanet.com/world/2014-02/07/c_119220650.htm (дата обращения: 25.07.2018) (на кит. яз.).

Kazinform (2014) Kazakhstan Researcher: Only a Changed SCO Can Contribute to the Success of the SREB. Kazinform. 29 июня. Режим доступа: http://www.inform.kz/kz/article_a2673184 (дата обращения: 25.07.2018) (на кит. яз.).

Lin Y. (2017) Our Country is Becoming Increasingly Dependent on Imported Gas // International Business News. 14 июня (на кит. яз.)

Lukin A. Russia's Pivot to Asia: Myth or Reality? // Strategic Analysis. Vol. 40. No. 6. P. 583.

Sino-Russian Cooperation with Central Asian States in "One Belt – One Road Format" as SCO Development Factor[1]

N. Lu, S. Lu, M. Huang

Lu Naxi – Senior Colleague of the Spring Bamboo Shoots Educational Programme in Shaanxi Province; China, Xian, Taibai North Road 229, 88302984; E-mail: isrs@nwu.edu.cn

Lu Shanbing – Director of the Silk Road Institute of Northwest University; China, Xian, Taibai North Road 229, 88302984; E-mail: isrs@nwu.edu.cn

Huang Mengfang – Assistant Professor at Northwest University; China, Xian, Taibai North Road 229, 88302984; E-mail: isrs@nwu.edu.cn

Abstract

China and Russia issued a joint statement on 8 May 2015 outlining the main approaches to linking the Silk Road Economic Belt (SREB) and the Eurasian Economic Union (EAEU) projects. The parties believe that to build the One Belt One Road project, it is necessary to: use economic integration laws and actively enhance the role of the Shanghai Cooperation Organisation (SCO) in stimulating regional economic cooperation; to promote construction of the SREB and linkage to and cooperation with the EAEU; to create a free trade area (FTA) in the Asia-Pacific region (APR) and simultaneously begin creating a similar FTA between China, Russia and Central Asia to gradually stimulate interstate trade and promote regional economic development; actively develop – along with an improved model of energy cooperation — infrastructure and related industry; and strengthen business contacts and jointly promote construction of the SREB.

Key words: SCO; functional transformation; development of cooperation

For citation: Lu N., Lu S., Huang M. (2018) Sino-Russian Cooperation with Central Asian States in "One Belt – One Road Format" as SCO Development Factor. *International Organisations Research Journal*, vol. 13, no 3, pp. 113–127 (in English). DOI: 10.17323/1996-7845-2018-03-07.

References

Chen Y. (2014) The Shanghai Cooperation Organization and the Silk Road Economic Belt Provide Mutual Opportunities and Complement Each Other. People's Daily, 11 September (in Chinese).

CRI Online (2016) Xi Jingping Holds Talks with Putin, Both Sides Support the Development of "One Belt One Road" Cooperation with the Eurasian Economic Union, 26 June. Available at: http://news.cri.cn/20160626/cbfb484b-ca58-15b3-7c95-4bfe3d6a7474.html (accessed 25.07.2018) (in Chinese).

Eurasian Economic Commission (EEC) (2017) China and the EAEU Announce the Completion of Negotiations on the Agreement on Trade and Economic Cooperation, 2 February. Available at: http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/2-10-2017-5.aspx (accessed 25.07.2018) (in Russian).

Feng S. (2011) What does Russia, Belarus and Kazakhstan Customs Union Mean? *Hexun*, 2 August. Available at: http://opinion.hexun.com/2011-08-02/131978797.html (accessed 25.07.2018) (in Chinese).

Hu X. (2016) Cooperation of the SCO in the Economic and Security Fields Continues to Deepen: Interview with Lu Jin, Director of East Asia and SCO Research Center, Moscow Institute of International Relations. *China Daily*, 3 November. Available at: http://china.chinadaily.com.cn/2016-11/03/content_27260194.htm (accessed 25.07.2018) (in Chinese).

[1] The editorial board received the article in October 2017.

Huang J. (2014) Xi Jinping Meets with Russian President Putin. *Xinhua*, 7 February. Available at: http://news.xinhuanet.com/world/2014-02/07/c_119220650.htm (accessed 25.07.2018) (in Chinese).

Kazinform (2014) Kazakhstan Researcher: Only a Changed SCO Can Contribute to the Success of the SREB. Kazinform, 29 June. Available at: http://www.inform.kz/kz/article_a2673184 (accessed 25.07.2018) (in Chinese).

Lin Y. (2017) Our Country is Becoming Increasingly Dependent on Imported Gas. *International Business News*, 14 June (in Chinese).

Lu S. (2015a) Sino-Kazakh High-Level Visits to Share the Bright Future of the Silk Road Economic Belt. 7 May. Available at: http://opinion.cntv.cn/2015/05/07/ARTI1430966162097185.shtml (accessed 25.07.2018) (in Chinese).

Lu S. (2015b) A New Model of Asia-Europe Cooperation in China Baibai Industrial Park. CCTV, 11 May. Available at: http://opinion.cntv.cn/2015/05/11/ARTI1431316913938133.shtml (accessed 25.07.2018) (in Chinese).

Lukin A. (2009) The SCO: Results of Russia's Chairmanship. *International Affairs*, no 10, pp. 23–37. Available at: https://interaffairs.ru/jauthor/material/31 (accessed 25.07.2018) (in Russian).

Lukin A. (ed.) (2012) The Shanghai Cooperation Organization and Russian Interests in Central Asia and Afghanistan. *Russia's Strategy in Central Asia and the Shanghai Cooperation Organization* / Moscow: Institute of International Relations, MGIMO University.

Lukin A. (2016) Russia's Pivot to Asia: Myth or Reality? *Strategic Analysis*, vol. 40, no 6.

Ma X., Li J. (2017) How to Create Eurasian One Belt-One Road Economic Belt. *Huaxia Shibao*, 25 April (in Chinese).

People's Daily (2015a) Joint Statement by the People's Republic of China and the Russian Federation on Cooperation and Linking Eurasian Economic Union and Silk Road Economic Belt, 9 May (in Chinese).

People's Daily (2015b) Vision and Actions on Joint Creation of Silk Road Economic Belt and 21st Century Maritime Silk Road, 29 March (in Chinese).

People's Daily (2016) Kazakh President Nazarbaev: EAEU – OBOR Conjunction Brings New Opportunities, 3 March (in Chinese).

President of Russia (2014a) Joint Statement of the Russian Federation and the People's Republic of China on the New Stage of the Relationship of Comprehensive Partnership and Strategic Cooperation, 20 May. Available at: http://kremlin.ru/supplement/1642 (accessed 25.07.2018) (in Russian).

President of Russia (2014b) Meeting of the Council of Heads of State of the SCO, 12 September. Available at: http://kremlin.ru/events/president/news/46605 (accessed 25.07.2018) (in Russian).

President of Russia (2016) V. Putin, Interview With the Chinese News Agency Xinhua, 23 June. Available at: http://kremlin.ru/events/president/news/52204 (accessed 25.07.2018) (in Russian).

Putin V. (2012) Russia and China: New Horizons of Cooperation. *People's Daily*, 5 June. Available at: http://cpc.people.com.cn/GB/64093/82429/83083/18069082.html (accessed 25.07.2018) (in Chinese).

Sina (2013) Xi Jinping Proposes Establishment of SCO Energy Club, 14 September. Available at: http://news.sina.com.cn/o/2013-09-14/131028216097.shtml (accessed 25.07.2018) (in Chinese).

Sina (2017) Oil Dependence on Foreign Countries Rose to 65.4%, 23 March. Available at: http://finance.sina.com.cn/money/future/nyzx/2017-03-23/doc-ifycspxn9510300.shtml (accessed 25.07.2018) (in Chinese).

Xi J. (2014) Focusing Strength and Cooperating Fairly Will Help the SCO Reach a New Level: Speech Before a Meeting of the Council of Heads of Member States of the SCO. *People's Daily*, 13 September (in Chinese).

Xinhua (2014) Joint Declaration of the People's Republic of China and the Republic of Uzbekistan, 20 August. Available at: http://news.xinhuanet.com/world/2014-08/20/c_1112144669.htm (accessed 25.07.2018) (in Chinese).

Xue L, Zhang W. (2017) SCO Can Provide a Better Platform for Docking One Belt One Road. *Guangming Online*, 10 June. Available at: http://theory.gmw.cn/2017-06/10/content_24750165.htm (accessed 25.07.2018) (in Chinese).

Zhang X. (2016) SCO Secretary General: One Belt-One Road Initiative Enforces Unity Within SCO. *People's Daily*, 24 June (in Chinese).

Zhao X. (2013) Sino-Russian Energy Cooperation Promises Breakthroughs. *Zhongguo Kuangyebao*, 23 March (in Chinese).

Zhou M. (2014a) A Discussion of Four Primary Issues in the Construction of the SREB. *China Economic Times*, 17 October (in Chinese).

Zhou L. (2014b) Construction of the SREB: A Path to Peace, Development, and Prosperity. *Jingji Ribao*, 3 November (in Chinese).

Центральноазиатский трек инициативы «Пояс и путь»: возможности и риски[1]

Р.Ю. Изимов, З.Т. Мураталиева

Изимов Руслан Юсупжанович – руководитель Программы евразийских исследований Института мировой экономики и политики при Фонде Первого Президента РК – Елбасы; Республика Казахстан, 010000, Астана, ул. Бокейхана, д. 10; E-mail: iziruslan@mail.ru

Мураталиева Замира Тулкуновна – к.полит.н., доцент, ученый секретарь Института стратегического анализа и прогноза Кыргызско-Российско-Славянского университета; Кыргызская Республика, 720000, Бишкек, просп. Чуй 42; E-mail: nargi84@yandex.com

Более четверти века, с момента обретения независимости, большинство стран Центральной Азии, за исключением Туркменистана, последовательно реализуют главный принцип внешней политики – многовекторность. За прошедший период данная стратегия показала свою эффективность и незаменимость. Стремясь удерживать хрупкий баланс между интересами глобальных и региональных держав, Казахстан и другие страны региона и сегодня продолжают политику многовекторности. Однако нужно признать, что данная задача с каждым годом усложняется ввиду ужесточения конкуренции между региональными акторами. В этом плане особую роль играет появление и реализация китайской инициативы «Пояс и путь», которая объективно увеличивает зависимость стран региона от Китая.

В статье анализируется процесс появления и реализации китайской инициативы «Пояс и путь» в Центральной Азии. Авторы подробно описывают внешнеполитическую стратегию Пекина с появлением инициативы ОПОП с точки зрения ее основных компонентов в Центральной Азии.

Отдельно рассматривается сотрудничество Казахстана и Китая в рамках идеи стыковки Государственной программы инфраструктурного развития «Нұрлы жол» на 2015–2019 гг. и ОПОП. С учетом долгосрочности указанного проекта даются прогнозы взаимодействия государств Центральной Азии с Поднебесной в рамках китайской инициативы.

Также затрагиваются вопросы дальнейшего сосуществования нескольких проектов на евразийском пространстве, в которых участвуют Казахстан и другие страны региона. В частности, авторы анализирует роль и место, отведенное китайскими властями России в стратегии ОПОП. Несмотря на официальные заявления властей, а также намечаемые планы, по большому счету Китай отводит России несущественное место в своей стратегии. Более того, предложив Москве указанные проекты строительства дорог, Пекин, судя по всему, рассчитывает отвлечь внимание России от собственных планов в Центральной Азии. На этом фоне наблюдается определенная ответная реакция Москвы, что наиболее ярко проявляется в стремлении России вновь продвигать проект «Большого евразийского партнерства».

Ключевые слова: китайская инициатива «Пояс и путь»; ОПОП; «Нурлы жол»; Казахстан; центральноазиатская стратегия; страны Центральной Азии; геополитика

Для цитирования: Изимов Р.Ю., Мураталиева З.Т. (2018) Центральноазиатский трек инициативы «Пояс и путь»: возможности и риски // Вестник международных организаций. Т. 13. № 3. С. 128–142 (на русском и английском языках). DOI: 10.17323/1996-7845-2018-03-08.

[1] Статья поступила в редакцию в ноябре 2017 г.

Введение

Более четверти века, с момента обретения независимости, большинство стран Центральной Азии, за исключением Туркменистана, последовательно реализуют главный принцип внешней политики – многовекторность. За прошедший период данная стратегия показала свою эффективность и незаменимость. Стремясь удерживать хрупкий баланс между интересами глобальных и региональных держав, Казахстан и другие страны региона и сегодня продолжают политику многовекторности. Однако нужно признать, что данная задача с каждым годом усложняется ввиду ужесточения конкуренции между региональными акторами.

Появление и ускоренная реализация интеграционных инициатив, предложенных разными «центрами силы», все больше обнажает проблемные моменты и усиливает конкуренцию в регионе Центральная Азия. В этом плане китайская инициатива «Один пояс, один путь» (ОПОП), несомненно, привнесла свою лепту в усиление конкуренции. С каждым годом ее реализации появляется все больше проблемных моментов. В этой ситуации Казахстану и другим участникам из числа центральноазиатских республик все сложнее удерживать хрупкий баланс сил.

На данный момент инициатива ОПОП явно перевесила все остальные проекты интеграции и многостороннего сотрудничества на пространстве Евразии. Как следствие, сегодня во внешнеэкономическом векторе практически всех республик Центральной Азии наблюдается определенный крен в сторону Китая. Это объясняется в первую очередь экономической привлекательностью китайской инициативы.

Более того, есть полное понимание того, что ОПОП – это грандиозный геополитический проект, предложенный руководством КНР, где центральная роль отводится странам Центральной Азии, в частности Казахстану.

Судя по высказываниям председателя КНР Си Цзиньпина [Си, 2017], а также по реализуемым на сегодняшний день мерам, выделяемым под данный проект финансам и многим другим аспектам, можно с уверенностью утверждать, что инициатива будет иметь долгосрочное действие.

И наконец, есть все основания полагать, что именно эта инициатива может стать стержнем или основным смыслом новой внешнеполитической стратегии КНР на евразийском пространстве или как минимум в Центральной Азии.

Все вышесказанное и обусловило активное участие стран Центральной Азии в китайской инициативе. Однако дальнейшие перспективы ОПОП на центральноазиатском направлении сталкиваются с рядом трудностей.

Исходя из этого в настоящей статье предпринимается попытка проанализировать нынешнее состояние китайско-центральноазиатского сотрудничества через призму реализации инициативы ОПОП. При этом особое внимание уделяется проблемным аспектам данного взаимодействия с учетом фактора конкуренции между разными центрами силы на евразийском пространстве.

Об истоках возникновения ОПОП

С начала 2000-х годов китайские власти использовали формат Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) для плавного решения своих вопросов со странами Центральноазиатского региона (ЦАР). При этом, взаимодействуя с каждой из стран ЦАР, как в рамках ШОС, так и в двустороннем формате, Пекин практически всегда действовал с оглядкой на Россию. Но по мере дальнейшего углубления хозяйственных свя-

зей со странами Центральной Азии Пекин уже не мог ограничиваться исключительно форматом ШОС, которая позволила решить ключевые вопросы – пограничные споры. Дальнейшие перспективы ШОС исходили из задачи обеспечения эффективной диалоговой площадки между странами Центральной Азии, Россией и Китаем.

Знаковым стало появление в 2010 г. по инициативе Москвы нового интеграционного объединения – Таможенного союза (ТС) Казахстана, России и Белоруссии. Развитие ТС и становление полноценной организации в виде Евразийского экономического союза (ЕАЭС) подтолкнуло КНР к поиску более эффективных механизмов расширения своего влияния на западном направлении. Именно в этот момент, в 2013 г., впервые появляется идея о формировании «Экономического пояса Шелкового пути», которая впоследствии легла в основу создания нового формата – ОПОП [Си, 2014].

В Пекине понимали, что в условиях стабильного увеличения напряжения между Китаем и США, особенно в АТР, Поднебесная должна более серьезно рассматривать наземные коридоры в качестве будущей альтернативы доставки своих товаров в Европу.

Принимая во внимание сложившиеся обстоятельства, китайские власти решили предложить собственный вариант макрорегиональной интеграции с китайской доминантой.

Казахстан как ключевой партнер в истории успеха

В сентябре 2013 г. Си Цзиньпин в рамках своего первого после избрания турне по странам Центральной Азии посетил Казахстан. Выступая в Назарбаев Университете китайский лидер неожиданно для наблюдателей предложил совершенно новую инициативу. В частности, в своей речи Си заявил: «С целью укрепления экономических связей, углубления сотрудничества и расширения пространства развития стран Евразии мы можем применять новую модель сотрудничества и *общими усилиями сформировать экономическую полосу шелкового пути...*» [Си, 2013]. Именно с этого момента началось масштабное обсуждение китайской инициативы.

Казахстан с самого начала выделялся Пекином в качестве ключевого звена в стратегии Шелкового пути. Предложенная китайским руководством новая инициатива в целом была ожидаема в Казахстане и в остальных республиках региона, так как за двадцать с лишним лет сотрудничества со странами Центральной Азии *Китай не представлял каких-либо конкретных документов, определяющих его внешнеполитическую или экономическую стратегию в отношении региона*. В этой связи Пекин должен был обозначить свои цели и задачи в регионе в концептуальном виде, и ОПОП как раз стала такой инициативой.

Выбор Казахстана неслучаен. По мнению китайских властей, именно Казахстан является наиболее стабильной республикой региона, обладающей политическим и экономическим потенциалом, чтобы стать полноценным партнером Китая в его новой инициативе.

Выделяя преимущества Казахстана, руководство Китая особо отмечало следующие факторы:

– *Транзитные возможности*. Обширная территория Казахстана позволяет проецировать различные транспортные проекты с выходом на Россию, Каспийское море и Кавказ, Иран и Персидский залив, центральноазиатские страны и Индию.

– *Стабильная политическая ситуация*. В отличие от других республик Центральной Азии Казахстан на протяжении многих лет остается политически стабильным.

– *Благоприятный инвестиционный климат* [Ли, 2014].

Кроме того, китайские эксперты полагают, что в деле реализации инфраструктурных проектов Пекин может полностью рассчитывать на Казахстан как страну, которая:

– *С одной стороны*, может стать посредником в деле прокладывания наиболее рентабельных и выгодных маршрутов через территорию Казахстана, Туркменистана, Азербайджана и Турции в Европу. Имея возможность тесной координации с указанными странами в рамках Совета сотрудничества тюркоязычных государств, Астана может договориться с Анкарой и другими странами для претворения в жизнь проектов в транспортной сфере.

– *С другой стороны*, именно Казахстан может оказать содействие в получении лояльности Москвы в реализации проектов ОПОП на территории Центральной Азии. Но важным условием должно стать исключение попыток со стороны Пекина действовать «*за спиной Москвы*».

Более того, Казахстан, по мнению китайских властей, имеет еще одно важное преимущество: это мудрое и опытное руководство, которое проводит дальновидную внешнюю политику. Учитывая все эти факторы, китайские власти выбрали Казахстан в качестве ключевого партнера и звена во всех проектах, реализуемых на западном направлении ОПОП.

Новый импульс для сотрудничества

Казахстан и Китай тесно сотрудничали задолго до появления инициативы ОПОП. Нельзя не отметить тот факт, что казахстанской стороне удалось переломить одну из главных негативных тенденций во взаимодействии с Китаем – сырьевую направленность. Долгое время, с 1997 г., сотрудничество Казахстана и Китая носило почти полностью сырьевой характер. Основными статьями двусторонней торговли были экспорт нефти, газа и полезных ископаемых.

Но именно в соответствии с новыми задачами, которые ставились перед ОПОП, казахстанско-китайское взаимодействие получило новый импульс.

Как следствие, сегодня сотрудничество охватывает огромное количество проектов в реальном секторе экономики, предусмотрены и строятся промышленные объекты, а также, что немаловажно, при содействии Китая строятся и модернизируются гидротехнические сооружения. В частности, крупнейшие программы экономического развития республики сегодня так или иначе связаны с Китаем. Еще в конце 2014 г. Казахстаном была разработана Государственная программа инфраструктурного развития на 2015–2019 гг. «Нұрлы жол», специально инициированная для того, чтобы удачно вписаться в проекты, реализуемые китайской стороной в рамках ОПОП [Сыроежкин, 2016]. С тех пор появилось большое количество проектов в реальном секторе экономики.

Одним из ключевых программных документов, регламентирующих экономические отношения Казахстана и Китая на данном этапе, является казахстанско-китайская инвестиционная программа сотрудничества, которая предполагает перенос производственных мощностей с территории Китая на территорию Казахстана (51 проект).

Изначально Казахстан и Китай договорились по 51 проекту на общую сумму 26,2 млрд долл. США [Zakon, 2016]. В течение нескольких лет на территории Казахстана при содействии крупных китайских компаний будет построено и модернизировано 51 предприятие в химической промышленности, горно-металлургическом секторе, машиностроении, инфраструктуре, энергетике, агропромышленном комплексе, легкой промышленности, нефтепереработке, производстве стройматериалов и в информационных технологиях.

Новые предприятия будут открываться практически во всех регионах Казахстана: в СКО, ВКО, Алма-Атинской области и в ЮКО. Несколько проектов уже осуществлены: в частности, в Павлодарской области проведена модернизация установки производства порошкового полипропилена и др.

Помимо расширения производства предусмотрено строительство новых транспортных путей. Строительство на обширной территории Казахстана новых транспортных артерий и модернизация старых полностью отвечают интересам республики. При тесном взаимодействии с Китаем и под «флагом» реализации инициативы Шелкового пути есть возможность значительно расширить транзитный потенциал Казахстана.

Уже сегодня высокие технологии позволили значительно сократить расстояние между тихоокеанскими портами и странами Европы через наземные коридоры. Транспортировка через сухопутные маршруты позволяет почти вдвое сократить время в пути.

Как видно, в целом участие Казахстана в ОПОП дает ощутимые результаты: развивается транспортный и промышленный потенциал, решаются социальные задачи и т.д. В то же время реализация ОПОП наряду с возможностями также сопряжена с рядом реальных рисков и вызовов.

Динамика и вызовы на центральноазиатском направлении

Частота встреч лидеров стран региона с китайским руководством показывает, насколько отношения с Китаем стали значимыми для стран региона. Если рассматривать каждую страну в отдельности, то, безусловно, наиболее тесно с Поднебесной сотрудничают Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан.

Вместе с тем в последние полгода в отношениях Китая и Узбекистана также наблюдаются резкие импульсы, и уже видны первые результаты.

Среди экспертов считается, что Кыргызстан и Таджикистан больше остальных стран зависят от Китая и выделяемых им кредитных ресурсов. Так, СМИ приводят следующие данные: около половины внешнего долга Кыргызстана приходится на Китай [Хасанова, 2017].

Несмотря на отсутствие точных данных, тревожной является другая тенденция – резкий и стремительный рост долга перед Китаем. Так, по данным кыргызских СМИ, еще в 2011 г. Кыргызстан должен был КНР всего 272 млн долл. США. А уже по итогам 2016 г. эта сумма увеличилась в 5 раз и составила около 1443,8 млн долл. США [K-News, 2016].

Кроме того, продолжаются переговоры о создании Кыргызско-Китайского фонда развития со 100%-й долей капитала КНР [Akchabar Print, 2017]. Если фонд будет создан, Пекин выделит Кыргызстану 1 млрд долл. США [Gezitter, 2017]. Экс-президент КР А. Атамбаев во время саммита «Один пояс, один путь» в мае 2017 г. заявил, что Кыргызстан готов к сопряжению национальной программы «Таза коом» с цифровым Шелковым путем [Атамбаев, 2017]. В связи с тем что данный путь реализуется китайской стороной, потенциальным исполнителем проекта может стать компания China Telecom.

Место и роль Кыргызской Республики в китайской инициативе «Пояс и Путь» обуславливаются реализацией конкретных проектов в сфере транспорта, а также долгосрочными интересами в сфере безопасности.

Кыргызстанский трек ЭПШП отличается от остальных тем, что Кыргызстан как член ВТО является одним из ключевых торговых коридоров для выхода Китая к странам Запада. И именно неразвитость транспортных коридоров во многом сдерживает процесс дальнейшего углубления сотрудничества в торговой сфере. Исходя из этого под «соусом» реализации глобальной стратегии «Пояс и Путь» китайской стороной ставится задача построить железную дорогу «Китай – Кыргызстан – Узбекистан». Ска-

занное предопределяет, что строительство данной железнодорожной магистрали в ближайшие годы перейдет в практическую стадию.

В Таджикистане ситуация практически аналогичная с КР, и половина внешнего долга также приходится на Китай [Бондаренко, 2016]. В 2016 г. КНР по объему вложенных в экономику Таджикистана инвестиций заняла первое место, обойдя Россию. Объем китайских накопленных прямых инвестиций достиг 1,6 млрд. долл., или 30% от общего объема накопленных инвестиций, размер которых составляет около 3,08 млрд долл. За 2016 г. прямые инвестиции из КНР в Таджикистан составили порядка 255 млн долл., то есть 71,8% от общего объема инвестиций за данный период. За первые три месяца 2017 г. на долю КНР пришлось 58,2% от общего объема всех зарубежных инвестиций, что в денежном выражении составляет 76,6 млн долл. [ИА Азия-плюс, 2017].

Ясно, что эти две республики, как и все другие страны, пытаются использовать возможности, которые дает Китай. Однако масштабы экономик Кыргызстана и Таджикистана таковы, что выделяемые Китаем кредитные деньги, естественно, составляют большую часть ВВП этих республик. И на этом фоне создается впечатление о тотальной зависимости от Поднебесной.

Мы полагаем, что углубление связей КР и РТ с Китаем, особенно с учетом общей границы с ним, – это естественный процесс. В то же время тревожными являются такие темы, как углубление связей с Китаем в военной сфере, что мы наблюдаем в Таджикистане, а также тема аренды земли.

В китайско-узбекских отношениях происходят достаточно стремительные изменения. Политика, которую проводит нынешний лидер Узбекистана, сильно контрастирует с политикой прежнего руководства.

Судя по всему, политика так называемой равноудаленности – так характеризовали свою политику узбекские власти [Фурстенберг, 2017] – постепенно трансформируется. Известно, что Ислам Каримов старался сохранить баланс во внешней политике. В истории независимого Узбекистана были периоды определенных реверансов в сторону Запада до 2005 г., а также в сторону России. Но никогда узбекская политика не отличалась сближением с Китаем. По этому вопросу у Ташкента всегда была четкая позиция, суть которой состояла в ограничении китайского влияния и присутствия в республике.

Сегодня есть все основания полагать, что китайский вектор внешнеэкономической деятельности РУ усиливается, и происходит это в первую очередь по желанию Ташкента.

В мае 2017 г. состоялся первый визит президента Узбекистана Шавката Мирзиеева в Китай, по итогам которого впервые было подписано более 100 соглашений на общую сумму в 20 млрд долл. (Это достаточно большая цифра, учитывая, что по итогам 2016 г. общий объем торговли между РУ и КНР составил 4,2 млрд) [Мирзиеев, 2016]. В том числе китайский капитал привлекается в такие сектора, как нефтепереработка, химическая промышленность, инфраструктурные проекты, а также в сферу гидроэнергетики. Как сообщают узбекские СМИ, китайская сторона будет содействовать в строительстве девяти новых и модернизации пятнадцати гидроэлектростанций, что позволит Узбекистану дополнительно вырабатывать до 5,25 млрд кВт·ч электроэнергии в год.

Конечно, в целом реализуемая новым руководством РУ политика более открытого сотрудничества с глобальными и региональными державами давно назревала и полностью соответствует реалиям сегодняшнего дня. Однако здесь узбекской стороне важно не допустить чрезмерного влияния Китая и попытаться сохранить баланс.

При этом важно понимать, что китайская сторона в определенной степени пытается снизить так называемую монополию Казахстана на роль основного и единственного

транзитного хаба и ключевого партнера Китая в регионе. Именно с целью «*разбавить*» влияние и роль Казахстана в Центральной Азии китайские власти принимали решение построить четвертую ветку газопровода по новому маршруту – в обход Казахстана.

Инициатива преследовала цель связать Туркменистан, Узбекистан, Таджикистан и Кыргызстан одним проектом. Однако данная идея оказалась трудновыполнимой. Так, сроки сдачи проекта давно прошли, а строительство участков в Таджикистане, Кыргызстане и Узбекистане все еще не завершено. Более того, на отдельных участках работа даже еще не началась [Изимов, 2016].

Теперь китайская сторона продвигает другой, не менее амбициозный, проект железной дороги Китай – Кыргызстан – Узбекистан. Выступая в Пекине, Ш. Мирзиеев заявил, что Узбекистан заинтересован в строительстве указанной железной дороги с дальнейшим ее соединением с дорогами Афганистана, Туркменистана и Ирана [Вэнь, 2017]. Руководство Кыргызстана, как известно, в целом поддерживает данный проект.

Таким образом, общая политическая воля ключевых участников проекта сегодня имеется. Но нерешенных вопросов еще много – это и ширина колеи, и условия финансирования и эксплуатации.

Следует отметить, что строительство данной железнодорожной ветки в целом не очень выгодно Казахстану, ведь она будет перетягивать часть грузопотока, который сегодня идет по территории РК. Но с другой стороны, реализация такого проекта создаст условия для здоровой конкуренции и будет способствовать улучшению условий на железнодорожных погранпереходах между РК и КНР.

Также стоит отметить, что определенное беспокойство по поводу расширения китайского влияния, в данном случае в контексте открытия 51 предприятия, существует, причем не только среди простых граждан, но и среди экспертного сообщества. Казахстанцы наблюдают непрерывное расширение китайского присутствия в экономике с конца 1990-х годов. Увеличение числа китайских компаний, работающих на территории Казахстана, вкупе с превращением КНР в глобальную экономическую державу, а также рост военной мощи Пекина создают настороженное отношение, что совершенно объективно.

Цели и задачи проекта Шелкового пути свидетельствуют о том, что он будет стремиться открыть границы для свободного перемещения товаров и людей между Китаем и Центральной Азией. Именно с этим обстоятельством более всего связаны определенные риски, так как складывается перспектива оказаться в тотальной торгово-экономической и миграционной экспансии со стороны восточного соседа.

В этом контексте ОПОП соприкасается с другим китайским проектом – «Зоной свободной торговли в рамках ШОС». Как известно, данное предложение Пекина было заблокировано Москвой, после чего китайские власти, возможно, сменили тактику, основываясь, прежде всего, на двустороннем сотрудничестве с каждой из центральноазиатских республик. Известно, что на мероприятиях ШОС китайские власти вновь заявили о заинтересованности в создании ЗСТ в рамках ШОС [Штукина, 2015].

Несмотря на официальные заявления китайских властей о том, что КНР не претендует на мировое господство, Пекин, судя по всему, вполне серьезно намерен формировать альтернативный существующему мировой порядок. В финансовом плане Китай уже создает многосторонние финансовые структуры в виде Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ, совокупный капитал 800 млрд долл.). Вместе с тем Пекин уже «протолкнул» идею Зоны свободной торговли со странами АТЭС и учредил Фонд Шелкового пути (капитал 40 млрд долл.). Решение геополитического аспекта китаецентричного мира возложено на долгосрочную стратегию двух путей: на-

земного и морского. Именно данный нюанс, то есть расчет на долгосрочную политическую выгоду, будет определять вторичность для Китая экономической выгоды.

Исходя из сказанного, на первом этапе (предположительно до 5–7 лет) проекты в рамках стратегии ОПОП будут казаться исключительно выгодными для ее участников с точки зрения экономических дивидендов и реальной прибыли. В частности, китайские проекты в рамках указанной стратегии намного привлекательнее Транстихоокеанского партнерства (ТТП) или всестороннего регионального экономического партнерства (ВРЭП). Но в долгосрочной перспективе эти проекты будут способствовать усилению зависимости от Китая (инвестиции, товары), с одной стороны, а также отдалению от западных политико-экономических структур – с другой.

Вместе с тем китайская стратегия, вполне вероятно, встретит серьезное сопротивление, причем не столько со стороны самих ее участников, хотя и это вполне ожидаемо (особенно на юго-восточном направлении), сколько со стороны США и их союзников. Отмечая риски китайской стратегии, авторитетный китайский специалист, генсек Боаоского азиатского форума Чжоу Вэньчжун, заявил, что необходимо готовиться к двум вызовам: геополитическому и риску в сфере международных финансов [Wang, 2015]. Другими словами, китайский эксперт намекает на то, что в среднесрочной перспективе Китай столкнется с теми же проблемами, с которыми сталкивались США при проведении своей политики в других регионах мира. В частности, рано или поздно встанет вопрос обеспечения стабильности в тех странах, в которые вкладываются большие инвестиции. А ОПОП предполагает многомиллиардные инвестиции в не очень стабильные в политическом и финансовом плане страны (*страны Юго-Восточной, Центральной и Южной Азии, Африки и Ближнего Востока*). Таким оразом, китайскому руководству нужно быть готовым к применению силовых методов воздействия за пределами страны и, соответственно, к критике со стороны мирового сообщества.

Перечисляя потенциальные риски китайского проекта, следует отметить, что в современных условиях геополитическое влияние Пекина на страны региона резко повышается. Это связано с тем, что в условиях нарастания геополитического противостояния США и России, особенно на фоне западных санкций, эти державы рискуют упустить важные процессы в Центральной Азии. Воспользовавшись данной ситуацией, в ближайшее время китайская сторона может принять конкретные действия по реализации ОПОП, что мы и наблюдаем.

В то же время стоит отдельно отметить, что при рассмотрении ОПОП традиционно принято учитывать только внешние условия [Economist Intelligence Unit, 2015]. То есть политическую и экономическую ситуацию в Центральной Азии, готовность этих государств поддержать проекты, настрой и позицию России и других центров силы. Но, как представляется, нельзя забывать и о внутренней готовности, и главное – возможностях самой экономики КНР осилить столь грандиозный проект. Сегодня в Китае нашли необходимые финансы и специально для целей проекта ЭПШП и в целом стратегии ОПОП инициировали создание двух крупных финансовых учреждений – Фонда Шелкового пути и Азиатского банка инфраструктурных инвестиций.

В то же время важно не забывать, что сейчас китайская экономика входит в опасный период своего развития и именно сейчас «экономическое чудо» Поднебесной может закончиться. По оценкам специалистов, по итогам 2017 г. китайская экономика также будет показывать высокий уровень государственного долга, а ситуация на фондовом рынке и рынке недвижимости в целом подтверждают наличие в китайской экономике фундаментальных проблем [CAA-Network, 2016].

Вместе с тем стоит учитывать такие внутренние факторы, как внутрипартийная борьба в Китае. Сможет ли команда Си Цзиньпина выстроить четкие задачи по практи-

ческой реализации долгосрочной стратегии в оставшееся время? Продолжат ли новые лидеры Компартии Китая начинания Си и его окружения? И вообще, может ли амбициозный Си Цзиньпин внести кардинальные изменения в систему перехода власти от поколения к поколению? Все эти вопросы напрямую влияют на успешность и стабильность ОПОП.

ОПОП во взаимодействии с другими проектами в регионе

Еще один момент подкрепляет опасения относительно китайского проекта. В частности, роль и место, отведенные китайскими властями России в стратегии ОПОП, все еще остаются неопределенными. Несмотря на официальные заявления властей, а также намеченные планы (скоростная железная дорога Пекин – Москва, автобан и др.), по большому счету Китай отводит России несущественное место в своей стратегии. Более того, предложив Москве указанные проекты строительства дорог, Пекин, судя по всему, рассчитывает отвлечь внимание России от собственных планов в Центральной Азии.

Как известно, изначально китайская сторона отводила Москве особое место в реализации ОПОП. Еще в 2013 г. в своей речи Си четко обозначил: «Мы готовы с Россией и странами ЦА, усиливая согласование и координацию, прилагать общие усилия к построению гармоничного региона» [Си, 2013]. В ответ Москва поддержала китайскую инициативу. Более того, в мае 2015 г. специально для этого было сделано совместное заявление о намерении запустить процесс сопряжения ЕАЭС и ЭПШП [Президент России, 2015].

Однако в настоящее время, судя по всему, позиция официальной Москвы, и особенно экспертного сообщества России, в отношении ОПОП несколько трансформируется. В частности, в процессе дальнейшего обсуждения перспектив участия в ОПОП российская сторона демонстрирует заинтересованность в новом формате. Выступая на Форуме в Пекине в мае 2017 г. президент России Владимир Путин снова стал продвигать идею о Большом евразийском партнерстве, в то время как идея о сопряжении ЕАЭС и ЭПШП ни разу не была упомянута [Президент России, 2017].

Расставленные российским лидером акценты дают понять, что Москва готова участвовать в китайской инициативе, но уже не в рамках озвученного сопряжения, а в рамках более масштабной формулы евразийского партнерства. Так, Владимир Путин в своей речи в Пекине в мае 2017 г. заявил: «...считаю, что сложение потенциалов таких интеграционных форматов, как ЕАЭС, “Один пояс, один путь”, Шанхайская организация сотрудничества, Ассоциация государств Юго-Восточной Азии, способно стать основой для формирования большого евразийского партнерства. Именно с таким подходом мы считаем возможным рассматривать повестку дня, предложенную сегодня КНР» [Президент России, 2017].

Совершенно ясно, что в настоящее время отношения РФ и КНР носят характер взаимных уступок. Каждая из сторон заинтересована друг в друге в решении своих задач, а их конкурирующие взгляды несколько снижены. Но в долгосрочном геополитическом плане Китай и Россия остаются соперниками, а с учетом амбициозных планов КНР по формированию китаецентричного миропорядка эти державы, вероятнее всего, вновь станут непримиримыми конкурентами.

Хотя, как показывают последние договоренности, Китай продолжает работу в направлении сопряжения. Китай и ЕАЭС объявили о завершении переговоров по Соглашению о торгово-экономическом сотрудничестве [ЕЭК, 2017].

Заключение

Появление и реализация инициативы «Пояс и путь», несомненно, придало заметный импульс сотрудничеству стран Центральной Азии и Китая. Появилось огромное количество новых проектов, в том числе в реальном секторе экономики, в транспортной сфере и т.д.

За небольшой промежуток времени с конца 2013 г. в рамках реализации программ и проектов указанной стратегии произошли большие изменения. В самом Китае за это время было создано более 50 научно-исследовательских центров, специализирующихся на Центральной Азии и в целом на изучении Шелкового пути [Belt and Road Database].

В странах Центральной Азии также появилось немало государственных и частных программ, призванных, образно говоря, «оседлать волну», связанную с реализацией проектов в рамках ОПОП.

Однако, как выяснилось, видение и подходы к сотрудничеству с Китаем у каждой из стран Центральноазиатского региона разные. Ясно, что каждая страна при выстраивании стратегии поведения с КНР исходит из собственных национальных интересов. Но такая разобщенность стран региона выгодна Пекину, который, договариваясь с каждым в отдельности, в итоге оказывается в выигрыше.

Между тем сам Китай и его внешнеполитическая и внешнеэкономическая политика находятся в процессе постоянного обновления или дополнения. В этом плане быстрый рост Китая с изменением механизмов проведения внешнеэкономической стратегии несет в себе определенные риски для его партнеров.

Находясь по соседству с КНР, Казахстан одним из первых ощущает изменения китайской политики. Процесс взаимодействия с Китаем сопряжен с рядом реальных рисков. Именно поэтому внешнеполитическая стратегия Казахстана опирается на принцип многовекторности. То есть Астана, активно включаясь в китайскую инициативу ОПОП, параллельно участвует в процессах евразийской интеграции, поддерживает механизм С5+1, а также тесно взаимодействует с европейскими партнерами.

В целом не только Казахстану, но и всем странам Центральной Азии сложно на равных сотрудничать с таким гигантом, как Китай. И дело не только в объемах и масштабах экономики Китая, но и в подготовленности кадров, работающих по нашему направлению.

В то же время, несмотря на определенные противоречия со стороны глобальных и региональных держав, реализация проектов под эгидой ОПОП идет полным ходом. Во многом это происходит благодаря мощной финансовой поддержке Китая.

Однако что будет с китайской инициативой после того, как Китай откажется от финансирования всех проектов подряд? В принципе, мы уже сегодня это наблюдаем. Ведь при всей необходимости имиджевой составляющей ОПОП китайская экономика не может себе позволить профинансировать все имеющиеся проекты.

Более того, как показывают последние исследования, у крупных инфраструктурных проектов, профинансированных Китаем в рамках ОПОП, есть один большой минус – низкая эффективность последующего управления [Golunov, 2017; Shepard, 2017]. Это приводит к перерасходу средств. В то же время западные эксперты указывают на возрастание политического влияния Китая в тех странах, где он финансирует проекты и программы [Pop, 2016]. Исходя из этого ОПОП ведет к увеличению зависимости от Китая, что никому не нравится.

В целом вопросов по дальнейшей судьбе ОПОП на центральноазиатском направлении остается все еще немало. И здесь многое будет зависеть от комплекса факторов, включающих позицию и политику самих стран Центральной Азии, дальнейшее виде-

ние и подходы Китая, позицию и действия России как ключевого игрока в регионе, а также от активности других «центров силы».

Источники

Атамбаев А. (2017) Кыргызстан выражает готовность к сопряжению концепции «Один пояс – один путь» с «Таза коом». 15 мая. Режим дотупа: http://kabar.kg/news/kyrgyzstan-vyrazhaet-gotovnost-k-sopriazheniiu-kontceptcii-odin-poias-odin-put-s-taza-koom-a.atambaev/ (дата обращения: 25.07.2018).

Бондаренко К. (2016) Внешний долг Таджикистана: растущие риски на фоне хрупкой стабильности. 12 октября. Режим доступа: http://cabar.asia/ru/konstantin-bondarenko-vneshnij-dolg-tadzhikistana-rastushhie-riski-na-fone-hrupkoj-stabilnosti/ (дата обращения: 26.07.2018).

Ван Г. (2015) Boao yazhou luntan mishu zhang zhouweozhong: Yidai yilu jianshe shouxian ying nachu xiangmu moban [Генеральный секретарь Форума Боао Чжоу Вэньчжун: для строительства «Пояса и пути» сначала нужно разработать шаблон проекта]. 23 марта. Режим доступа: http://finance.people.com.cn/n/2015/0323/c394778-26735349.html (дата обращения: 27.07.2018) (на кит. яз.)

Вэнь С. (2017) Wuzibiekesitanzongtong: tuidong zhongwu youhao hezuo geng shangceng lou [Президент Узбекистана: необходимо содействовать дальнейшему углублению дружественных китайско-узбекских отношений]. 10 мая. Режим доступа: http://oversea.huanqiu.com/article/2017-05/10635499.html (дата обращения: 27.07.2018) (на кит. яз.)

Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК) (2017) Китай и ЕАЭС объявили о завершении переговоров по Соглашению о торгово-экономическом сотрудничестве. 2 октября. Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/2-10-2017-5.aspx (дата обращения: 27.07.2018).

ИА Азия-плюс (2017) Китай обошел Россию по прямым инвестициям в Таджикистан. Режим доступа: https://news.tj/ru/news/tajikistan/economic/20170202/kitai-oboshel-rossiyu-po-pryamim-investitsiyam-v-tadzhikistan (дата обращения: 26.07.2018).

Изимов Р. (2016) Китай и Туркменистан: региональное измерение. Центральноазиатское бюро аналитической журналистики. 17 августа. Режим доступа: http://cabar.asia/ru/ruslan-izimov-kitaj-i-turkmenistan-regionalnoe-izmerenie (дата обращения: 26.07.2018).

Ли Т. (2014) Китай и Казахстан строят Экономический пояс Шелкового пути. 16 октября. Режим доступа: http://finance.eastmoney.com/news/1350,20141016434649817.html (дата обращения: 25.07.2018) (на кит. яз.).

Мирзиеев Ш. (2016) Товарооборот между Узбекистаном и КНР в 2017 г. составит $5 млрд. 13 мая. Режим доступа: regnum.ru/news/2274429.html (дата обращения: 25.07.2018).

Президент России (2015) Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути. 8 мая. Режим доступа: http://kremlin.ru/supplement/4971 (дата обращения: 26.07.2018).

Президент России (2017) Международный форум «Один пояс, один путь». 14 мая. Режим доступа: http://kremlin.ru/events/president/news/54491 (дата обращения: 26.07.2018).

Си Цзиньпин (2013) Укреплять дружбу народов, вместе открыть светлое будущее. Выступление Председателя КНР Си Цзиньпина в Назарбаев университете (полный текст). 16 сентября. Режим доступа: http://kz.china-embassy.org/rus/zhgx/t1077192.htm (дата обращения: 25.07.2018).

Си Цзиньпин (2014) Си Цзиньпин о государственном управлении. С. 385–395.

Си Цзиньпин (2017) Xi Jinping zai “Yi dai yi lu” guoji hezuo gaofei luntai kaimushi shangde yanjiang [Речь Си Цзиньпина на церемонии открытия Международного форума «Пояс и путь»]. 14 мая. Режим доступа: http://news.xinhuanet.com/politics/2017-05/14/c_1120969677.htm (дата обращения: 25.07.2018) (на кит. яз.).

Сыроежкин Г. (2016) Геополитические проекты в Центральной Азии и роль Казахстана. 30 марта. Режим доступа: http://cabar.asia/ru/konstantin-syroezhkin-geopoliticheskie-proekty-v-tsentralnoj-azii-i-rol-kazahstana/ (дата обращения: 25.07.2018).

Хасанова С. (2017) За время независимости Центральной Азии Китай превратился в ее главного экономического партнера. 22 сентября. Режим доступа: http://caa-network.org/archives/10334 (дата обращения: 25.07.2018).

Штукина Е. (2015) Китай предлагает создать зону свободной торговли в рамках ШОС. ТАСС. 15 декабря. Режим доступа: http://tass.ru/ekonomika/2527761 (дата обращения: 26.07.2018).

Фурстенберг С. (2017) Узбекистан: Мирзиеев хочет перемен, но справится ли он? 4 октября. Режим доступа: http://russian.eurasianet.org/node/64796 (дата обращения: 26.07.2018).

Akchabar Print (2017) Китай и Кыргызстан обсуждают создание фонда развития. 20 июля. Режим доступа: https://www.akchabar.kg/news/kitaj-i-kyrgyzstan-obsuzhdayut-sozdanie-fonda-razvitiya/ (дата обращения: 25.07.2018).

Belt and Road Database (с. а.) Режим доступа: http://www.ydylcn.com/ (дата обращения: 26.07.2018) (на кит. яз.).

Economist Intelligence Unit (2015) Prospects and Challenges on China's "One Belt, One Road:" A Risk Assessment Report. Режим доступа: https://iffo.org.hk/docs/default-source/Default/ge-one-belt-one-road-report-engversion_economistc63aa06efc2665b498f6ff0000d93771.pdf (дата обращения: 25.07.2018).

Gezitter (2017) Рассматривается создание кыргызско-китайского фонда развития бизнеса. 7 июля. Режим доступа: http://www.gezitter.org/politic/61380/ (дата обращения: 25.07.2018).

Golunov S. (2017) Russian and Chinese Influences in Shared Borderlands. Январь. Режим доступа: http://www.ponarseurasia.org/memo/russian-and-chinese-influences-shared-borderlands (дата обращения: 26.07.2018).

K-News (2016) Внешний долг Кыргызстана: сколько должны и что изменилось. 6 сентября. Режим доступа: http://knews.kg/2016/09/foreign-debt-1992-2016/ (дата обращения: 25.07.2018).

Lain S. (2017) Sarah Lain on the Chinese Investment in Central Asia // CAA-Network, 5 июня. Режим доступа: http://caa-network.org/archives/7200 (дата обращения: 26.07.2018).

Pop I.I. (2016) Strengths and Challenges of China's "One Belt, One Road" Initiative. Centre for Geopolitics & Security in Realism Studies, 9 февраля. Режим доступа: http://www.cgsrs.org/files/files/publications_46.pdf (дата обращения: 26.07.2018).

Shepard W. (2017) China's Challenges Abroad: Why The Belt & Road Initiative Will Succeed. 17 октября. Режим доступа: https://www.forbes.com/sites/wadeshepard/2017/10/17/chinas-challenges-abroad-5-reasons-why-the-belt-road-will-succeed/#ce78a994a826 (дата обращения: 26.07.2018).

Zakon (2016) Программа переноса мощностей КНР в РК включает 51 проект на $26 млрд. 2 сентября. Режим доступа: http://www.zakon.kz/4814888-programma-perenosa-moshhnostejj-knr-v.html (дата обращения: 25.07.2018).

The Central Asian Track of the One Belt One Road Initiative: Opportunities and Risks[1]

R. Izimov, Z. Muratalieva

Ruslan Izimov – Head, Eurasian Studies Programme of the Institute of World Economy and Politics under the Foundation of the First President of the Republic of Kazakhstan; Bokeyhan Str. 10, Astana, 010000, The Republic of Kazakhstan; E-mail: iziruslan@mail.ru

Zamira Muratalieva – PhD, Associate Professor, Scientific Secretary, Institute for Strategic Analysis and Forecast of the Kyrgyz-Russian-Slavic University; Chui Str. 42, Bishkek, 720000, The Kyrgyz Republic; E-mail: nargi84@yandex.com

Abstract

With the exception of Turkmenistan, Central Asian countries have consistently viewed foreign policy as a multivector activity since their independence more than 25 years ago. In the past, this strategy has shown its effectiveness and irreplaceability. Striving to maintain a delicate balance between the interests of global and regional empires, Kazakhstan and other countries in the region continue to pursue a multivector policy today. However, this task becomes more complicated year by year as competition between regional actors gathers pace. In that respect, the emergence and implementation of the Chinese One Belt One Road (OBOR) initiative, which objectively increases the dependence of countries in the region on China, plays a special role.

This article reviews the emergence and implementation of China's OBOR initiative in Central Asia. The authors set forth Beijing's foreign policy strategy with respect to the initiative in terms of its main components in Central Asia.

The cooperation of Kazakhstan and China is separately considered within the framework of the concept of linking the "Nurly Jol" state programme of infrastructural development for 2015–2019 and OBOR. Given the long-term nature of this project, forecasts are provided for the interaction of the Central Asian states with PRC within the framework of the Chinese initiative.

Additional issues relating to the coexistence of several projects in the Eurasian space, in which Kazakhstan and other countries of the region participate, are also considered. In particular, the authors analyze the role and place given by Chinese authorities to Russia within the OBOR strategy. Despite the official statements of the authorities or established plans (Beijing-Moscow high-speed railway, highway, etc.), China generally assigns an insignificant place to Russia in its strategy. Moreover, by offering road construction projects to Moscow, Beijing apparently expects to divert Russia's attention from its own plans in Central Asia. Against this background, there is a clear response from Moscow which is most evident in Russia's desire to actively promote the Greater Eurasian Partnership project.

Key words: One Belt, One Road; Chinese initiative; OBOR; Nurly Jol; Kazakhstan; Central Asian strategy; Central Asian countries; geopolitics

For citation: Izimov R., Muratalieva Z. (2018) The Central Asian Track of the One Belt One Road Initiative: Opportunities and Risks. *International Organisations Research Journal*, vol. 13, no 3, pp. 128–142 (in English). DOI: 10.17323/1996-7845-2018-03-08.

References

Akchabar Print (2017) China and Kyrgyzstan Discuss the Creation of a Development Fund, 20 July. Available at: https://www.akchabar.kg/news/kitaj-i-kyrgyzstan-obsuzhdayut-sozdanie-fonda-razvitiya/ (accessed 27 July 2018) (in Russian).

[1] The editorial board received the article in November 2017.

Asia-Plus (2017) China Outweighs Russia on Direct Investments in Tajikistan, 2 February. Available at: https://news.tj/ru/news/tajikistan/economic/20170202/kitai-oboshel-rossiyu-po-pryamim-investitsiyam-v-tadzhikistan (accessed 27 July 2018) (in Russian).

Atambayev A. (2017) Kyrgyzstan Expresses Readiness to Pair the Concept of "One Belt, One Road" with "Taza Koom," 15 May. Available at: http://kabar.kg/news/kyrgyzstan-vyrazhaet-gotovnost-k-sopriazheniiu-kontceptcii-odin-poias-odin-put-s-taza-koom-a.atambaev/ (accessed 27 July 2018) (in Russian).

Belt and Road Database (c. a.) Available at: http://www.ydylcn.com/ (accessed 27 July 2018) (in Chinese).

Bondarenko K. (2016) Tajikistan's External Debt: Growing Risks Against the Background of Fragile Stability, 12 October. Available at: http://cabar.asia/ru/konstantin-bondarenko-vneshnij-dolg-tadzhikistana-rastushhie-riski-na-fone-hrupkoj-stabilnosti/ (accessed 27 July 2018) (in Russian).

CAA Network (2016) Sarah Lane: Chinese Investment in Central Asia will Continue Despite Slowdown in Economic Growth, 5 June. Available at: http://caa-network.org/archives/7200 (accessed 27 July 2018) (in Russian).

Economist Intelligence Unit (2015) Prospects and Challenges on China's "One Belt, One Road:" A Risk Assessment Report. Available at: https://iffo.org.hk/docs/default-source/Default/ge-one-belt-one-road-report-engversion_economistc63aa06efc2665b498f6ff0000d93771.pdf (accessed 27 July 2018).

Eurasian Economic Commission (2017) China and the EEU Announced the Completion of Negotiations on the Agreement for Trade and Economic Cooperation, 10 February. Available at: http://www.eurasiancommission.org/en/nae/news/Pages/2-10-2017-5.aspx (accessed 27 July 2018).

Furstenberg S. (2017) Uzbekistan: Mirziyoyev Seeks Changes, but Will He Manage? 3 October. Available at: http://russian.eurasianet.org/node/64796 (accessed 27 July 2018) (in Russian).

Golunov S. (2017) Russian and Chinese Influences in Shared Borderlands. January. Available at: http://www.ponarseurasia.org/memo/russian-and-chinese-influences-shared-borderlands (accessed 27 July 2018).

Gezitter (2017) The Creation of the Kyrgyz-Chinese Business Development Fund, 7 July. Available at: http://www.gezitter.org/politic/61380/ (accessed 27 July 2018) (in Russian).

Isimov R. (2016) China and Turkmenistan: A Regional Dimension, 17 August. Available at: http://cabar.asia/ru/ruslan-izimov-kitaj-i-turkmenistan-regionalnoe-izmerenie/ (accessed 27 July 2018) (in Russian).

K-News (2016) Foreign Debt of Kyrgyzstan: The Amount and What Has Changed (Schedule), 6 September. Available at: http://knews.kg/2016/09/foreign-debt-1992-2016/ (accessed 27 July 2018) (in Russian).

Khassanova S. (2017) During the Independence of Central Asia, China Has Become Its Main Economic Partner, 22 September. Available at: http://caa-network.org/archives/10334 (accessed 27 July 2018) (in Russian).

Lee T. (2014) China and Kazakhstan Build the Silk Road Economic Belt, 16 October. Available at: http://finance.eastmoney.com/news/1350,20141016434649817.html (accessed 27 July 2018) (in Chinese).

Mirziyoyev (2016) The Trade Turnover between Uzbekistan and the PRC in 2017 Will Amount to $5 Billion, 13 May. Available at: http://regnum.ru/news/2274429.html (accessed 27 July 2018) (in Russian).

Pop I.I. (2016) Strengths and Challenges of China's "One Belt, One Road" Initiative. Centre for Geopolitics & Security in Realism Studies, 9 February. Available at: http://www.cgsrs.org/files/files/publications_46.pdf (accessed 27 July 2018).

President of Russia (2015) Joint Statement of the Russian Federation and the People's Republic of China on Cooperation in Combining the Construction of the Eurasian Economic Union and the Silk Road Economic Belt, 21 July. Available at: http://kremlin.ru/supplement/4971 (accessed 27 July 2018).

President of Russia (2017) "One Belt, One Road" International Forum, 14 May. Available at: http://kremlin.ru/events/president/news/54491(accessed 27 July 2018) (in Russian).

Shepard W. (2017) China's Challenges Abroad: Why The Belt & Road Initiative Will Succeed, 17 October. Available at: https://www.forbes.com/sites/wadeshepard/2017/10/17/chinas-challenges-abroad-5-reasons-why-the-belt-road-will-succeed/#ce78a994a826 (accessed 27 July 2018).

Shtukina E. (2015) China Proposes to Establish a Free Trade Area Within the SCO, 15 December. Available at: http://tass.ru/ekonomika/2527761 (accessed 27 July 2018) (in Russian).

Syroyezhkin K. (2016) Geopolitical Projects in Central Asia and the Role of Kazakhstan, 30 March. Available at: http://cabar.asia/ru/konstantin-syroezhkin-geopoliticheskie-proekty-v-tsentralnoj-azii-i-rol-kazahstana/ (accessed 27 July 2018) (in Russian).

Wang G. (2015) Zhou Wenzhong Secretary-General of the Boao Forum: First We Need to Develop a Project Template for the "Belt and Road" Construction, 23 March. Available at: http://finance.people.com.cn/n/2015/0323/c394778-26735349.html (accessed 27 July 2018) (in Chinese).

Wen X. (2017) President of Uzbekistan: It Is Necessary to Promote Further Deepening of Friendly Chinese-Uzbek Relations, 10 May. Available at: http://oversea.huanqiu.com/article/2017-05/10635499.html (accessed 27 July 2018) (in Chinese).

Xi J. (2013) Speech by President Xi Jinping of the People's Republic of China at the Nazarbayev University (full text), 16 September. Available at: http://kz.china-embassy.org/rus/zhgx/t1077192.htm (accessed 27 July 2018).

Xi J. (2014) The Governance of China. Beijing: Foreign Languages Press, pp. 385–395.

Xi J. (2017) Speech at the International Forum "Belt and Road" Opening Ceremony, 14 May. Available at: http://news.xinhuanet.com/politics/2017-05/14/c_1120969677.htm (accessed 27 July 2018) (in Chinese).

Zakon (2016) The Programme of Transferring Industrial Facilities from the PRC to the RK Includes 51 Projects Worth $26 Billion, 2 September. Available at: http://www.zakon.kz/4814888-programma-perenosa-moshhnostejj-knr-v.html (accessed 27 July 2018) (in Russian).

К сведению авторов

Редакция журнала «Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика» НИУ ВШЭ приглашает к сотрудничеству авторов.

Наше издание открыто для экспертных организаций и исследовательских институтов, в том числе вузов, занимающихся изучением вопросов деятельности международных институтов; развития образования, науки и инноваций в национальном и международном контексте. В числе наших авторов мы будем рады видеть ученых и экспертов в сфере международных отношений и глобального управления; содействия развитию; международного сотрудничества по различным сферам социально-экономической политики. Мы приглашаем к сотрудничеству исследователей и экспертов зарубежных университетов, экспертных институтов и международных организаций и рады возможности познакомить российского читателя с результатами оригинальных исследований зарубежных авторов. Журнал принимает для рассмотрения результаты исследований и публикации учащихся аспирантур российских университетов, вузов стран СНГ, университетов дальнего зарубежья. Аудитория журнала в настоящее время представлена руководителями и специалистами научно-исследовательских организаций, федеральных министерств и ведомств, экспертным и академическим сообществом России, стран СНГ, дальнего зарубежья.

Мы будем рады видеть вас среди наших авторов!

Обращаем внимание:

- Все материалы публикуются бесплатно. Основными требованиями к материалу является его соответствие тематике издания, научность и соблюдение требований к оформлению рукописей.
- Требования к оформлению рукописей сформированы на основании текущих российских требований и **требований международной библиометрической базы Scopus** к оформлению научных публикаций.
- Российские требования и требования международной библиометрической базы Scopus к рукописям размещены на странице журнала по адресу http://iorj.hse.ru/authors. **Несоответствие рукописей всем требованиям является одним из оснований для отказа в публикации статьи в журнале.**
- Перед публикацией все присланные материалы проходят процедуру анонимного рецензирования.
- На основании полученного экспертного заключения материалы публикуются, возвращаются авторам на доработку или не допускаются к изданию. Редакция своевременно уведомляет автора в случае отказа в публикации.
- С авторами опубликованных материалов заключается **лицензионный договор**, согласно которому изданию передаются неисключительные права на публикацию материала.
- Все рукописи передаются в редакцию журнала по электронной почте по адресу iorj@hse.ru.

С уважением,
редакция журнала «Вестник международных организаций»

Формат 60×88 1/8. Печать офсетная.
Бумага офсетная № 1. Уч.-изд. 14,1. Тираж 500 экз. Заказ .

Адрес редакции
Россия, 119017, Москва, Малая Ордынка, д. 17, оф. 417
Телефоны: +7 (495) 772-95-90 *23147 и *23149
E-mail: iorj@hse.ru

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., д. 6